2
BX
491

Е. Поселянинъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ

и

ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

849

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная № 12, собств. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій пр. 98, уг. Надеждинск.

1г

Позволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 декабря 1902 г.

303
32

Типографія П. П. Сойкина. С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

849

ИСТОЧНИКИ.

Главными пособіями при составленіи настоящей книжки послужили:

1) „Исторія Русской Церкви“, арх. Филарета Черниговскаго.

2) „Разсказы изъ исторіи Русской Церкви“, графа М. В. Толстого.

3) „Θеофанъ Прокоповичъ и его время“, проф. Чистовича.

4) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, проф. Шляпкина.

5) „Очерки изъ исторіи Русской Церкви за время царствованія Екатерины II“, П. Знаменскаго.

6) „Начертаніе житія Московскаго Митрополита Платона“, Снегирева.

7) Отдѣльныя жизнеописанія подвижниковъ благочестія XVIII вѣка.

849.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весь почти восемнадцатый вѣкъ представляетъ собою одну изъ самыхъ тяжкихъ эпохъ русской исторіи.

То былъ вѣкъ полнаго переустройства рѣшительно почти во всѣхъ областяхъ этой жизни. Какъ часто болѣзненъ бываетъ чрезмѣрно быстрый ростъ организма, такъ же болѣзненно было многое въ тѣхъ коренныхъ, внезапныхъ преобразованіяхъ, которыя точно желали искоренить все старое, даже если оно было хорошо, искоренить только лишь оттого, что оно было старое, а на мѣстѣ этого стараго насадить новое, не всегда удачное.

Въ этой погонѣ за нововведеніями были чрезмѣрныя увлеченія, преувеличенія. Желали освѣжить религіозную жизнь народа—и ударились въ протестантизмъ; желали усовершенствовать монашество — и чуть было не разрушили его.

Но, славу Богу, время и жизнь — жизнь, мудрый, осторожный врачъ, историческихъ заблужденій и ошибокъ—исправили все, что непрочнаго, скороспѣлаго было въ реформахъ XVIII вѣка.

И, если мы сравнимъ время Θеофана—эту эпоху доносовъ, судовъ надъ архіереями, погибавшими въ ссылкахъ и казематахъ,—съ эпохою Платона, стоящаго на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ: несмотря на то, что и при немъ были недочеты въ положеніи церкви,—мы будемъ удивлены чрезвычайною разницею между настроеніями и,

такъ сказать, колоритами обѣихъ эпохъ. Въ первой — общая смятенность, подавленность, страхъ; во второй — тишина и спокойствіе.

Въ тѣсныхъ рамкахъ настоящей книги мы разсмотримъ выдающіяся событія въ русской духовной жизни XVIII вѣка и помянемъ труды тѣхъ подвижниковъ вѣры и просвѣщенія духовнаго, чьи руки спасли Россію отъ великой, угрожавшей ей опасности умаленія въ ней праотеческой вѣры, и вывели изъ бурь корабль русской Церкви съ нерастраченнымъ Ея сокровищемъ — всею полнотою и истиною православія.

ГЛАВА I.

Религіозныя воззрѣнія Петра Великаго.—Недовольство приверженцевъ старины.—Послѣдній патріархъ Адріанъ —Переходное время.—Монастырскій приказъ.—Мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій и его стояніе за православіе.

Послѣдній патріархъ московскій Адріанъ былъ человѣкъ стараго склада, со столь неподвижными убѣжденіями, что никакъ не могъ сочувствовать дѣятельности Петра, страстною рукой увлекавшаго Россію по пути реформъ.

Насколько патріархъ Андріанъ былъ вѣренъ старинѣ, видно изъ того, что онъ предавалъ анаѳемѣ брадобритіе, что лютеранскія вѣрованія возбуждали въ немъ ненависть не большую, чѣмъ куреніе табака. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ жалуется, что многіе „отъ *пипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ*, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли“. Въ этой проповѣди его звучитъ глубокое недовольство на вольнодумство новаго времени: „Совратясь со стезей отцовъ своихъ, говорятъ: „для чего это въ церкви такъ дѣлается? Нѣтъ въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ... Едва только святымъ книгамъ узнаетъ имя или складъ словесный, и уже учитъ архіереевъ и священниковъ, монастыри править, устрояетъ чинъ церковный“.

Въ началѣ царствованія Петра, когда юный царь сперва былъ подъ опекою царевны Софьи, потомъ подъ вліяніемъ матери своей, Натальи Кирилловны Нарышкиной, до того ненавидѣвшей иностранцевъ, что она никогда

не допускала ихъ къ своей рукѣ,—такое направленіе не шло въ разрѣзъ съ главнымъ теченіемъ времени.

Но Петръ выросъ, созрѣлъ, его характеръ отлился въ оригинальныя формы. Въ немъ не было духа древняго великорусскаго благочестія, онъ не дорожилъ формами этого благочестія, хотя былъ человѣкъ глубоко вѣрующій. Онъ всѣмъ существомъ своимъ былъ практикъ. Учившись на ходу, среди потѣхъ, онъ бросился прежде всего къ тому, въ чемъ видѣлъ пользу. Не вѣроисповѣдные толки, не блескъ богослуженій церковныхъ, къ чему такъ лежала душа былыхъ московскихъ князей и царей, занимала Петра, а крѣпости, верфи, флоты, пушки, ремесла. Большинство прежнихъ русскихъ людей не рѣшились бы знаться съ еретиками—иностранцами. Петръ же безъ всякаго сомнѣнія пошелъ къ нимъ за внѣшними знаніями.

Суровый дѣлецъ съ какою-то болѣзненной ненавистью къ религіозной исключительности: таковъ былъ Петръ, и такимъ вышелъ онъ отчасти благодаря обстоятельствамъ. Въ началѣ его царствованія произошли страшные бунты тупыхъ приверженцевъ старины, называвшихъ себя старовѣрами, волненія невѣжественной черни подъ личиною вѣры, во имя будто бы древняго православія, заговоръ на жизнь Петра, возстаніе стрѣльцовъ. И то, что всѣ эти люди прикрывались мнимою религіозностью, выставляли вѣру отцовъ, какъ знамя, за которое они боролись: все это и образовало въ Петрѣ такую вражду ко всему, что имѣло видъ религіозной обособленности и исключительности. Эти же обстоятельства придали реформамъ Петра крутой, насильственный, нѣсколько даже жестокій характеръ.

Но глубокою несправедливостью было бы обвинять Петра въ недостаткѣ любви къ Россіи, въ отсутствіи религіозныхъ чувствъ. Россію онъ любилъ пламенно, и въ отношеніяхъ къ Европѣ видѣлъ лишь орудіе для усиленія Россіи. „Европа, писалъ онъ, нужна намъ только

на нѣсколько десятковъ лѣтъ. А послѣ того мы можемъ обернуться къ ней задомъ".

Служеніе Россіи, ежедневный настойчивый трудъ для нея, представлялись Петру высокою религіозною обязанностью.

„О Петрѣ вѣдайте, говорилъ онъ предъ Полтавскою битвою, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи". „Молись и трудись,— повторялъ онъ часто и прибавлялъ къ этому слова апостола: аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ". Разъ онъ написалъ боярину Стрѣшневу: „Мы по заповѣди Божіей къ праотцу Адаму въ потѣ лица своего хлѣбъ ѣдимъ". Петръ сознавалъ, что самые упорные труды могутъ быть неудачны, если не будетъ на нихъ Божія благословенія. Но это указываютъ его слова: „Быть трудолюбивымъ и честнымъ—вотъ лучшая политика человѣка, власть имущаго. Приноситъ она однакоже мало пользы, если не сопутствуетъ ей благословеніе Божіе". Въ великихъ обстоятельствахъ своей жизни Петръ всегда съ особою силою помнилъ о воздѣйствіи Провидѣнія. Такъ, по случаю взятія Азова, Петръ писалъ Шереметеву: „Письмо ваше о пресчастливой побѣдѣ съ превеликою радостью приняли и Господу Богу сердечно благодарили, ибо таковые случаи Ему единому приписывать достоитъ". При извѣстіи о заключеніи мира со Швеціей царь писалъ: „Николи наша Россія такого полезнаго мира не получала. За еже все—да будетъ Богу, всѣхъ благъ виновнику, выну хвала". Послѣ неудачи съ турецкой арміей на берегахъ Прута, Петръ писалъ въ Сенатъ: „Такъ воля Божія благоволитъ и грѣхи христіанскіе допустили.—Но мню, что праведный Богъ можетъ къ лучшему сдѣлать".

Петръ малился Богу. По праздникамъ ходилъ въ церковь и по живости своего характера пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостолъ. Но все же нельзя сказать, чтобы онъ отличался особою набожностью. Всѣ проявленія

древне-русской набожности, постничество, многочисленные земные поклоны, много свѣчъ, зажженныхъ предъ образами, любовь къ звонкимъ колоколамъ: все это ему не нравилось, было не въ его духѣ. Но порою религіозное чувство вспыхивало въ немъ съ силою, искавшею внѣшняго выраженія. Когда послѣ страшной бури на Бѣломъ морѣ, онъ присталъ къ берегу у Пертоминскаго монастыря, то, полный благодарности къ Богу за спасеніе жизни, онъ поставилъ на память объ этомъ крестъ. Одержавъ Полтавскую побѣду, которая прославила Россію громкою славою и дала ей значительное мѣсто среди европейскихъ державъ, Петръ, подъ наплывомъ сильнаго религіознаго чувства, воздвигъ на полѣ битвы собственноручно крестъ съ надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709“. Проживая дни лѣченія въ Богеміи, въ Карлсбадѣ, Петръ часто удалялся для уединенной молитвы на гору неподалеку, гдѣ доселѣ деревянный крестъ означаетъ мѣсто царской молитвы.

Однажды государь прибылъ въ Смоленскъ для казни взбунтовавшихся стрѣльцовъ. Когда преступники были уже подведены къ плахѣ, изъ толпы народа къ ногамъ государя бросилась игуменья Смоленскаго монастыря Марѳа съ громкимъ воплемъ о помилованіи. Царь смягчился душою отъ этой неожиданной мольбы, подалъ рукою знакъ остановить казнь и отмѣнилъ ее. Ощущая сладость прощенія и желая отблагодарить Марѳу, царь приказалъ, чтобъ она требовала отъ него, чего пожелаетъ, и что онъ все исполнитъ. Марѳа просила воздвигнуть въ ея обители вмѣсто деревянной—каменную церковь, что и было сдѣлано.

Переѣзжая въ Петербургъ, Петръ перевезъ изъ Москвы много святынь въ видѣ прославленныхъ чудотворныхъ иконъ. Такъ, перевезъ онъ знаменитую Казанскую икону, свою келейную—Нерукотвореннаго Спасителя, находящуюся понынѣ въ „домикѣ Петра Великаго“ на

Петербургской сторонѣ, Знаменія Царскосельскую, всѣхъ Скорбящихъ Радости.

Но, какъ всегда бываетъ съ людьми страстнаго характера, не сочувствіе Петра къ набожности древнерусскаго характера выразилось въ формахъ черезчуръ рѣзкихъ, иногда непристойныхъ и даже не остроумныхъ.

Такъ, Петръ учредилъ „всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ“, во главѣ котораго поставилъ бывшаго своего учителя, пьяницу Никиту Зотова, съ титуломъ патріарха Иренбургскаго, Яузскаго и всего Кокуя; членамъ этой шутовской компаніи были розданы имена экклезіарховъ, діаконовъ, и т. д.; самъ Петръ принялъ на себя должность протодіакона.

Понятно, что такіе поступки сильно возбуждали противъ Петра и его серьезныхъ реформъ ту часть русскаго общества, которая чтила старину. И дѣло дошло, наконецъ, до того, что его нѣкоторыя считали антихристомъ. Къ чувству оскорбленнаго національнаго достоинства, раздраженнаго и задѣтаго неумѣстными придатками реформъ Петра, присоединилась и великая экономическая тягота, такъ какъ реформы, особенно военная часть, требовали громадныхъ расходовъ. Помимо издержекъ на военное дѣло, дорого стало русскому народу и построеніе Петербурга, къ которому сгоняли плотниковъ, каменьщиковъ и разнообразныхъ мастеровъ.

Не въ одной средѣ старой родовитой Москвы, крѣпко привязаннаго къ старинѣ служилаго сословія и являющагося всегда консервативнымъ элементомъ духовенства дѣятельность Петра осуждалась и вызывала тяжелое чувство. Въ скорости, съ какою Петръ преобразовывалъ Россію, было, конечно, что-то непосильное народу, который напрягался изъ послѣднихъ силъ.

Насколько правительству приходилось быть изобрѣтательнымъ въ собираніи денежныхъ рессуровъ съ народа, видно, напримѣръ, изъ указа о гробахъ отъ 15

января 1705 г. *): велѣно было отобрать дубовые гробы по цѣнѣ, подъ страхомъ наказанія не приславшимъ; собранные продавать по цѣнѣ вчетверо; если принесутъ покойника въ дубовомъ гробѣ безъ указаннаго ярлыка, допрашивать.

Поборы натурою были постоянно. Монастырскій приказъ, вѣдавшій по смерти патріарха Адріана духовенство и монастыри и ихъ имѣнія, постоянно долженъ былъ доставлять на государственныя надобности крупныя средства. Въ 1705 году послѣдовалъ указъ архіереямъ и настоятелямъ монастырей давать жалованье „противъ прежнихъ дачъ съ убавкою“ и очень значительною, „а въ архіерейскихъ домахъ всякихъ чиновъ людямъ“... давать половину, а „другую половину сбирать въ монастырскій приказъ на дачу жалованья ратнымъ людямъ“.

Въ Москву съ монастырей требовали лошадей на смотръ, не годятся ли для военнаго дѣла, требовали каменьщиковъ, кирпичниковъ, столяровъ, кузнецовъ и печатниковъ и денегъ, денегъ, денегъ для корабельной стройки, для верфей, для войнъ. Въ 1707 году Петръ, нуждаясь въ деньгахъ для войны, далъ приказъ прислать въ Москву изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей серебряную казенную посуду, оправленную серебромъ сбрую и ломаное серебро, кромѣ освященныхъ сосудовъ и церковныхъ вещей.

Что силы населенія были истощены, видно, напримѣръ, изъ того, что сочувствовавшій реформамъ Петра новгородскій митрополитъ Іовъ пишетъ государю челобитную съ просьбой освободить его отъ посылки плотниковъ на Воронежскую верфь, а позже говоритъ о невозможности выслать денегъ: „У меня денегъ нѣтъ. Да освободитъ великій Государь насъ отъ такого несноснаго и невозможнаго даянія“.

---

*) Проф. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время, стр. 301.

Вотъ, на почвѣ этого экономическаго изнуренія — и всякое неудовольствіе духовною, такъ сказать, стороною реформы принимало болѣзненное направленіе, выражавшееся хоть бы въ признаніи Петра антихристомъ.

Жаловались даже солдаты, жаловались горько. Сохранилось интересное подметное письмо 1716 года.

„Уже-де тому 15 лѣтъ, какъ началась война со Шведомъ. Нигдѣ мы худо не сдѣлали и кровь свою не жалѣючи проливали, а и понынѣ себѣ не видимъ покою, чтобы отдохнуть годъ или другой; женъ и дѣтей не видимъ. Сравняли-де насъ съ посохою, какъ пришелъ изъ кампаніи, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день, и ночь упокою намъ нѣтъ... Уже чрезъ мѣру лѣто и осень ходимъ по морю, чево не слыхано въ свѣтѣ; а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и холоду помираютъ. А государство свое все разорилъ, что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы“.

Конечно, Петръ сознавалъ это недовольство населенія, которому въ государственныхъ видахъ должно было напрягаться до послѣдней возможности. Онъ глубоко страдалъ, видя непониманіе своихъ стремленій, своей жажды быстро, гигантскимъ шагомъ, двинуть Россію впередъ. И особенно тяжело ему было видѣть несочувствіе себѣ въ лицахъ, стоявшихъ на высотѣ, всѣми видныхъ, задававшихъ общій тонъ. А первымъ изъ такихъ лицъ былъ патріархъ.

Глубокая внутренняя рознь была между Петромъ и послѣднимъ русскимъ патріархомъ Адріаномъ. Петръ не принималъ отъ него того, что принималъ отъ совершенно неизвѣстныхъ ему лицъ. Выше было разсказано, какъ смоленская игуменья Марѳа вымолила у Петра избавленія отъ казни стрѣльцовъ. Патріархъ Адріанъ въ Москвѣ, помня древнее право святителей московскихъ печаловаться за опальныхъ, пришелъ въ застѣнокъ съ иконою Богоматери на рукахъ и молилъ царя о пощадѣ стрѣль-

цовъ. Петръ не принялъ его печалованія. „Зачѣмъ ты здѣсь,—закричалъ онъ:—скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто; знай: что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой домъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей гибели".

Сперва Адріанъ рѣзко осуждалъ иноземные обычаи, вводимые царемъ, но скоро долженъ былъ замолчать. Послѣднее время онъ жилъ безвыѣздно, ни во что не вмѣшиваясь, подъ Москвой, въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ.

Народъ былъ этимъ недоволенъ и говорилъ... „Какой онъ патріархъ? Живетъ изъ куска, бережетъ мантіи да клоблука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ".

Въ этомъ безучастіи патріарха, Петру видѣлось пассивное сопротивленіе своимъ реформамъ. Онъ казался Петру какъ бы сосредоточіемъ недовольства всей страны. Пусть онъ сейчасъ молчалъ. Онъ или его преемникъ могъ заговорить, а Петръ зналъ, что, въ случаѣ рѣзкаго осужденія патріархомъ реформъ, выйдетъ еще болѣе хлопотъ и недоразумѣній, чѣмъ съ Никономъ. Когда Адріанъ въ 1700 году умеръ, Петръ, не увѣренный въ томъ, что найдетъ среди высшаго духовенства лицъ, безусловно сочувствующихъ его преобразованіямъ, рѣшилъ повременить выборомъ новаго патріарха. Начавшаяся Шведская война дала ему поводъ продлить переходное положеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что ему не достаетъ душевнаго спокойствія, необходимаго при выборѣ столь значительнаго лица, какъ патріархъ. Это было первымъ шагомъ къ отмѣнѣ патріаршества.

Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, а патріаршій домъ, домы архіерейскіе и монастырскіе даже велѣно было вѣдать боярину Мусину-Пушкину: „сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатахъ и писать монастырскимъ приказомъ".

Вѣдомству этого учрежденнаго, или, вѣрнѣе, возобновленнаго, 24 января 1701 года, приказа подлежало управленіе патріаршими, архіерейскими, монастырскими и церковными вотчинами; устройство и содержаніе тѣхъ церковныхъ учрежденій, отъ которыхъ были отобраны въ собственность государства эти вотчины; установленіе штатовъ, назначеніе настоятелей, строительная часть, посредничество между церковью и государствомъ. Учрежденіемъ этого приказа сдѣланъ былъ первый шагъ по переводу церковныхъ вотчинъ въ безусловное вѣдѣніе государства. Тотчасъ по учрежденіи приказа начали составлять переписи всего церковнаго имущества. По архіерейскимъ домамъ и монастырямъ разосланы были стольники, стряпчіе, дворяне и приказные.

Отмѣна патріаршества сильно не понравилась многимъ приверженцамъ старины, которые боялись, что эта отмѣна поведетъ за собою потерю церковной своей самостоятельности. Намѣстникъ патріаршаго престола былъ ограниченъ собраніемъ очередныхъ епископовъ, вызывавшихся поперемѣнно изъ епархій въ Москву. Совѣщанія между мѣстоблюстителемъ и этими епископами представлялись на утвержденіе Петра. Участіе въ духовномъ управленіи свѣтской власти стало сразу весьма значительнымъ. Совершенно устраненный монастырскимъ приказомъ отъ множества упомянутыхъ выше весьма важныхъ дѣлъ, состоявшихъ раньше въ вѣдѣніи патріарха, митрополитъ Стефанъ и въ чисто духовныхъ дѣлахъ не имѣлъ почти никакой власти. Множество назначеній на мѣста духовнаго управленія шли помимо Стефана, по представленію Меншикова, Мусина-Пушкина и другихъ лицъ. Исключительно Мусинъ-Пушкинъ распоряжался патріаршею типографіей, сочиненіями, переводами, изданіемъ книгъ, даже исправленіемъ Библіи, хотя это исправленіе и было поручено надзору Стефана.

Вообще, ревностный къ православію, правдолюбивый

Стефанъ много пострадалъ въ жизни, являясь одною изъ жертвъ той переходной эпохи.

Происходя изъ дворянской Волынской семьи, Стефанъ, въ жаждѣ образованія, долженъ былъ поступить въ славившіяся тогда галицкія и польскія училища, и для того, вѣроятно, на время отступить отъ православія. Присланный благодѣтелемъ своимъ, митрополитомъ кіевскимъ Варлаамомъ Ясинскимъ, въ Москву, — онъ былъ замѣченъ Петромъ, который услышалъ слово, произнесенное имъ надъ гробомъ боярина Шеина, и который искалъ ученыхъ и способныхъ монаховъ, особенно не враждебныхъ европейскому духу, чтобы такими монахами замѣщать епископскія каѳедры. Петръ призвалъ Стефана на Казанскую каѳедру, отъ которой онъ долго отказывался, такъ какъ въ Москвѣ его осыпали бранью и клеветами за его пребываніе у іезуитовъ. Въ Великороссію онъ внесъ съ собою ту любовь къ просвѣщенію, которая составляла отличительную черту малорусскаго монашества, принесъ и свое захватывающее, краснорѣчивое слово. Даже враги его говорили, что, уча въ церкви, онъ могъ по произволу заставить слушателей плакать или смѣяться.

Свой даръ слова онъ посвятилъ борьбѣ съ двумя современными ему язвами: расколомъ и протестантскими вѣяніями.

Онъ засталъ въ Москвѣ мнѣніе, что близко пришествіе антихриста, что Москва — Вавилонъ, а жители ея вавилоняне, слуги антихристовы и сыны погибели. Нѣкоторые брались за вычисленія, назначали день и часъ, когда Христосъ придетъ на судъ, и предъ назначеннымъ ими временемъ дѣлали себѣ гробы, рыли могилы, закутывались въ саваны и ложились ожидать Христа.

Для вразумленія такихъ людей Яворскій написалъ сочиненіе съ обличеніемъ этихъ мнѣній, показывая, на основаніи св. Писанія, каковы будутъ истинные признаки пришествія антихриста.

Совершенно невозможную, дикую форму приняло въ Москвѣ распространеніе кальвинистскаго ученія. Полковой фельдшеръ Тверитиновъ, набравшись неправославныхъ мыслей у врача-иноземца, сталъ распространять хулы на многія изъ завѣтнѣйшихъ преданій церковныхъ: говорилъ противъ св. иконъ, креста, мощей, причастія, святыхъ, литургіи, противъ поминовенія усопшихъ, постовъ, значенія добрыхъ дѣлъ.

Онъ нашелъ себѣ послѣдователей между невѣжественными стрѣльцами и мастеровыми. Брадобрѣй Ѳома Ивановъ дошелъ до такого изступленія, что въ Чудовѣ монастырѣ при народѣ кричалъ хульныя слова на великаго святителя московскаго Алексія митрополита и разрубилъ ножомъ его икону. Стефанъ Яворскій послѣ этого ужаснаго событія тотчасъ нарядилъ тайное разслѣдованіе объ этомъ обществѣ и, найдя главныхъ виновниковъ, предалъ ихъ церковной анаѳемѣ; Ѳома былъ казненъ по гражданскому суду.

Чтобы оградить православныхъ отъ протестантской пропаганды, онъ написалъ знаменитый „Камень вѣры“, изданный уже по его кончинѣ.

Чѣмъ же кончилось это Тверитиновское дѣло для ревностнаго Стефана? Въ этомъ странномъ человѣкѣ самыя прямыя, ясныя дѣла принимали часто невѣроятный оборотъ. Государь остался недовольнымъ поспѣшностью въ рѣшеніи суда и строгостью приговора. Въ этомъ взглядѣ государя на дѣло нельзя не видѣть вмѣшательства сильныхъ при Дворѣ иностранцевъ, которые были очень недовольны дѣйствіями Стефана. Стефанъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ по этому дѣлу ему пришлось вынести много непріятностей.

Если Стефану удавалось иногда склонить царя къ какой-нибудь мѣрѣ въ пользу православія (въ 1719 году по его внушенію Петръ издалъ указъ не иначе дозволять бракъ лютеранина съ православнымъ лицомъ, какъ подъ условіемъ воспитать дѣтей въ православіи), то въ

общемъ постоянная борьба, постоянное несогласіе идей Стефана съ тѣмъ, что творилось высшимъ духовнымъ управленіемъ глубоко его угнетали. Смѣлый, благородный, откровенный, онъ говорилъ правду Петру, окруженному протестантами, которые за то и ненавидѣли его, какъ непримиримаго, стойкаго врага.

По словамъ апостола, „не взирая на лица“, въ пастырской дѣятельности своей, Стефанъ, если видѣлъ что неправильное, несоотвѣтственное достоинству Помазанника въ дѣйствіяхъ Петра,—онъ не страшился обличать его. Такъ, во время тяжкаго недоразумѣнія, столь прискорбно кончившагося, съ царевичемъ Алексѣемъ, на 17 марта, на память святого Алексія, человѣка Божія, (день имянинъ царевича, находившагося тогда за границею), Стефанъ въ словѣ своемъ коснулся современныхъ событій и довольно рѣзко въ довольно прозрачныхъ намекахъ осуждалъ семейную жизнь Петра и жалѣлъ царевича. Вотъ это смѣлое мѣсто: „О! угодниче Божій, не забуди и тезоименинника твоего и особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой—онъ такожде по чужимъ домамъ скитается. Ты удалился отъ родителей—онъ такожде. Ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ, подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ—онъ такожде. Ты человѣкъ Божій:—онъ такожде рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій: покрый своего тезоименинника, едину нашу надежду“. А вотъ слова, ясно намекающія на Петра: „Море свирѣпое, море — человѣче законопреступный, — почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій; берегъ есть—во еже не прелюбы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть во еже хранити благочестіе, посты, а наипаче четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы“.

Быть можетъ, это не полное сочувствіе Стефана дѣятельности Петра раздражало Петра еще больше, чѣмъ

молчаливое неодобреніе Адріана. Адріана, человѣка не блестящаго, не глубокаго образованія, можно было обвинить въ рутинѣ, тогда какъ Стефанъ былъ человѣкъ большихъ дарованій, большого ума, глубокаго европейскаго образованія, человѣкъ выдающійся, блестящій, но вмѣстѣ—человѣкъ, знавшій во всемъ мѣру, чего такъ не хватало во всю жизнь Петру... И къ концу жизни Стефана, мѣстоблюститель патріаршаго престола и вознесшій его по собственному выбору царь совершенно, кажется, не понимали другъ друга.

Царь находилъ, что недовольно дѣятеленъ Стефанъ, и обвинялъ его въ распущенности духовенства, во множествѣ праздношатающихъ поповъ и монаховъ, въ существованіи кликушъ и юродивыхъ, встрѣчавшихся весьма часто, во множествѣ вымышленныхъ чудесъ и ложно объявляемыхъ мощахъ: во всемъ это, ложное или истинное, равно, кажется, не нравилось Петру, тогда какъ всѣ проявленія древняго праотеческаго благочестія были дороги Стефану, и онъ относился къ нимъ, прежде чѣмъ гнать ихъ, безъ предубѣжденія, исключающаго всякую возможность спокойной критики, безпристрастнаго испытанія.

Хотя при учрежденіи св. Синода Стефанъ былъ назначенъ президентомъ его, многія синодальныя распоряженія того времени — отмѣненныя впослѣдствіи, какъ вредныя для Церкви — шли въ разрѣзъ со взглядами Стефана. Больной тѣломъ, угнетенный духомъ, онъ могъ оказывать лишь слабое сопротивленіе вѣянію новаго духа.

Онъ подавалъ протесты противъ новыхъ порядковъ, которые хотѣлъ завести царь въ духовной жизни русскаго народа. Но эти протесты обрушивались на его же усталую голову, навлекая на него гнѣвъ государя и вражду товарищей. Онъ былъ въ открытой враждѣ съ самымъ сильнымъ въ то время духовнымъ лицомъ, носителемъ взглядовъ Петра со всѣми ихъ заблужденіями, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, столь справедливо обвиняемымъ

въ протестантизмѣ. Не разъ, когда Петръ уже избѣгалъ свиданій съ нимъ, Стефану приходилось оправдываться предъ государемъ письмами. Видя недовольство государя, вражду къ себѣ членовъ Синода, съ которыми онъ такъ не сходился взглядами, Стефанъ счелъ за лучшее удалиться изъ Петербурга. Не добившись объясненія съ государемъ, Стефанъ написалъ ему пространное письмо, помѣченное 27 іюня 1722 г. и подписанное: „Смиренный Стефанъ, пастушокъ Рязанскій". Онъ скончался чрезъ четыре мѣсяца послѣ этого письма, оставляя свободное поле дѣйствій человѣку во всемъ, кромѣ любви къ просвѣщенію, противоположному съ нимъ Ѳеофану Прокоповичу.

Тихимъ, отраднымъ свѣтомъ горитъ чистый образъ Стефана Яворскаго на порогѣ между двумя эпохами Русской Церкви. Если и лежитъ пятно на его молодости — временный католицизмъ, принятый изъ жажды знанія и изъ невозможности получить иначе полное образованіе, то клеветами, которыя ему потомъ пришлось перенести, онъ вполнѣ искупилъ этотъ грѣхъ. Онъ всѣми силами служилъ Церкви, православію, искалъ не личныхъ выгодъ, а пользы дѣла церковнаго, какъ, по крайнему разумѣнію своему, понималъ эту пользу. Ревностью въ проповѣди, независимостью въ обличеніи грѣха, сколь бы высоко, по человѣческимъ мѣркамъ, ни свилъ себѣ гнѣзда этотъ грѣхъ,—онъ напоминаетъ Іоанновъ Златоустовъ и Амвросіевъ Медіоланскихъ. Глубоко образованный, онъ тѣмъ не менѣе понималъ, что внѣшнее выраженіе религіознаго чувства нельзя гнать и осуждать, и потому, гдѣ могъ, шелъ противъ бури, старавшейся низвергнуть многіе обычаи праотеческаго благочестія, причемъ часто приходилось ограничиваться лишь безплоднымъ протестомъ—протестомъ, все же ясно доказывавшимъ всю чистоту его православія, всю непричастность его тѣмъ вліяніямъ протестантизма, которыя тогда такъ свободно злыми вихрями носились надъ Русскою землей.

ГЛАВА II.

Учрежденіе Св. Синода.—Мѣры къ упорядоченію религіознаго строя.—Взгляды Петра на монашество.—Оцѣнки тѣхъ и другихъ.

При патріаршемъ управленіи Церковь была независима отъ государства и лицо патріарха какъ бы равнялось лицу государеву. Это казалось Петру неправильнымъ и не безопаснымъ. Онъ рѣшился ввести Церковь въ общій порядокъ государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго правленія, какъ одну изъ его вѣтвей, и духовное правительство сдѣлать коллегіей наряду съ прочими. Церковь и духовенство становились въ общую подсудность государству по всѣмъ своимъ дѣламъ, исключая догматовъ и каноновъ. Званіе патріаршее уничтожилось само собою *).

Состояла духовная коллегія первоначально изъ президента (Стефанъ Яворскій), 2 вицепрезидентовъ (Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ.

Главною задачею, возложенною на духовную коллегію, было улучшеніе духовной жизни народа. Въ немъ были распространены самыя грубыя суевѣрія, не было часто самыхъ основныхъ понятій о вѣрѣ и о христіанской жизни.

Одинъ за другими стали выходить указы, имѣвшіе цѣлью преобразовать религіозную жизнь народа. Многіе изъ этихъ указовъ интересны тѣмъ, что рисуютъ намъ религіозно-бытовыя черты тогдашняго общества.

---

*) Ѳеофанъ и его время, стр. 71.

20 марта 1721 г. объявленъ указъ, „чтобъ обрѣтающіеся въ Москвѣ на Спасскомъ мосту *) и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній и службы, и каноны, и молитвы, которыя сочинены и сочиняются разныхъ чиновъ людьми самовольно, письменныя и печатныя, безъ свидѣтельства и позволенія, описавъ, все отобрать въ Приказъ духовныхъ дѣлъ и запечатавъ держать до указу“. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ вышелъ указъ о прекращеніи, дѣйствительно, безобразнаго суевѣрнаго обычая: „Въ россійскомъ государствѣ по городамъ и селамъ отъ невѣждъ происходитъ нѣкоторое непотребство; а именно: ежели кто не бываетъ во всю свѣтлую седмицу Пасхи у утрени, такого обливаютъ водою и въ рѣкахъ и прудахъ купаютъ. И хотя себѣ простой народъ дѣлаетъ все будто на забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается не токмо здоровью, но и животу человѣческому тщета, ибо онымъ отъ невѣждъ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапнымъ обляніемъ ума лишаютъ“. Добавляя, что этотъ обычай есть воспоминаніе языческаго праздника Купалы, указъ приказываетъ обычай „весьма истребить“.

Въ 1722 году Дворъ находился въ Москвѣ, гдѣ былъ и Св. Синодъ, и члены его могли тамъ близко наблюдать всѣ проявленія духовной жизни народа и всѣ формы русской набожности.

Многіе изъ отмѣненныхъ въ ту пору обычаетъ впослѣдствіи перестали преслѣдоваться и даже въ наше время не возбуждаютъ ни малѣйшаго осужденія.

Такъ, издано было запрещеніе „привѣшивать къ образамъ привѣсы, т. е. золотыя и серебряныя монеты и копейки, и всякую казну, и прочаго приношеннаго“.

---

*) Въ тогдашнее время на Спасскомъ мосту, перекинутомъ чрезъ ровъ, отдѣлявшій тогда Кремль отъ Китай-города, были лавки съ книгами и лубочными картинами.

Усердствующимъ было велѣно объяснять „что на монетахъ иностранныхъ такія лица выбиты бываютъ, которымъ при иконахъ святыхъ не подобаетъ быти; а отъ серегъ и прочихъ таковыхъ привѣсовъ чинится иконамъ безобразіе, а отъ *иноплавныхъ укореніе и нареканіе на св. церковь наноситься можетъ*“.

Вотъ одно изъ первыхъ проявленій этого погибельнаго страха: что скажутъ иностранцы о нашей жизни, какъ они посмотрятъ на выраженіе нашихъ религіозныхъ чувствъ? Какъ извѣстно, обычай этотъ благополучно процвѣтаетъ доселѣ, и очень понятно желаніе вѣрующихъ украситъ чтимыя святыни.

Еще страннѣе отмѣненный впослѣдствіи указъ отъ 22 февраля 1722 года, „чтобы въ Москвѣ и въ городахъ изъ монастырей и приходскихъ мѣстныхъ церквей ни съ какими образами къ мѣстнымъ жителямъ въ домы отнюдь не ходить. Если же кому какое обѣщаніе, тотъ самъ бы приходилъ въ монастыри и церкви по обѣту.“ Этимъ заносилась рука надъ дорогимъ, древнимъ обычаемъ „подымать иконы къ себѣ на домъ“.

Этотъ же указъ предъявляетъ требованіе, которымъ прямо словно хватали за руку человѣка, желавшаго подать на церковное строеніе: „Смотрѣть, чтобъ съ образами по Москвѣ, по городамъ и уѣздамъ для собиранія на церковь или на церковное строеніе отнюдь не ходили. И кто будетъ ходить, тѣхъ брать“.

23 февраля открылось гоненіе на колокола: „Во всѣхъ всероссійскаго государства монастыряхъ колоколовъ не дѣлать изъ казны монастырской, а ежели есть разбитые, то и тѣхъ безъ повелительнаго указа изъ Св. Синода не передѣлывать и въ строеніе тѣхъ колоколовъ чрезъ собирателей—прошаковъ денегъ и прочаго не сбирать, и нигдѣ не просить“.

Вотъ интересная черта московской набожности: „Въ Чудовѣ монастырѣ продается приходящимъ людямъ нѣкакій медъ, собственнымъ его чудотворцевымъ называе-

мый; а въ церкви Василія Блаженнаго употребляется въ продажу нѣкакое масло, и въ почтеніи содержится. И въ другихъ монастыряхъ и церквахъ подобныя той продажѣ бываютъ. Такія продажи, яко подозрительныя, весьма пресѣчь".

28 марта былъ изданъ указъ, впослѣдствіи неисполнявшійся и возбудившій въ Москвѣ сильное волненіе. По свидѣтельству Берхгольца, онъ удивилъ и поразилъ и чернь, и многихъ старыхъ русскихъ вельможъ. Въ этомъ указѣ, подъ видомъ будто бы радѣнія о достоинствѣ церквей, воспрещались часовни,которыми Русь такъ любила и доселѣ любитъ отмѣчать знаменательныя чѣмъ нибудь мѣста. Нечего и говорить о томъ, что жизнь смела этотъ невозможный и неразумный указъ.

Обычай этотъ, говоритъ указъ, „начался и утвердился будто бы отъ невѣждъ",—что предъ святыми иконами, внѣ церкви стоящими (на внѣшнихъ церковныхъ стѣнахъ и на градскихъ вратахъ) вжигаются и нощію и днемъ свѣщи безъ всякаго молитвословія, а нѣкоторые невѣжды, оставивши посвященные молитвенные храмы, призываютъ предъ тѣ внѣшнія иконы невѣждъ священниковъ, и молитствуютъ на распутіяхъ и торжищахъ, гдѣ всегдашнее многонародное бываетъ собраніе, и явное чинятъ православнымъ церквамъ презрѣніе (?!), а инославнымъ даютъ причину укорительнаго на благочестіе порицанія" (опять забота угодить иностранцамъ даже строемъ нашей духовной жизни!). Осудивъ существованіе „построенныхъ на торжищахъ и перекресткахъ, въ селахъ и въ другихъ мѣстахъ часовняхъ"—указъ опредѣляетъ: „Предъ вышеупомянутыми внѣ церквей стоящими иконами мольбы и свѣщевозженія, тамо безвременно и безъ потребы бываемыя, весьма возбранить; также и часовенъ отнынѣ въ показанныхъ мѣстахъ не строить, и построенныя деревянныя разобрать, а каменныя употребить на иныя потребы тѣмъ, кто оныя строилъ".

Такъ заискивавшаяся въ иностранцахъ и готовая ради нихъ стыдиться и отказываться отъ родного эпоха судила объ этомъ прекрасномъ обычаѣ. Прошли два вѣка. Россія стала культурнѣе, но, слава Богу, не снесла еще тѣхъ „внѣшнихъ иконъ“, противъ которыхъ такъ ратовалъ печальной памяти указъ, не погасила предъ ними лампадъ и свѣчей, не разорила часовень, а воздвигла и воздвигаетъ на видныхъ мѣстахъ, на площадяхъ городскихъ и перекресткахъ новыя часовни,—чаще всего для ознаменованія памятныхъ событій.

Когда подумаешь, какимъ великимъ почитаніемъ во всѣхъ слояхъ вѣрующей Россіи пользуются эти „внѣшнія иконы“, какъ знаменитая московская Иверская, какъ икона Спасителя на Спасскихъ воротахъ (предъ которою, замѣтимъ кстати, вымаливала сохраненіе своего жениха въ Хивинскомъ походѣ одна изъ поэтичнѣйшихъ героинь русской литературы, Сашинька Троекурова изъ *Перелома* Маркевича), какъ и икона святителя Николая на Никольскихъ воротахъ, чудесно уцѣлѣвшая при разрушеніи отъ взрывовъ французами въ 1812 г. Никольской башни,—какъ вспомнишь про глубоко укоренившееся почитаніе этихъ святынь въ Москвѣ и подобныхъ имъ въ другихъ русскихъ городахъ (Смоленская надворотная, сопровождавшая отъ разореннаго Смоленска русскую армію въ 1812 году) и подумаешь, на что посягалъ этотъ злосчастный указъ, предписывавшій ни болѣе ни менѣе какъ разносить часовни и отогнать народное усердіе отъ „внѣшнихъ иконъ“,—станетъ грустно и больно и за эпоху, и за народъ, надъ которыми производилось такое духовное насиліе...

Интересенъ взглядъ Петра на монашество и то, какъ онъ хотѣлъ его преобразовать.

31 января 1724 года Петръ подписалъ указъ, которымъ предполагалось переустроить монашество, а размножившимся монастырямъ дать назначеніе, сообразное съ пользою государства. Указъ этотъ составленъ госу-

царемъ и дополненъ Θеофаномъ. Состоитъ онъ изъ историческаго объясненія о началѣ монашескаго чина и объ образѣ жизни древнихъ монаховъ, и изъ правилъ для монаховъ, избирающихъ монашество для уединенной жизни, и для ученыхъ монаховъ, ожидающихъ архіерейства.

Незадолго до смерти государь далъ указъ, чтобъ московскіе монастыри:—Чудовъ и Вознесенскій, Новодѣвичій, опредѣлить для больныхъ, старыхъ и увѣчныхъ, а Перервинскій для школъ, Андреевскій обратить въ воспитательный домъ для подкинутыхъ младенцевъ.

Прослѣдивъ развитіе монастырей, указъ говоритъ, что первые монастыри находились въ уединенныхъ мѣстахъ и питались трудами самихъ иноковъ. Но лѣтъ черезъ сто „отъ начала чина сего произошли, было, монахи лѣнивые, которые желая отъ чужихъ трудовъ питаться, сами праздны суще, защищали свою лѣность развращаемымъ отъ себя словомъ Христовымъ (воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ я), но цѣломудріе ихъ скоро обличено отъ прямыхъ монаховъ".

Затѣмъ въ такихъ выраженіяхъ говорится объ умноженіи монастырей: „Когда греческіе императоры, покинувъ свое званіе, ханжить начали, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городѣхъ и вблизъ лежащихъ мѣстахъ строить начали и денежныя помощи требовали для сей мнимой святыни и трудами другихъ туне питаться восхотѣли. На одномъ каналѣ изъ Чернаго моря до Царяграда, который неболѣе 30 верстъ протягивается, съ 300 монастырей. И тако какъ отъ прочаго несмотрѣнія, такъ и отъ сего, въ такое бѣдство пришли, что когда осадили Царь-городъ, ниже 6,000 человѣкъ воиновъ сыскать могли,—сія гангрена зѣло было и у насъ распространяться начала".

Говоря о томъ, что монахи не стоятъ на высотѣ своего призванія и ѣдятъ даровой хлѣбъ, укоръ очень колоритно разсуждаетъ: „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, понеже большая часть тунеядцы суть. У насъ почти всѣ изъ поселянъ. Что оные оставили—явно есть,—не точію не отреклись, но прирекліись доброму и довольному житію, ибо дома былъ троеданникъ, то-есть: дому своему, государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое Прилежатъ ли разумѣнію божественнаго писанія и ученія? Всячески нѣтъ. А что говорятъ—молятся: то и всѣ молятся.

„Чтоже прибыль обществу отъ сего? Во истину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть. Находится же иной способъ житія праздным симъ не праздный, но богоугодный и не зазорный, еже служити прямымъ нищимъ, престарѣлымъ и младенцамъ. Ибо на многихъ мѣстѣхъ святое писаніе сіе не токмо похваляетъ, но и узаконяетъ".

Далѣе говорится про устройство въ монастыряхъ благотворительныхъ учрежденій, о возложеніи на нихъ содержанія престарѣлыхъ солдатъ, и, наконецъ, объ учрежденіи семираній, откуда бы образованные воспитанники, ищущіе монашества для архіерейства, могли бы постригаться по достиженіи 30-лѣтняго возраста.

Какъ ни ѣдка эта критика русскаго монашества, къ сожалѣнію, приходится сказать, что въ ней много вѣрнаго, какъ много дѣльнаго въ мысли Петра занять иноковъ дѣлами благотворенія.

Но чуждый стремленій высоко духовныхъ, этотъ великій практикъ забылъ одно: что истинное монашество состоитъ въ отреченіи отъ всѣхъ дѣлъ міра, даже дѣла благотворенія. Монахъ бѣжитъ отъ міра, чтобъ, ничѣмъ не разсѣиваясь, тѣснѣе слиться съ Богомъ: и всякое внѣшнее дѣло, кромѣ молитвы, на этомъ пути будетъ

только задерживать завершеніе духовнаго воспитанія монаха. Только тогда, когда онъ дожилъ до безстрастія, смирилъ себя, побѣдилъ въ себѣ привязанность къ міру и пріобрѣлъ духовную опытность,—только тогда иноку пора выступить на служеніе міру.

Тѣ лица „тунеядцы“, о которыхъ говоритъ указъ, пошли въ монастыри не по призванію и, чтобъ имъ, на мірской счетъ не коснѣть въ праздности, было очень хорошо придумать для нихъ какое-нибудь полезное занятіе. Уходъ за старыми, больными и слабыми было чрезвычайно для нихъ подходящее дѣло... Но указъ совершенно забывалъ о людяхъ чисто духовнаго склада, созерцательнаго направленія, монахахъ по призванію, которые пошли въ монастырь для молитвы и подвиговъ духовныхъ; эти люди не могутъ заниматься внѣшними дѣлами, и хотя скудное, но имъ должно быть готовое содержаніе. Отдаваясь всецѣло духовному дѣланію, быстрыми шагами идя по пути нравственнаго совершенствованія, эти люди становятся потомъ руководителями, утѣшителями, просвѣтителями вѣрующихъ.

Мало обучиться въ семинаріи, устройство которыхъ было намѣчено тѣмъ же указомъ, чтобъ стать такимъ духовнымъ вождемъ, какъ были, напримѣръ, кіево-печерскіе святые или преп. Сергій или множество другихъ русскихъ преподобныхъ, которые всѣ прошли ту иноческую школу, тотъ путь молитвенно-созерцательнаго монашества, котораго такъ не понималъ Петръ и которое этотъ указъ думалъ стереть съ лица земли.

Не Θеофаны Прокоповичи, обремененные знаніями, но безплодные духомъ, двигаютъ впередъ дѣло вѣры, а праведники, чтимые народомъ, разысканные имъ въ тиши обителей—тѣ люди, для созданія которыхъ вѣрнѣйшій путь—монастырь, какимъ онъ сложился въ прежней Руси.

И опять мы видимъ тутъ великое неуваженіе къ прошлому своего народа и столь тщетную и никогда

почти ист лею неоправданную увѣренность—почеркомъ пера повернуть извѣстное жизненное явленіе, идущее по глубокому, давно проложенному исподволь, вѣками, руслу,—повернуть въ совершенно другую сторону.

И, какъ ни неблагопріятенъ былъ XVIII-й вѣкъ для русскаго иночества, къ концу вѣка оно уже, благодаря незабвенному петербургскому митрополиту Гавріилу, подняло снова голову и, идя прежнимъ путемъ, молитвенно созерцательнымъ, дало много пышнаго цвѣта и, между прочимъ, выставило столь удивительное, столь чрезвычайное явленіе, какъ одинъ изъ величайшихъ людей всѣхъ эпохъ христіанства, дивный старецъ Серафимъ Саровскій.

Петръ, съ его ограниченными религіозными понятіями, не могъ понять, что аскетическое монашество, молитвенно-созерцательное, служитъ громадную службу обществу, представляя собою прибѣжище для встрѣчающихся во всякомъ обществѣ и во всякую эпоху людей тонкой духовной организаціи, которые задыхаются среди лжи, неправдъ и жестокостей міра и идеальныя стремленія которыхъ находятъ себѣ пылкое удовлетвореніе лишь въ пустынѣ, молитвѣ, постѣ и уединеніи. Онъ забылъ, что монастырь съ его истовымъ богослуженіемъ, съ его скопленною вѣками и сіяющею въ храмахъ священною роскошью, удовлетворяетъ эстетическому чувству народа, какъ бы видящаго въ этомъ великолѣпіи храмовъ и божественныхъ службъ отблескъ страстно ожидаемой имъ райской вѣчной красоты. Онъ забылъ, чѣмъ былъ монастырь для средневѣковаго русскаго общества, которому онъ помогъ вынести непомѣрную тяготу татарщины, какія духовныя силы монастырь Троицкій сумѣлъ пробудить въ погибавшемъ народѣ въ концѣ смутнаго времени. Онъ не хотѣлъ понять этой сокрытой въ монастырѣ духовной силы и видѣлъ только отрицательную сторону монастыря, лѣнивыхъ и иногда пьяныхъ монаховъ, совершенно закрывая глаза

на праведниковъ, какихъ и въ то время выставляли монастыри.

Онъ забылъ, что монастырь, при всемъ своемъ несовершенствѣ, какъ несовершенно всякое человѣческое учрежденіе, все же разрѣжалъ сгущенную, насыщенную зломъ атмосферу міра, все же былъ той отдушиной, которою легче всего лилась на народъ свѣжая религіозная струя.

Покорный формамъ жизни протестантскихъ государствъ, Петръ не далъ себѣ труда глубже вдуматься въ это длинными вѣками выросшее на родной-почвѣ явленіе и думалъ рубить его главнымъ, быть можетъ, образомъ потому, что не находимъ его у своихъ западныхъ друзей.

ГЛАВА III.

Архипастыри стараго типа.—Іовъ новгородскій. — Св. Митрофанъ воронежскій.—Св. Димитрій ростовскій и его просвѣтительная дѣятельность.

Мы видѣли, какъ много пришлось пострадать въ это время громаднаго вліянія иноземцевъ такому истово православному, хотя и просвѣщенному, человѣку, какимъ былъ Стефанъ Яворскій.

Счастливѣе его были архіереи, сохранившіе въ себѣ все лучшее содержаніе московской Руси, но поставленные далеко отъ столицы съ ея рѣзко выраженными вѣяніями дня, съ ея интригами, чуждые участія въ высшемъ церковномъ управленіи и поглощенные дѣломъ пастырства, въ предѣлахъ лишь своихъ епархій. Такими святителями были Іовъ новгородскій, Митрофанъ воронежскій, Димитрій ростовскій. Двухъ послѣднихъ считаютъ часто епископами новаго типа, но кажется, что разумное сочувствіе одного разумнымъ мѣрамъ Петра, просвѣщенность и любовь къ просвѣщенію другого, ничуть не ставятъ ихъ врозь съ лучшими представителями іерархіи московскаго періода русской исторіи. Развѣ Кипріанъ, Фотій, Алексій, Макарій московскіе, развѣ Гурій и Варсонофій казанскіе, развѣ Стефанъ пермскій не сѣяли усердною и настойчивою рукой просвѣщеніе, развѣ Петръ и Филиппъ и Гермогенъ не были государственными дѣятелями въ самомъ прямомъ значеніи этого слова?

Если мы называемъ трехъ этихъ святителей представителями стараго типа іерархіи, мы хотимъ указать

на глубокую вѣрность всѣхъ трехъ церковнымъ и народнымъ преданіямъ, на ихъ органическую преданность православію, но наполнявшую ихъ жизнь и превыше всего въ нихъ стоявшую заботу о Церкви. Наконецъ, на ихъ горячее стремленіе къ правдѣ, къ правдолюбію и къ праведности. Не такого склада, не такого направленія чувствъ и мыслей были архіереи, полные заботы о себѣ, занятые происками въ это бурное и смутное время, больше мнившіе о личныхъ выгодахъ, чѣмъ о достоинствѣ Церкви, и весьма равнодушные и къ судьбѣ паствы и къ дѣлу личнаго нравственнаго самоусовершенствованія, каковы были Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеодосій Яновскій, Георгій Дашковъ, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующихъ главахъ.

Постриженникъ Сергіевой Лавры и архимандритъ ея, а съ 1697 года архіепископъ новгородскій, Іовъ завелъ у себя въ епархіи училища для образованія достойныхъ священниковъ, пригласивъ для этого къ себѣ извѣстныхъ ученыхъ, грековъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ. Іовъ выстроилъ у своего архіерейскаго дома обширное двухэтажное зданіе, до нашего времени носящее имя „Лихудіевскаго училища“. Въ шесть лѣтъ они основательно образовали своихъ учениковъ, а чрезъ этихъ самыхъ учениковъ митрополитъ завелъ потомъ до 14 русскихъ школъ по уѣзднымъ городамъ и значительнымъ монастырямъ своей обширной епархіи.

Лихуды трудились такъ же въ переводѣ на русскій языкъ латинскихъ и греческихъ книгъ; въ помощь имъ попечительный Іовъ вызвалъ изъ Москвы ихъ учениковъ, между которыми былъ извѣстный Каріонъ Истоминъ, и составилъ при своемъ домѣ общество переводчиковъ. Изъ написанныхъ въ Новгородѣ Лихудами сочиненій извѣстно, между прочимъ, *обличеніе противъ Лютера и Кальвина*, особенно благовременное по тогдашнимъ обстоятельствамъ.

Извѣстенъ Іовъ и благотворительностью. Онъ устроилъ въ Новгородѣ три больницы, странноприимницу и домъ

для незаконнорожденныхъ и подкидышей близъ Новгорода, въ Колмовѣ—упраздненномъ монастырѣ, приписанномъ къ владычному дому. Іовъ, поселяясь тутъ лѣтомъ, самъ наблюдалъ за своими „найденышками“. Царь, узнавъ объ этомъ человѣколюбіи Іова, повелѣлъ приписать къ его дому разныя вотчины и въ 1715 году повелѣлъ у церквей при оградахъ сдѣлать госпитали „по примѣру учрежденныхъ въ Новгородѣ Іовомъ митрополитомъ“. Въ лѣтахъ глубокой старости онъ просилъ Царя отпустить его на покой или къ Троицѣ, гдѣ онъ постригался, или въ Колмовъ, къ его безроднымъ дѣтямъ. Но Царь не отпустилъ его. Митрополитъ Іовъ скончался 3 февраля 1716 года.

Святитель Митрофанъ, когда-то вдовый священникъ, уже не молодымъ былъ избранъ первымъ епископомъ Воронежской епархіи, гдѣ предстояла ему борьба съ расколомъ. Находясь въ Москвѣ для хиротоніи, онъ могъ убѣдиться въ ожесточеніи раскола, такъ какъ присутствовалъ при буйствѣ Никиты Пустосвята съ его приверженцами въ Грановитой палатѣ, когда Никита вырвалъ бороду вступившему съ нимъ въ прекаиія о вѣрѣ епископу холмогорскому Аѳанасію.

Св. Митрофанъ показалъ себя искреннимъ радѣтелемъ о благѣ Россіи. Готовясь къ войнѣ съ Турціей, Петръ строилъ на Воронежской верфи корабли. И молитвою, и словомъ увѣщанія святитель Митрофанъ старался помочь Царю. Въ проповѣдяхъ онъ объяснялъ народу, какъ нужны для войны корабли и какъ нужна сама война для освобожденія отъ ига магометанъ множества православныхъ. Когда случилась недостача денегъ на постройку, святитель собралъ всѣ остававшіяся у него деньги и принесъ ихъ Петру, говоря, что всякій сынъ отечества долженъ помогать государству въ его нуждахъ. Петръ съ благодарностью принялъ приношеніе святителя, видя въ немъ залогъ для успѣха дѣла. Еще нѣсколько разъ св. Митрофанъ приходилъ на по-

мощь Петру. Когда по случаю шведской войны казна была совсѣмъ истощена, онъ послалъ отъ себя 4000 рублей на остановившуюся постройку кораблей, а въ слѣдующемъ году — 3,000 рублей на жалованье солдатамъ.

Это сочувствіе святителя полезнымъ реформамъ Петра, это пониманіе и поддержка добрыхъ его начинаній привязали Царя къ святителю. Святитель же, любя Царя, всегда говорилъ ему правду и обличалъ, если замѣчалъ въ немъ что-нибудь несоотвѣтственное со званіемъ христіанина. Нельзя забыть той ревности христіанской, съ какою св. Митрофанъ требовалъ отъ Петра снять съ его воронежскаго дома помѣщенныя тамъ изображенія языческихъ боговъ, и отказался идти къ Царю, пока эти изображенія не будутъ сняты. Самовластный Петръ пришелъ въ ярость и угрожалъ святителю казнью. Святитель настаивалъ: „Лучше умереть, чѣмъ присутствіемъ своимъ или боязливымъ молчаніемъ одобрять язычество. Неприлично Государю православному ставить болваны языческіе и тѣмъ соблазнять простыя сердца народа“. Святитель сталъ готовиться къ смерти и распорядился, чтобъ благовѣстили въ большой колоколъ ко всенощной. Государь послалъ къ архіерею спросить, отчего благовѣстятъ. Онъ отвѣтилъ, что собирается напутствоваться къ смерти. Поразила царя эта ревность святителя, онъ послалъ успокоить его и велѣлъ снять статуи. Такъ совершилъ святитель Митрофанъ исповѣдническій подвигъ, не задумавшись подвергнуться смерти за то, въ чемъ и видѣлъ свой долгъ.

Самъ готовый къ смерти, святитель молитвою своею старался облегчать загробную участь павшихъ за Россію бойцовъ. Въ его сунодикѣ поминаются воины изъ полку боярина Шеина, скончавшіеся на пути къ Азову и убитые подъ Азовымъ, и воины изъ полку боярина Шереметева, убіенные въ сраженіи и умершіе въ плѣну.

Въ домѣ святителя находили пристанище и покой бѣдные, вдовы и сирые. Простой въ обхожденіи, онъ былъ доступенъ для всѣхъ.

Послѣ двадцатилѣтняго управленія паствою, святитель почилъ 23 ноября 1703 года. Въ тотъ самый день прибылъ въ Воронежъ Царь. По обычаю онъ отправился навѣстить святителя, но засталъ его при послѣднемъ издыханіи. Онъ поцѣловалъ его хладѣющую руку, остался ждать кончины и самъ закрылъ праведнику глаза. При торжественномъ погребеніи святителя, когда священники собрались поднять гробъ его, Государь, обратясь къ старшимъ чинамъ флота, сказалъ: „Намъ стыдно будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей признательности сему добродѣтельному пастырю. Мы сами вынесемъ его тѣло". И Государь донесъ до усыпальницы гробъ съ помощью старшихъ чиновъ.— „Не осталось у меня такого святого старца, буди ему вѣчная память",—сказалъ Царь.

Есть трогательный разсказъ, свидѣтельствующій о духовной связи между святителемъ Митрофаномъ и чтившимъ его Петромъ. Разсказъ этотъ переданъ намъ однимъ почтеннымъ лицомъ, весьма заслуженнымъ. Какъ-то въ Петропавловскомъ соборѣ онъ встрѣтилъ человѣка - простолюдина, прямо молившагося предъ гробницею Петра Великаго. — Что ты такъ усердно молишься о немъ?—спросилъ этотъ господинъ: — вѣроятно, почитаешь память великаго Царя?—Мнѣ велѣлъ молиться за него, — былъ отвѣтъ, — святитель Митрофанъ. — Какъ такъ? — А вотъ что со мною было. Я усердствовалъ въ памяти святителя Митрофана Воронежскаго и часто призывалъ его въ молитвѣ. Однажды во снѣ я видѣлъ святителя, который сказалъ мнѣ: „Если хочешь быть мнѣ угоднымъ, молись о упокоеніи души императора Петра Великаго!"

Такъ праведники благодѣтельствуютъ и за гробомъ душамъ людей, которые любили и чтили ихъ.

При Петрѣ Великомъ, находившемъ мало сочувствія въ сѣверо-русскомъ духовенствѣ, архіереевъ на видныя каѳедры стали назначать большею частью изъ южно-русскихъ монаховъ, которые были образованнѣе, живѣе и привязнѣе къ западу.

Мы видѣли назначеніе южанина Стефана Яворскаго на каѳедру Рязанскую... Таковы же были назначенія Ѳеодосія Яновскаго и Ѳеофана Прокоповича на каѳедры Новогородскую и Псковскую, а святителя Димитрія на каѳедру митрополіи Сибирской и Ростовской.

Святитель Димитрій является однимъ изъ отраднѣйшихъ лицъ нашей церковной исторіи. Онъ блестяще сочеталъ любовь къ просвѣщенію съ личною праведностью, ревностное проповѣдничество съ обширнѣйшею, неутомимою литературною дѣятельностью.

Великій святитель Димитрій родился въ 1651 году въ городкѣ Макаровѣ, неподалеку отъ Кіева, у малороссійскаго сотника Саввы Туталы и нареченъ Даніиломъ. Воспитанъ онъ былъ родителями въ страхѣ Божіемъ, а образованіе получилъ въ только что открытыхъ при Кіево-Могилянской академіи Іоанникіемъ Голятовскимъ классахъ.

Незабвенный дѣятель и борецъ за православіе, Голятовскій, учитель риторики въ Кіевской академіи, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ людей и знаменитѣйшихъ состязательныхъ богослововъ своего времени. Съ неослабѣвающею ревностью онъ своими сочиненіями боролся со всѣми толками, враждебными православію. Іезуитамъ не приходилось еще встрѣчать между православными такого сильнаго и непобѣдимаго противника. Его несокрушимое, убѣжденное слово изумляло не однихъ іезуитовъ, но и уніатовъ, евреевъ, магометанъ.

Полный жажды знанія, юный Даніилъ быстро дошелъ до классовъ краснорѣчія и поэзіи, гдѣ открылась ему та сила слова, которой онъ впослѣдствіи такъ много и плодотворно послужилъ. Подъ руководствомъ вели-

каго полемиста Голятовскаго, онъ усвоилъ себѣ тѣ пріемы и обороты рѣчи, которые въ поученіяхъ и бесѣдахъ невольно поражаютъ всякаго читателя. Здѣсь выработалъ онъ въ себѣ ту энергію и убѣжденность, которыя проявились впослѣдствіи въ его борьбѣ съ расколомъ.

Душа Данила не тяготѣла къ міру, и, испросивъ разрѣшенія родителей, 17-ти лѣтній Туптало 9 іюля 1668 г. принялъ иночество съ именемъ Димитрія.

Первые годы иночества онъ посвятилъ высокому аскетизму. Уединеніе и богомысліе, кротость, смиреніе и послушаніе: все въ немъ изумляло даже опытныхъ старцевъ. Просвѣщенный и ревностный блюститель Черниговской митрополіи, архіепископъ Лазарь Барановичъ вызвалъ его послѣ 6—7-лѣтняго пребыванія его въ Кіевскомъ монастырѣ въ Черниговъ, поставилъ іеромонахомъ и назначилъ проповѣдникомъ. Здѣсь способности его проявились столь блестяще, что слухъ о немъ прошелъ по всей южной Руси, Польшѣ и Литвѣ. Братія Слуцкаго монастыря упросила его пріѣхать къ нимъ и онъ цѣлый годъ проповѣдывалъ тамъ слово Божіе. Многіе монастыри усердно звали Димитрія въ настоятели, но онъ, вернувшись въ Малороссію и весьма радушно принятый Германомъ, не пожелалъ начальствовать и удалился въ Батуринскій монастырь, гдѣ предался усиленнымъ подвигамъ духовнымъ, посту, молитвѣ, изученію Писанія и проповѣдничеству. Одинъ кіевскій монастырь умолялъ Димитрія принять настоятельство, къ тому же понуждалъ его и гетманъ, но онъ рѣшительно отказался, и лишь послѣ долгихъ колебаній принялъ игуменство въ Максаковской Преображенской обители, которая полюбилась ему, какъ удобная для отшельничества по своей уединенности. Вскорѣ его перевели въ Батуринъ игуменомъ же, но онъ сложилъ съ себя это званіе и возобновилъ свою аскетическисозерцательную жизнь. Приблизилось время, когда Богъ

благоволилъ возложить на него исполненіе величайшаго, быть можетъ, дѣла всей жизни Димитрія, подвига, которымъ въ роды родовъ, пока стоитъ на Руси православіе, будетъ славно имя Димитрія.

Въ 1684 году архимандритъ Кіево-Печерскій Варлаамъ Ясинскій вызвалъ Димитрія въ лавру, предложилъ ему собрать и исправить житія святыхъ. Не безъ страха приступилъ Димитрій къ этому дѣлу. Попытки предшественниковъ были неудачны. Надо было начинать все сначала. Онъ обложился бездною книгъ. Надо было свѣрять и согласовать свѣдѣнія, содержащіяся у писателей западной и восточной Церкви, у греческихъ историковъ и въ жизнеописаніяхъ, собранныхъ московскимъ (временъ Грознаго) митрополитомъ Макаріемъ подъ именемъ Великихъ Четьи-Миней. Послѣ чрезвычайнаго напряженной работы Димитрія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ 1689 г. въ печерской типографіи напечатана первая четверть Четьи-Минеи: мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь.

Проведя два мѣсяца въ Москвѣ, гдѣ книга его была представлена ко Двору, св. Димитрій вернулся въ Малороссію и, заключившись въ Батуринскомъ монастырѣ, отказавшись отъ настоятельства, весь ушелъ въ работу надъ второю четвертью Четьи-Минеи, законченной въ 1693 году. Третью четверть онъ закончилъ будучи настоятелемъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, предъ назначеніемъ на митрополію. Уже въ Ростовѣ въ 1705 г. онъ завершилъ четвертую часть. Такимъ образомъ Четьи - Минеи святителя Димитрія представляютъ плодъ почти двадцатилѣтняго напряженнаго труда. Мы не будемъ говорить о томъ, сколько вложено въ нее работы,—скажемъ только о значеніи ея.

Современники съ любовью слѣдили за трудомъ Димитрія. Патріархъ Адріанъ, кромѣ сочувственныхъ писемъ самому Димитрію, писалъ преемнику Лазаря, архіепископу Іоанну Максимовичу (св. Димитрій былъ тогда

архимандритомъ Елецкаго Черниговскаго монастыря): „Извѣстихомся, яко близъ тебе нынѣ пречестный архимандритъ Димитрій въ церковномъ общеполезномъ книжномъ словодѣліи житія святыхъ ниша труждается. Просимъ твою любовь: въ потребахъ спомоществуй ему трудами о Господѣ и любовь сотворяй во благодушество и въ пользу Церкве".

Въ 1700 г. (появленіе третьей части) встрѣчается извѣстіе: „Року 1700 въ мѣсяцѣ генварѣ третяя книга житій святыхъ, трудами богодухновеннаго мужа іеромонаха Димитріа Савича Тупталенка составленная, на свѣтъ вышла, и любопытствующихъ человѣкъ книжныхъ духовною радостью сердца наполнишася".

Современники знали, чему радовались и завѣщали потомкахъ горячую любовь къ этому творенію св. Димитрія.

Трудно познать, послѣ Евангелія, другую книгу, которая имѣла бы такое вліяніе на вѣрующее русское общество. Житія святыхъ въ довольно доступномъ изданіи представляли собою для этого общества неистощимое сокровище нравственнаго назиданія, живую, убѣдительную, яркую школу того, чего искать въ жизни, какъ строить земную жизнь.

Прибавьте къ содержанію изумительное выполненіе, ту святость, которая запечатлѣла священные разсказы, то высокое одушевленіе, которое проникаетъ книгу отъ первой страницы до послѣдней и дало современникамъ справедливый поводъ назвать Димитрія „Боговдохновеннымъ"—и вы поймете, почему эта книга никогда не устарѣетъ и всегда будетъ полна для вѣрующаго читателя свѣжаго обаянія. Недаромъ сохранились преданія, что само Небо помогало Димитрію въ его трудѣ. Такъ, когда однажды онъ недоумѣвалъ объ одномъ мученикѣ, куда отнести его, этотъ мученикъ самъ явился во снѣ св. Димитрію и разъяснилъ ему то, что было ему не ясно.

Картинное, художественное изложеніе Четьи-Минеи показываетъ въ авторѣ великаго мастера слова; но кромѣ художника, тамъ чувствуется расширяемая стремленіемъ къ совершенству душа, путемъ примѣровъ святыхъ желающая увлечь къ этому совершенству читателя.

Въ послѣдніе годы свои Пушкинъ говорилъ, что Четьи-Минея св. Димитрія представляетъ собою неистощимую сокровищницу для вдохновеннаго художника. Это книга вѣчно живая, безсмертная.

Въ 1700 году Петръ поручилъ Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, по мысли котораго св. Димитрій предпринялъ трудъ Четьи Минеи, поискать лицо „доброе и ученое, и благонепорочнаго житія, которому бы въ Тобольску быть митрополитомъ, имѣлъ бы Божіею милостью исподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ идолослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ человѣкъ приводить въ сознаніе и служеніе, и поклоненіе истиннаго Бога“. Былъ избранъ Димитрій и посвященъ въ Сибирскіе митрополиты. Димитрій съ отчаянія заболѣлъ: климатъ Сибири былъ совершенно невыносимъ для его слабаго здоровья, и трудъ Четьи Минеи могъ бы остаться тамъ недоконченнымъ. Посѣтивъ въ Москвѣ больного, Царь дозволилъ ему оставаться въ Москвѣ для проповѣди, а въ 1702 году, не побывавъ въ Сибири, онъ переведенъ былъ на каѳедру Ростовскую.

Епархія эта находилась въ печальномъ положеніи, въ какомъ была большая часть великорусскихъ епархій того времени, которыя Петръ надѣялся усовершенствовать чрезъ образованныхъ архіереевъ. Духовенство въ глубокомъ невѣжествѣ своемъ не могло учить народъ, который легко совращался въ расколъ. Тягостно было видѣть невѣжественное духовенство просвѣщенному пришельцу Южной Руси. Со свойственной ему силой и картинностью въ одной изъ проповѣдей своихъ святитель рисуетъ положеніе дѣлъ: „Окаянное наше время, въ ко-

торое такъ пренебрежено сѣяніе слова Божія и не зная, кого прежде надобно винить: сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ. Іереи не брегутъ, а люди заблуждаются. Іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ. Іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны. Іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются. Іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста. Мы ихъ спрашиваемъ, давно ли причащались, а они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О окаянные іереи, нерадящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о св. Церкви люди, домашнихъ своихъ къ святому причащенію не приводящіе?“

Остановимся подробнѣе на дѣятельности святителя въ Ростовѣ, знакомясь съ которой, мы познакомились съ колоритными чертами той эпохи.

1 марта 1702 года святитель прибылъ къ Ростову въ сопровожденіи любимой келейной его иконы Богоматери Ватапедской. Паства встрѣтила его тоже съ иконою Богоматери. Святитель прежде всего посѣтилъ Спасо-Яковлевскій монастырь. Такъ, въ храмѣ Зачатія св. Анны, онъ указалъ будущее мѣсто своего погребенія. Въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ онъ произнесъ привѣтственное слово паствѣ. Онъ говорилъ: „пріидохъ къ вамъ не да послужите ми, но да послужу вамъ, пріидохъ не себѣ угождати, но вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя, добрыя любити, злыя съ милованіемъ наказывати, о всѣхъ пользѣ пещися, всѣмъ спасенія тщательно искати о всѣхъ молитися“.

И, надо сказать, это „служеніе“ было весьма тяжкое. И паства и духовенство стояли на степени развитія, которая намъ теперь покажется прямо невѣроятной. Мы видѣли отзывы святителя. Приведемъ мнѣніе незаинтере-

сованнаго лица, знаменитаго Посошкова. „Кои пресвитеры и во градѣ живутъ, и тѣ не весьма знаютъ, въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ“. Посошковъ говоритъ, что не духовныя стремленія наполняютъ жизнь священника, а хозяйственныя заботы. Св. Димитрій тоже разсуждаетъ: „что тя приведе въ чинъ священническій? Тоже, дабы спасти себе и инѣхъ? Никакоже. Но чтобъ прекормити жену, и дѣти, и домашнія. *Поискалъ Іисуса, не для Іисуса, а для хлѣба куса*“.

Но хороша была и паства! И Посошковъ, и св. Димитрій приводятъ случаи ужасающіе, не бывшіе, къ сожалѣнію, рѣдкими: „Я истинно таковыхъ стариковъ и при Москвѣ видалъ, что лѣтъ подъ 60 и больше житія своего имѣютъ, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали не ради раскольничества, а ради непонужденія пресвитерскаго“. (Посошковъ). И святитель говоритъ: „Иные уже 10 лѣтъ, иные 20 не причащаются. *А иные во всю жизнь свою не знаютъ, что то есть причаститися Божественныхъ Таинъ!!* Развѣ когда младенецъ былъ крещенъ, тогда и причащенъ“.

Конечно, глубокое невѣжество духовенства было причиною такого положенія дѣла въ народѣ. Вѣдь народъ этотъ былъ по своему набоженъ, жаждалъ впечатлѣній духовныхъ. Но никто не объяснялъ ему, въ чемъ сущность вѣры. Никто, напримѣръ, не сказалъ, что значитъ для души и для спасенія святое причащеніе. И Посошковъ выразительно объясняетъ о священникахъ: „ни сами разумѣютъ, ни насъ учатъ“.

Нравы народные были темны: бѣдность, суевѣрія, необузданность. Раздоры крестьянъ разныхъ владѣльцевъ были постояннымъ явленіемъ, и дрались шибко. Напримѣръ, въ Ростовской области крестьяне стольника Бутурлина чистили покосы. Какъ снѣгъ на голову являются крестьяне Дашкова „великимъ собраніемъ съ дубьемъ и съ бердышами, и тѣхъ Бутурлина крестьянъ

съ товарищи убили замертво, ограбили кафтаны ишапки, и рукавицы, и топоры, и съ воротовъ кресты, и мошны съ деньгами обрали, и впредь они, крестьяне, похваляются на крестьянъ такимъ же убивствомъ"!

Вотъ выразительный примѣръ неладовъ попа съ приходомъ. Священникъ г. Углича бьетъ челомъ: „Прихожане де тоя церкви, а его, попа, дѣти духовныя, упиваются до пьяна, въ церкви Божіи не входятъ, и ему, попу, ни въ чемъ не послушны. И поносятъ его, попа, небылыми словами за то, что онъ, попъ, ихъ, прихоцкихъ людей, противъ-де правила святыхъ отецъ учитъ, не святитъ колодезя." А прихожане показываютъ, что попъ не ходитъ къ нимъ на домъ, не даетъ креста, дерется, снимаючи съ себя ризы, кулакомъ ушибъ прихожанина.

Чего епархіальное начальство могло ожидать отъ духовенства, видно изъ наказа святителя одному іеромонаху, которому разрѣшено въ міру править требы, „во пиршествахъ не упиватися ему до пьянства, и въ корчмы не входить, кощунство и смѣхотворенія не дѣяти, ниже пѣнія срамословныхъ пѣсенъ или иже яковыхъ слушати, или смотрѣти".

Выше было уже показано, какъ тяжело было экономическое положеніе народа и духовенства, и все это еще болѣе смущало общій темный фонъ тогдашней епархіальной жизни. Вотъ, въ такой-то средѣ пришлось дѣйствовать св. Димитрію.

Онъ принялся дѣйствовать мягкими мѣрами: посланіями, проповѣдями, школами для дѣтей духовенства.

Посланія святителя къ духовенству даютъ богатый бытовой матеріалъ. Вотъ, напримѣръ, изъ ужасныхъ явленій того времени, описанное святителемъ: „Нѣкіе злонравные іереи грѣхи дѣтей своихъ духовныхъ изъявляютъ, обличаютъ и, егда бываютъ пьяны, съ укоризною поносятъ". Тутъ же святитель говоритъ о тайнѣ исповѣди, прибѣгая къ художественному сравненію:

„Грѣхи—камни, насъ отягощающіе. Милосердіе Божіе—море. Какъ камни, въ море вверженные, никому уже не вѣдомы, такъ должно быть и съ грѣхами, ввергаемыми исповѣдью въ море милосердія. Іерею, повѣдавшему тайну исповѣди, не уйти вѣчныхъ адскихъ мукъ".

Вотъ, другой недостатокъ: „Іереи лѣнятся ходить къ больнымъ, еже исповѣдати и причастити ихъ, а наипаче къ людямъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходить, и много нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причастія Божественныхъ тайнъ умираютъ". Святитель напоминаетъ, что Христосъ равно истяжетъ отъ іерея—о нищемъ, якоже о богатомъ.

Интересно распоряженіе святителя о храненіи запасныхъ Даровъ. Не на дому у священника между клопами, тараканами и сверчками, а въ церкви, или въ особой клѣти, въ сосудѣ.

Возставалъ онъ противъ вообще небреженія священниковъ въ службѣ.

Одинъ священникъ служилъ литургію безъ служебника и безъ молитвъ, дѣлая лишь возгласы. Когда его спросили, почему онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что уже прочелъ служебныя молитвы дома! Иногда священники служили, не протрезвившись, сквернословили въ алтаряхъ, грубо бранились. Святитель заповѣдуетъ читать молитвы съ умиленіемъ, говоря, что молитвы „безъ вниманія и умиленія есть кадильница, бряцающая безъ огня и кадила".

Посланіе святителя кончается такъ: „Аще призрите и отвержете мои слова, страшный судъ Божій и казнь вѣчную пріимете. Азъ же чистъ буду отъ погибели вашея, отъ нея же да избавитъ насъ Христосъ Богъ нашъ".

Лучшимъ способомъ для улучшенія духовенства, было подготовленіе образованныхъ дѣятелей, и для этого св. Димитрій завелъ у себя учебное заведеніе, семинарію общесословнаго состава. Она составляла предметъ

неусыпныхъ его заботъ. Интересенъ порядокъ жизни семинаристовъ, заимствованный изъ тогдашнихъ латино-іезуитскихъ заведеній. Дурные ученики сидѣли сзади. Лучшій назывался императоръ и сидѣлъ впереди на особомъ мѣстѣ, которое всякій новый императоръ занималъ съ особымъ церемоніаломъ. Рядомъ съ императоромъ сидѣлъ первый сенаторъ. Все это развлекало учащихся въ ихъ жизни, которую и безъ того нельзя назвать скучною. Они гуляли въ полѣ, катались въ лодкахъ по озеру Неро, посѣщали митрополита въ его селахъ. По праздникамъ они произносили рѣчи, разсказывали театральныя пьесы и діалоги. Кормили ихъ сытно, лѣтомъ давали вишни, яблоки, груши. Обращеніе учителей было мягкое и преслѣдовалась не столько неуспѣшность, сколько лѣнь и дурное поведеніе. Малоспособнымъ учителя совѣтовали просить помощи у святыхъ.

Вообще бытъ школы имѣлъ характеръ семейный, благодаря отношенію къ воспитанникамъ святителя. Часто онъ посѣщалъ ихъ, присутствовалъ на урокахъ. Отобравъ способнѣйшихъ, обучалъ ихъ: зимою толковалъ имъ Ветхій завѣтъ; лѣтомъ на своей дачѣ въ Демьянахъ – Новый. При богослуженіи митрополичьемъ они пѣли, сопровождая иногда даже его для этого въ другія мѣста. Святитель самъ исповѣдовалъ ихъ и пріобщалъ, обѣщалъ молиться за нихъ, если по смерти получитъ милость у Бога, увѣщевалъ ихъ учиться, раздавалъ имъ деньги, бралъ прилежнѣйшихъ на лѣтнія вакаціи къ себѣ на дачу. И уже отучившихся учениковъ онъ не оставлялъ своимъ попеченіемъ. Если древнерусская школа грамотности, давая ученикамъ православное настроеніе, обучала лишь чтенію, письму и пѣнію: то Ростовская школа святителя Димитрія была шагомъ впередъ, давая изученіе греческаго и латинскаго языка, на которомъ писалась вся тогдашняя наука. Простота, семейное начало при твердости режима составляли до-

стоинство ея. Конечно, это благое дѣло должно было дать богатые плоды. Но она существовала недолго.

Странна была церковная политика Петра. Съ одной стороны онъ требовалъ распространенія просвѣщенія, съ другой отнялъ у духовенства всякую возможность матеріальную къ распространенію его. Мы видѣли, какъ дорога была св. Димитрію его школа. Кажется, онъ и его дѣятельность заслуживали, по меньшей мѣрѣ, уваженія. И что же вышло? Ему пришлось закрыть школу по крайней скудости, при заведенныхъ Петромъ порядкахъ, когда-то богатѣйшей Россійской каѳедры. Сохранилось письмо объ этомъ печальнѣйшемъ обстоятельствѣ св. Димитрія къ упомянутому выше Іову Новгородскому: „Я, грѣшный, пришедши на престолъ Ростовской паствы, завелъ-было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше, и уже начали было грамматику разумѣть недурно. Но попущеніемъ Божіимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе. Питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться".

Такъ завершилось это славное дѣло святителя, и конецъ этотъ, несомнѣнно, составляетъ одну изъ позорнѣйшихъ пятенъ той эпохи.

Много силъ положилъ святитель и на борьбу съ расколомъ. Въ Ростовскомъ краѣ было много раскольниковъ. Чрезъ потаенныхъ проповѣдниковъ, разсылаемыхъ изъ гнѣзда раскола, брынскихъ лѣсовъ, они широко раскинули свои сѣти. Святитель часто объѣзжалъ епархіи, и подолгу живалъ въ Ярославлѣ, гдѣ они были особенно сильны, чтобъ обличать ихъ. Разъ при выходѣ его изъ храма незнакомые ему почитатели бороды спросили его:

— Намъ велятъ брить бороды. А мы готовы и головы свои положить за бороду. Какъ повелишь намъ, владыко?

Святитель нашелся отвѣтить и вѣрно, и остроумно. Онъ спросилъ въ свою очередь:

— Какъ вы думаете, отростетъ ли голова, если у васъ ее снимутъ?

— Нѣтъ.

— А брада?

— Брада отростетъ.

— Пусть же вамъ отрѣжутъ голову, дождетесь другой.

Святитель узналъ затѣмъ, что въ Ростовской епархіи многіе сомнѣваются въ своемъ спасеніи изъ-за того, что обрили себѣ бороды по указу царскому. И онъ написалъ, а въ 1705 году разослалъ по епархіи сочиненіе „О образѣ Божіи и подобіи въ человѣкѣ“. Затѣмъ, появилось обширное его изслѣдованіе „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, обнаруживающій самый духъ раскола и недостатокъ въ немъ евангельскаго смысла и любви. Ненависть къ личности святителя, которую возбудила эта книга, лучше всего доказываетъ, какъ мѣтко поразила она расколъ.

Въ 1766 году шайка раскольниковъ рѣшилась украсть и сжечь мощи святителя Димитрія, но святитель во снѣ предупредилъ архимандрита объ этомъ замыслѣ.

Изъ ученыхъ трудовъ святителя замѣчательная его смиренно названная имъ „Келейная лѣтопись“, т. е. написанная для себя. Она представляетъ собой въ кратцѣ библейскую исторію, доведенную до борьбы Іакова съ ангеломъ, снабженную комментаріями и добавленіями изъ разныхъ церковныхъ писателей. Но главная задача лѣтописи нравственная: тутъ есть и мнѣническія мѣста, и обличеніе современныхъ недостатковъ. Между прочимъ, въ рукописяхъ лѣтописи есть мѣсто, пропущенное въ печатныхъ изданіяхъ ея,—о церковныхъ имѣніяхъ. Повидимому, этотъ вопросъ интересовалъ его сильно, и онъ рѣзко защищалъ ту же точку зрѣнія, за которую

погибъ одинъ изъ его преемниковъ по каѳедрѣ, знаменитый Арсеній Мацѣевичъ, именно полную неприкосновенность имѣній, принадлежащихъ церкви. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Хощеши ли грабити церковныя, спросися Иліодора, казначея царя Сирійскаго Селевка, иже пришелъ бѣ во Іерусалимъ ограбити церковь и біенъ бысть ангельскими руками“.

Но ярче всѣхъ дѣлъ Димитрія сіяло его проповѣдничество, прославившее его еще въ юности. Рѣдко служилъ онъ безъ того, чтобъ не сказать проповѣди. Какъ отецъ съ дѣтьми, говорилъ онъ, проповѣдуя, съ паствой. При необыкновенной силѣ и живости оборотовъ, св. Димитрій держитъ слушателя все время въ напряженіи. Не сухія догматическія отвлеченности, а чаще всего жизнь со всѣми ея проявленіями составляетъ его темы. И потому множество изъ нихъ представляютъ собою, какъ бы живые куски выхваченные изъ той эпохи, съ ея кровью, ея жилами, и всегда будутъ ярко рисовать время св. Димитрія съ бытовой стороны. Тонъ его рѣчи не грозный, а увѣщательный, иногда переходитъ къ ироніи.

Вотъ, напримѣръ, изумительное по смѣлости замысла слово о томъ, какъ Царствіе Божіе ходитъ по землѣ, ища себѣ мѣста. Было оно въ жилищахъ знатныхъ людей. Тамъ богатство, собранное грабленіемъ, хищеніями, обидами; пошло въ торговые ряды. Тамъ плутни, обмѣръ, обвѣсъ. Въ приказахъ, ратушахъ Царство Небесное нашло лицепріятіе, и стоитъ тамъ, плача, пророкъ Михей. Царство Небесное—спросило его, отчего онъ плачетъ, а онъ отвѣчаетъ: „О лютѣ мнѣ, яко правду творящаго нѣсть въ человѣцѣхъ“. Приближалось оно къ дому вельможи. Тамъ пируютъ, и, войдя въ палаты, Царство Небесное „видитъ ядущія, піющія, купно и снѣдающія людей Божіихъ вмѣсто хлѣба: другъ друга охуждаетъ, осуждаетъ, другъ другу зла мыслитъ, словесы льститъ, а сердцемъ коварничествуетъ“. А тамъ

дѣло дошло и до ссоры—и Царство Небесное поспѣшно оставляетъ эти палаты. Встрѣчается ему царь Давидъ и спрашиваетъ, куда оно идетъ. Царство Небесное отвѣчаетъ, что въ городѣ не нашло себѣ мѣста и думаетъ поселиться между простыми людьми. Но Давидъ говоритъ, что и тамъ жизнь испортилась, и множество такихъ дѣлъ, о какихъ и вспомнить стыдно. Не знаетъ Царство Небесное, куда ему подѣваться и думаетъ: пойду въ храмъ, тамъ пребываетъ Господь, и мнѣ подобаетъ тамъ быть. Вошло Царство Небесное въ церковь. „Видитъ иныхъ дремлющихъ, иныхъ другъ со другомъ о внѣшнихъ попеченіяхъ говорящихъ, иныхъ тѣломъ токмо въ церкви стоящихъ, а умомъ не молитвѣ внемлющихъ, но невѣдомо что мечтающихъ; клирицы чтутъ и поютъ безъ вниманія. Священники со діаконы во олтари сквернословятъ, а иногда и дерутся“. И кончило Царство Небесное тѣмъ, что вселилось въ селѣ, среди безвѣстныхъ страдающихъ людей: „Подобно есть Царство Небесное сокровищу сокровенну на селѣ“.

Страстное стремленіе двинуть въ нравственномъ отношеніи слушателей своихъ впередъ: вотъ основное настроеніе проповѣдей Димитрія. Онъ скорбитъ надъ современными ему язвами – отсутствіемъ любви, братства, справедливости. Онъ унаслѣдовалъ общую черту лучшихъ своихъ предшественниковъ—проповѣдниковъ: напоминать сильнымъ и богатымъ о слѣпыхъ и нищихъ.

Всѣ сословія проходятъ предъ нами съ отзывомъ св. Димитрія.

Вотъ, люди высшіе съ ихъ немилосердіемъ на страшномъ судѣ. „Узрятъ господіе—рабовъ своихъ, бояре—крестьянъ своихъ, ихъ же немилосердно озлобляху. На пиру Иродовомъ ѣдятъ людей, а пьютъ кровь ихъ да слезы“.

Вотъ архіереи: „Не того ради быти архіерею, еже величатися, еже напыщатися, сущу отъ всѣхъ почитаему, но да всѣми виды смиренія Христова образъ на себя являетъ“.

Вотъ, священники: священническій чинъ окрестъ престола Божія безъ страха Божія и безъ боязни стоитъ, чесому азъ по премногу удивляюся, паче же долготерпѣнію Божію: милосердный Христосъ не казнитъ внезапною смертью безчинствующихъ во алтарѣ.

И еще: „Знаменіе добраго пастыря есть, ежь предъ овцами, а не позади овецъ ходити въ подвизѣхъ и Богоугожденіяхъ". А что бываетъ? овца бодра, а пастырь лѣнивъ, овца постничаетъ, а пастырь на все разрѣшаетъ, овца угождаетъ Богу, а пастырь своему чреву или суетнымъ человѣкамъ.

Общественная несправедливость глубоко волновала душу святителя. Онъ говоритъ: „Егда богатый ястъ, убогихъ труды ястъ. А егда піетъ, кровь людскую піетъ, слезами людскими упивается. Кто честенъ — богатый! Кто безчестенъ? — убогій! Кто благороденъ — богатый! Кто худороденъ?—убогій! Кто премудръ?—богатый! Кто глупъ?—убогій! Богатый, аще бы и весьма былъ глупъ, обаче то самое, яко богатъ, умнымъ его между простонародными человѣки творятъ."

Ни предъ чѣмъ правдолюбивый святитель не склонялъ главы. Признавая пользу нѣкоторыхъ реформъ Петра, онъ рѣзко осуждаетъ то, что шло противъ дѣла Церкви.

Былъ изданъ указъ не соблюдать въ полкахъ посты. И, между прочимъ, у Соловьева упоминается, что одинъ солдатъ былъ судимъ за то, что, вопреки волѣ начальства, не желалъ нарушить поста. Это распоряженіе о постахъ возмутило Димитрія, и онъ произнесъ рѣзкое слово, о двухъ пирахъ Іродовомъ и Христовомъ. Въ проповѣди укоряются блудники, пьяницы, подражающіе Бахусову ученику Лютеру, разрѣшающіе посты въ полкахъ.

Въ одной изъ лучшихъ своихъ проповѣдей онъ ясно намекалъ на чрезвычайную гнѣвливость Петра. Въ другой говоритъ: „Смертенъ тя быти памятствуй,—о царѣ,

а не во вѣки живуща—днесь вси тебѣ предстоятъ, а утро самъ единъ останешься въ нѣдрѣхъ земныхъ. Днесь всѣмъ страшенъ, а утро мертва тя кто убоится? Днесь неприступенъ еси, а утро лежащъ во гробѣ ногами всѣхъ попираемъ будеши."

Много горя пережилъ Димитрій въ Ростовѣ. Присланный отъ монастырскаго приказа стольникъ Воейковъ велъ себя непочтительно и докучалъ святителю. Однажды когда святитель служилъ литургію въ соборѣ, стольникъ распорядился бить кого-то на правежѣ. Крикъ наказываемаго былъ слышенъ въ церкви. Святитель приказалъ, чтобъ истязаніе прекратили. Стольникъ отказалъ. Святитель тогда, прервавъ службу, ушелъ въ свое село Демьяны.

И эти непріятности, и оскудѣніе митрополичьяго дома, доходившее до того, что митрополиту нечего было дать просящимъ, все увеличивалось. Разъ онъ пишетъ другу своему, Стефану Яворскому: „Толико беззаконій, толико обидъ, толико притѣсненій вопіютъ на небо, и возбуждаютъ гнѣвъ и отомщеніе Божіе."

Скорбный духомъ, но твердый и неослабный въ дѣлахъ своихъ, жилъ святитель въ неподходящемъ для него суровомъ и сыромъ климатѣ Ростова. Нестяжительный, любилъ онъ одни сокровища: книги, которыхъ у него было до 300 томовъ, и эту библіотеку онъ пополнялъ иностранными изданіями, выписывая ихъ чрезъ главную тогдашнюю артерію, по которой шли сношенія торговыя съ Европой—Архангельскъ. Можно думать, что, въ послѣднее время онъ и отъ этого утѣшенія долженъ былъ отказаться: оскудѣніе дома митрополичьяго дошло до послѣдней крайности. Незадолго до конца, въ 1708 г. онъ пишетъ Іову Новгородскому прославшему ему полбочки рыбы: „Не имамъ чѣмъ воздать, убогъ сый. Молю богатаго въ милости Христа, да Онъ воздастъ." Покои святителя были украшены портретами отца его, Саввы Туптады, духовныхъ благодѣтелей его,

первыхъ замѣтившихъ его геній, архіепископа Лазаря Барановича и митрополита Варлаама Ясинскаго, глобусами—земнымъ и небеснымъ.

На видъ святитель былъ бѣлокурый, съ просѣдью, худой человѣкъ, небольшого роста, сгорбленный, съ маленькой клинообразной бородкой, въ очкахъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ шерстяной рясѣ любимаго имъ темнозеленаго цвѣта.

Чувствуя угасаніе силъ, одного онъ жалѣлъ, что его лѣтопись келейная останется недоконченною. Нельзя безъ душевнаго волненія читать неоднократныхъ сѣтованій святителя-литератора, видящаго неоконченнымъ за смертью своей любимое дѣтище, плодъ трудовъ многихъ и искренняго вдохновенія.

Трудится онъ до конца, не слабѣя духомъ при тѣлесномъ изнеможеніи, при внѣшнихъ испытаніяхъ. „Воля Господня да будетъ. Мы же своему внимаемъ дѣлу и посреди обуреванія надежды спасенія не теряемъ“.

Онъ умножаетъ аскетическіе свои подвиги. Часто по три часа онъ лежитъ неподвижно, распростершись крестомъ или на дачѣ своей, въ селѣ Демьянахъ, выставляетъ свое тѣло комарамъ и мошкамъ. Это вольное страданіе нужно было душѣ его, и онъ выписываетъ себѣ мѣсто изъ бесѣдъ Макарія Египетскаго: „Овые, имѣющіе благодать, о себѣ точію попеченіе имѣютъ, hi sunt (это) отшельники, пустынники; иныя же имѣхъ души пользовати тщатся, сія онѣхъ мною превышаютъ; hi sunt святители, учители, проповѣдники Божія слова. Иныя же вдаша тѣлеса своя въ досады и страданія. Сіи высшіе всѣхъ суть.“

Думая о смерти, быть-можетъ, признавая ее, какъ избавительницу отъ золъ, святитель посылаетъ родовую икону Богоматери въ Троицкую церковь Кіевскаго Кирилловскаго монастыря, для постановки надъ гробомъ отца и пишетъ духовное завѣщаніе, которое трудно читать спокойно. Святитель проситъ не искать послѣ него

стяжанія, не выпытывать денегъ отъ служащихъ ему. „Отъ юности и до приближенія моего ко гробу, не стяжевалъ имѣнія, кромѣ книгъ святыхъ. Не собиралъ во архіерействѣ сый келейныхъ приходовъ (т. е. доходовъ), яже не многи бяху. Но ово на мои потребы та иждивахъ, ово же на нужды нуждныхъ. Вѣрую бо, яко пріятнѣе Богу будетъ, аще не едина цата по мнѣ не останетъ, неже егда бы многое собраніе было раздаваемо. Если никто не восхощетъ меня тако нища обычному предати погребенію, то пусть бросятъ въ убогій домъ. Если же по обычаю будутъ погребать, пусть схоронятъ въ углу церкви монастыря св. Іакова, идѣже мѣсто назнаменовати. Изволяй же безденежно помянути грѣшную мою душу въ молитвахъ своихъ Бога ради, таковый самъ да помяновенъ будетъ во Царствіи Небесномъ. Требуяй же за поминовеніе мзды, молю, да не помянетъ мя нища, ничто же на поминовеніе оставивша. Богъ же да будетъ всѣмъ милоставъ, и мнѣ грѣшному во вѣки аминь.“

До послѣднихъ дней жизни перо не выпадало изъ слабѣющихъ рукъ святителя. За нѣсколько почти часовъ до конца онъ пишетъ другу—монаху: „До чего не примусь, все изъ рукъ падетъ. Дни мнѣ стали темны. Очи мало видятъ. Въ концѣ свѣтъ свѣщный мало способствуетъ.“

Вечеромъ предъ ночью, въ которую онъ почилъ, онъ велѣлъ позвать пѣвчихъ. Сидя у натопленной печки, онъ слушалъ пѣніе составленныхъ имъ кантатъ: „Іисусе мой Прелюбезный, надежду мою въ Бозѣ полагаю, Ты мой Богъ Іисусе, Ты моя радость“. Отпустивъ всѣхъ, онъ удержалъ только любимаго своего пѣвчаго и „усерднѣйшаго въ трудахъ ему помощника“ Савву Яковлева, который былъ переписчикомъ его сочиненій.

Въ эти послѣдніе часы жизни мысль святителя обращалась къ его прошлому. Ему вспомнилась учебная пора, и первые проповѣдническіе успѣхи, и великій трудъ

Четьи-Минеи, и безмятежное дѣтство среди старыхъ тополей и вишневыхъ садовъ привольной Украйны. И онъ разсказалъ своему вѣрному помощнику о своей юности, о своихъ молитвахъ и прибавилъ: „И вы, дѣти, такожде молитеся".

Окончивъ бесѣду святитель сказалъ: „Время и тебѣ, чадо, отбыти въ домъ твой". Благословивъ мальчика, святитель поклонился ему почти до земли, благодаря за помощь въ перепискѣ его сочиненій.

Тотъ смутился, и заплакалъ, а святитель еще разъ кротко повторилъ: „Благодарю тя, чадо"!

Пѣвчій ушелъ. Это послѣдній человѣкъ видѣвшій святителя живымъ.

Св. Димитрій вошелъ въ особую келью для молитвы и тамъ на слѣдующее утро 28 октября 1709 года былъ найденъ бездыханнымъ. Онъ почилъ во время молитвы, стоя на колѣняхъ. Ему шелъ 59-й годъ.

Денегъ послѣ него не осталось. По завѣщанію его, въ гробъ вмѣсто стружекъ положены были черновыя его рукописи. Около мѣсяца тѣло его оставалось непогребеннымъ до прибытія Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго. Связанные дружбой, они дали другъ другу слово, чтобы тотъ, кто умретъ раньше, былъ погребенъ другимъ.

Мы подробнѣе остановились на жизни святителя Димитрія, потому что видимъ въ немъ самую свѣтлую личность въ церковномъ мірѣ XVIII вѣка.

Въ вѣкъ этихъ реформъ, иногда глубоко антинаціональныхъ и противоцерковныхъ, этотъ великій человѣкъ показалъ, какъ можно быть просвѣщеннѣйшимъ и передовымъ дѣятелемъ, не измѣняя прошлому своего народа, и оставаясь безусловно вѣрнымъ православно русскому настроенію.

Кромѣ такого значенія историческаго примѣра, святитель Димитрій не можетъ не вызывать восторга какъ дѣятель литературный.

Все то, что цѣнно въ писателѣ: вѣрность своимъ убѣжденіямъ, горячность ихъ, безусловная искренность и правдивость, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся, глубокая человѣчность и страстное желаніе добра ближнему, грѣющее сочувствіе всякому жизненному страданію и вѣра въ то, что жизнь можетъ стать свѣтлѣе, теплѣе и лучше — какъ внутреннія достоинства души писателя; затѣмъ блестящее образованіе, живость, ясность изложенія, картинность, выпуклость образовъ, новизна и оригинальность оборотовъ, чрезвычайная сила слова — какъ внѣшнее достоинство его твореній: все это отводитъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди вообще лицъ, послужившихъ перомъ Россіи, лицъ, перомъ которыхъ говорила ихъ чуткая и великая, много возлюбившая родной народъ, душа.

Какъ нравственная личность, какъ примѣръ личнаго подвижничества, онъ тоже является яркимъ свѣтиломъ своего вѣка, ударившагося въ матеріализмъ и прозу, тогда какъ онъ былъ и духомъ, и жизнью идеалистъ и поэтъ.

Что-то трогательное, дѣтское есть и во многихъ обстоятельствахъ его жизни, напримѣръ, въ предсмертномъ вечерѣ, и въ его вѣрѣ, и въ незлобивой ироніи его.

Наконецъ, невольное сочувствіе къ нему возбудаетъ и тотъ ореолъ глубокаго мученія, который въ послѣдніе годы сіяетъ надъ его головой, мученія, которое запечатлѣлось даже въ сохранившихся до насъ его изображеніяхъ, и которое дѣлаетъ его невинною жертвою историческихъ ошибокъ и недоразумѣній.

ГЛАВА IV.

Θеофанъ Прокоповичъ. Его дѣятельность и личность.

Человѣка, сопутствующаго всѣмъ безусловно его реформамъ, всегда готоваго слѣпо дѣйствовать въ его видахъ и ставившаго угожденіе ему выше угожденія Христу, Петръ нашелъ въ Θеофанѣ.

Этотъ даровитѣйшій человѣкъ родомъ былъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, и образованіе получилъ въ кіево-могилянской академіи. 17 лѣтъ онъ поѣхалъ въ Литву, гдѣ, для ученія въ уніатскую школу, назвался уніатомъ. Обративъ на себя вниманіе своими блестящими способностями, онъ посланъ былъ въ римскую академію, гдѣ пробылъ два года, но, заподозрѣнный въ православіи, бѣжалъ въ Польшу, постригся въ Почаевѣ и оттуда митрополитомъ Варлаамомъ вызванъ въ академію какъ учитель піитики.

Изъ пребыванія своего среди католиковъ Θеофанъ вынесъ глубокую ненависть къ нимъ, особенно къ іезуитамъ. Къ сожалѣнію, избавленный отъ вліянія латинства, онъ всю жизнь тяготѣлъ къ протестантству.

Въ высшей степени интересно начертанное Θеофаномъ описаніе іезуитовъ, дающее разомъ и вѣрное изображеніе ихъ, и прекрасный примѣръ литературнаго мастерства Θеофана.

„Великій Павелъ давно уже сказалъ намъ, что, какъ темный ангелъ, такъ и его слуги, обыкновенно одѣваются въ свѣтъ. Поддѣльное же благочестіе латинскихъ монаховъ служитъ для меня главнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженія, по-

ступь, положеніе тѣла и лица; что увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищами кротости и любви; другихъ увидишь облеченными суровостью болѣе, чѣмъ катоновскою.

„Первые изъ нихъ, большею частью совершенно напрасно называющіе себя друзьями Іисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей. Они всецѣло созданы для пріобрѣтенія благосклонности; являются въ общество въ черной, но изящной одеждѣ: отличаются бѣлизною кожи, — красавцы съ головы до ногъ; тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно улыбаются. А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протеи, въ одно и то же время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній! Сейчасъ ты слышалъ его веселаго и забавнаго. Но, если въ рѣчи его попадется одно словечко сколько-нибудь печальнаго содержанія — вотъ онъ и вздыхаетъ, и стенаетъ, и слезки каплютъ, и все это онъ дѣлаетъ съ такою нѣжностью и пріятностью, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена, и я подозрѣвалъ, что лучшіе учители у нихъ тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ многихъ іезуитовъ, которымъ вовсе было не къ лицу представлять собою Купидоновъ или Венеръ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу, то несутся такимъ разсчитаннымъ шагомъ, что, кажется, не идутъ, а танцуютъ. Если встрѣтятся съ кѣмъ-нибудь знакомымъ, который поддался ихъ вліянію: тотчасъ оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоемъ) самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою. Затѣмъ старшій, то есть главный начальникъ чужого спасенія, склонивши тихо голову на плечо и улыбаясь, говоритъ,

пожимая руки встрѣтившагося знакомца: „Въ какомъ состояніи вашъ внутренній человѣкъ? Я увѣренъ, что онъ здравствуетъ, какъ нельзя лучше“. Затѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстіе, что въ Индіи могущественнѣйшій правитель со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ іезуитами къ вѣрѣ во Христа. Всегда неожиданно, а часто и неблаговременно, приходятъ они въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ пріятныхъ взаимныхъ привѣтствій, забавляютъ женщинъ многими благочестивыми шутками, хвалятъ управленіе дома, удивляются картинамъ, и, увидѣвши Христа пригвожденнымъ ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣніемъ, и движеніемъ рѣсницъ показываютъ, что они уже готовы расплакаться; но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто для того, чтобы скрыть свои слезы. Часто, если есть маленькія дѣти, іезуиты, лаская ихъ, дарятъ имъ небольшія иконы или привѣшиваютъ на шею мѣдь съ изображеніемъ Игнатія Лойолы. Но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая-нибудь больная женщина лежитъ въ постели. И если больная, поддавшись ихъ льстивымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больной вѣчное блаженство, и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ дома, гдѣ жаренымъ не пахнетъ.

„Но такъ какъ не всѣмъ нравится эта благочестивая сантиментальность, то-есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ будто, родившись отъ древнихъ сабинянъ, кажутся весьма суровыми, смѣются надъ всѣми приличіями свѣта и попираютъ ихъ,—немытые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ синими зубами, необрѣзанными ногтями, съ пренебреженіемъ ко всякому убранству. Весьма приличнымъ считаютъ для священнаго

оратора, если онъ во время проповѣди непристойно разводитъ рукавами, пугаетъ всѣхъ суровымъ взглядомъ, кулаками и пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каѳедру. Однако ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе людей этого рода".

Эти строки въ передачѣ проф. Чистовича представляютъ картину по исполненію и яркости художественности.

Весьма неодобрительно относится Ѳеофанъ и къ нѣкоторымъ риторическимъ пріемамъ католическихъ проповѣдниковъ.

Такъ, Ѳеофанъ приводитъ шутливую развязность одного проповѣдника, который въ день, когда читаны были два евангелія, оба начинавшіяся со словъ „Во время оно", началъ свою проповѣдь такъ: „Я не хочу ни съ кѣмъ ссориться, говорю я теперь Евангелію. Два евангелія оспариваютъ для себя мѣсто въ этомъ костелѣ. Я помирю евангелія, взявши темой моей проповѣди слова обоихъ евангелій *„во время оно"*.

Ѳеофанъ справедливо осуждаетъ манеру для оживленія проповѣди прибѣгать къ такимъ примѣрамъ, какъ разговоры и отвѣты, часто весьма дурного вкуса, напримѣръ: „Давидъ, святой, что дѣлаешь? Люблю, говоритъ. Полно, любишь-ли Его? Люблю". „Самарянка, куда идешь? Вѣроятно, повидаться съ друзьями? Но не за водой съ ведромъ. Неужели ты, самарянка, не считаешь это безчестнымъ? Неужели хочешь, чтобы другіе смотрѣли на тебя подозрительно?"

Кромѣ изъ ряду вонъ выходящихъ способностей, Ѳеофану помогъ случай: 5 іюля 1706 года, когда государь прибылъ въ Кіевъ заложить Печерскую крѣпость, Ѳеофанъ сказалъ въ его присутствіи рѣчь, обратившую на себя вниманіе Петра. Въ ней не было длинноть, запутанныхъ періодовъ, всей тяжелой артиллеріи древней схоластики. Это была простая, одушевленная, радостная рѣчь. Она положила начало фавору Ѳеофана. Послѣ

Полтавской побѣды онъ сказалъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ панегирикъ Петру, а позже сумѣлъ угодить и всесильному Меншикову, сказавъ и ему похвальное слово.

Въ 1711 году Ѳеофанъ во время Турецкаго похода, по приказанію Петра, находился въ русскомъ лагерѣ.

Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, онъ, по волѣ царя, опредѣленъ игуменомъ Кіевобратскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Какъ профессоръ, онъ пользовался громкою славою. Онъ оставилъ схоластическую методу и ввелъ новую, церковно-историческую.

Какъ хозяинъ, Ѳеофанъ привелъ въ порядокъ денежную часть академіи, запущенную въ такой мѣрѣ, что учащіеся постоянно голодали. А при немъ пошло такое изобиліе, что, по его же, Ѳеофановымъ, словамъ: „слухъ въ народѣ носился, что въ братскомъ монастырѣ кладъ найденъ“.

Въ 1715 году Ѳеофанъ вызванъ былъ въ Петербургъ. Годъ провелъ Ѳеофанъ тамъ въ дѣятельности проповѣдника, причемъ является скорѣе публицистомъ, чѣмъ пастыремъ-учителемъ. Онъ преимущественно съ точки зрѣнія правительства, обсуждалъ въ своихъ проповѣдяхъ политическія дѣла.

Меншиковъ былъ очень добръ къ нему, въ чемъ видѣли залоги его возвышенія. Старорусская партія видѣла дурное предзнаменованіе въ возвышеніи Ѳеофана. Черезъ нѣсколько лѣтъ государь помѣстилъ Ѳеофана на весьма тогда значительную каѳедру архіепископа Псковскаго.

Между тѣмъ, двое ученыхъ Московской Академіи, Гедеонъ Вишневскій и Ѳеофилактъ Лопатинскій, ко времени еще вызова Ѳеофана въ Петербургъ, составили проектъ, обвиняя Ѳеофана въ неправославныхъ взглядахъ.

Знаменитые ученые братья Лихуды согласились съ протестомъ и отозвались не въ пользу Ѳеофана.

Когда стало извѣстнымъ о предстоящей хиротоніи Ѳеофана, протестъ пошелъ въ Петербургѣ въ видѣ письма отъ Стефана Яворскаго къ епископамъ, которые должны были посвящать Ѳеофана, съ требованіемъ посвящать его не иначе, какъ если онъ отречется отъ мнѣній, выставленныхъ въ протестѣ. Но дѣло кончилось для Ѳеофана благополучно примиреніемъ его со Стефаномъ.

Интересны письма Ѳеофана къ малороссійскому его знакомому Марковичу.

Будучи архіепископомъ, онъ хвалитъ свой петербургскій домъ, „который отдѣлалъ, кажется, чисто и прилично“. Пишетъ о благоволеніи Петра, который въ 1720 году подарилъ ему лично село и два судна — одно весельное, другое парусное. Говоритъ о своихъ письменныхъ трудахъ. Въ это время, кромѣ болѣе мелкихъ трудовъ, онъ занятъ былъ составленіемъ Духовнаго регламента, трактата о патріаршествѣ, трактата о лицемѣріи и трактата о мученичествѣ. Этотъ послѣдній составленъ для увѣщанія лицъ, выказывающихъ „неразумную ревность“ изъ-за перемѣны одеждъ, изъ-за париковъ, изъ-за бритья бородъ, и „тому подобныхъ мелочей“, какъ пишетъ Ѳеофанъ. При этомъ Ѳеофанъ приводитъ слѣдующее „смѣшное приключеніе“. „Чей-то служка, начитавшись житія мучениковъ, и самъ воспламенился ревностію къ мученичеству и не зная, какъ этого достигнуть, придумалъ вотъ какую штуку: куплю, говоритъ, старинное русское сѣдло, которыя употреблять запрещено, и средь бѣлаго дня проѣдусь на немъ по Москвѣ, вопреки царскому указанію: авось, быть-можетъ, попаду на казнь. Вотъ, заключаетъ Ѳеофанъ, какой образъ мыслей у этихъ несчастныхъ; это-то зло мы и хотимъ уврачевать нашимъ сочиненіемъ“.

При учрежденіи Духовной Коллегіи (св. Синода) Ѳеофанъ былъ назначенъ вице-президентомъ ея, наравнѣ съ новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ, котораго онъ потомъ погубилъ.

Положеніе Ѳеофана было тогда чрезвычайно благопріятно. Умъ его, вполнѣ подходившій къ цѣлямъ Государя и не разъ имъ испытанный, пріобрѣлъ ему полное довѣріе Петра. Часто видясь съ нимъ, и у себя, и у Ѳеофана, котораго онъ навѣщалъ, государь любилъ толковать съ нимъ о преобразованіяхъ въ церкви и государствѣ. И всегда Ѳеофанъ готовъ былъ стать усернымъ и понятливымъ орудіемъ Петра. Всѣ реформы государя объяснены съ церковной каѳедры Ѳеофаномъ. Все почти, что онъ писалъ, онъ писалъ по заказу Петра. И, случалось, что онъ угождая произволу Петра, жертвовалъ иногда правдою.

Напримѣръ, Петръ задумалъ, вопреки всѣмъ преданіямъ русскимъ, вопреки обычаямъ всѣхъ рѣшительно монархическихъ государствъ, присвоить себѣ власть, назначить себѣ наслѣдника по собственному избранію, не стѣсняясь нисколько не только первородствомъ, но и родствомъ. И Ѳеофанъ въ оправданіе такого произвола пишетъ *Правду воли Монаршей*. Законоположенія о Царской Фамиліи Императора Павла Петровича положили предѣлъ тѣмъ смутамъ, какія вызваны были въ теченіи XVIII вѣка распространеніемъ этого неправильнаго взгляда Петра—взгляда, который защищало угодливое перо Ѳеофана.

Извѣстный историкъ князь Щербатовъ въ слѣдующихъ типическихъ выраженіяхъ выражаетъ свое мнѣніе объ отношеніи Ѳеофана къ Петру.

„Духовный чинъ, который не любилъ Петра за отнятіе власти, гремѣлъ въ храмахъ Божіихъ панегирики ему. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ Государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно указалъ, выспренній свой голосъ на похвалы государя возносилъ. Достоинъ онъ многихъ похвалъ. Но желательно бы было, чтобы они не отъ лести происходили. А похвалы Прокоповича, сего не-

постриженнаго монаха *), сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона; сего, иже не устыдился быть судьей Тайной канцелярін, бывъ архипастыремъ Церкви Божіей: были лестны, яко свидѣтельствуетъ собственное его сочиненіе, Правда воли монаршей, памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому".

Кромѣ честолюбія, никакъ нельзя считать Ѳеофана свободнымъ отъ другой, неподходящей для монаха черты: корыстолюбія. Сколько государь ни жаловалъ его, ему все казалось мало, и попрошайничества, слезныя, очень типичныя письма его о его нищетѣ съ подробными объясненіями, откуда она происходитъ и какъ онъ бѣдствуетъ, съ просьбами о помощи—то дать ему домъ въ Москвѣ, то денегъ, то простить долгъ,—проходятъ все его архипастырское служеніе. Онъ былъ широкъ въ расходахъ, какъ увидимъ ниже. Но нельзя, къ чести его, не сказать, что онъ былъ щедръ и любилъ помогать даровитымъ молодымъ людямъ, которыхъ на свой счетъ отправлялъ учиться за границу.

При погребеніи безвременно почившаго Петра, Ѳеофанъ сказалъ одну изъ тѣхъ рѣчей, какія переживаютъ столѣтія. Она начиналась словами: „Россіяне, что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!"

При Екатеринѣ I, когда былъ низведенъ съ каѳедры, происками Ѳеофана, Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Яновскій, Ѳеофанъ переименованъ въ архіепископы новгородскіе. Вскорѣ онъ поднесъ императрицѣ: „въ знакъ сыновней любви и рабской преданности" серебряный сервизъ.

Въ бурное время второй четверти XVIII вѣка, эпоху неожиданныхъ дворцовыхъ переговоровъ, Ѳеофанъ выказалъ необыкновенную ловкость, но, къ сожалѣнію, во

*) Многіе утверждали, что Ѳеофанъ никогда не былъ постриженъ.

все не свойственнымъ его сану интриганствомъ, запятналъ себя.

Талантливый и почтенный историкъ Θеофана, проф. Чистовичъ, говоритъ объ этой сторонѣ его дѣятельности: „Θеофанъ, великій умъ, государственный мужъ, первенствующій членъ Синода, превращался въ агента преображенской канцеляріи, являясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, то доносчикомъ, то подсудимымъ, но всегда необходимымъ ея членомъ. Надобно удивляться, какъ онъ не погибъ въ этомъ водоворотѣ честолюбій, доносовъ, интригъ,—въ водоворотѣ, который увлекъ Долгорукихъ, Меншикова, Дашкова и многое множество не столь замѣтныхъ лицъ. Какой это былъ находчивый и изворотливый умъ, какая желѣзная воля, какая настойчивость и непреклонность въ достиженіи цѣли!“

Казалось, принципъ Θеофана былъ: губить враговъ, пока они его не погубили—и принципъ этотъ примѣненъ имъ къ дѣлу.

Какъ далеко простиралась дальновидность Θеофана, видно изъ слѣдующаго случая: Послѣ коронаціи Петра II въ Москвѣ было получено извѣстіе, что у Анны Петровны, герцогини Голштинской (тетки Петра II), которая, по происканъ Меншикова, была выслана изъ Петербурга въ Голштинію, родился сынъ, названный Петромъ (будущій императоръ Петръ III). Въ Москвѣ это событіе прошло незамѣченнымъ. Но Θеофанъ, не смотря на юность цвѣтущаго здоровьемъ государя воспользовался случаемъ заискать въ Голштинской семьѣ. Его письмо звучитъ тѣмъ болѣе фальшиво, что не могъ же онъ не знать, какъ несчастлива въ бракѣ Анна Петровна, и какой малолюбящій ея супругъ. Онъ сперва поздравляетъ, а потомъ поноситъ Меншикова, съ которымъ у него были тогда нелады.

Онъ пишетъ: „Присланный вами вѣстникъ, принесшій сюда увѣдомленіе о рожденіи у васъ сына пресвѣтлѣйшаго князя Петра, исполнилъ меня такою радостью,

что я не нахожу словъ для ея выраженія. Чтобы я ни сказалъ, все будетъ слабѣе моихъ чувствъ. Впрочемъ, скажу, что могу, если не въ состояніи высказать, что хотѣлось бы. Родился Петру Первому внукъ, Второму братъ; августѣйшимъ и державнѣйшимъ сродникамъ и ближнимъ краса и приращеніе; россійской державѣ опора, и, какъ заставляетъ ожидать его кровное происхожденіе—великихъ дѣлъ величайшая поддержка. А, смотря на васъ, счастливѣйшіе родители, я плачу отъ радости(!) какъ невольно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, отверженныхъ, уничиженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тираномъ (т. е. Меншиковымъ). Теперь для меня очевидно, что вы у всеблагого и великаго Бога находитесь въ числѣ возлюбленнѣйшихъ чадъ, ибо Онъ посѣщаетъ васъ наказаніями, а послѣ печалей возвеселяетъ, какъ и всегда дѣлаетъ съ людьми благочестивыми"—и такъ далѣе.

Когда по кончинѣ Петра II, верховный Тайный Совѣтъ, избралъ на престолъ Герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну, отправили депутацію въ Митаву съ предложеніемъ Аннѣ Іоанновнѣ короны съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она управляла въ подчиненіи верховникамъ, Ѳеофанъ—такъ предполагали, по крайней мѣрѣ, современники, со своей стороны отправилъ гонца въ Митаву къ новоизбранной императрицѣ, которую онъ раньше зналъ и милостями которой пользовался, и предложилъ ей помочь, когда она захочетъ стать самодержавной.

Затѣмъ, когда дворянство, идя противъ замысла верховниковъ, рѣшило подать императрицѣ прошеніе, чтобъ она разорвала подписанныя ею въ Митавѣ условія самоограниченія и тѣмъ вернула себѣ всю полноту власти: въ это время, говорятъ, Ѳеофанъ сумѣлъ тайно посвятить императрицу въ планъ дворянства. Разсказываютъ, что онъ подарилъ Аннѣ столовые часы, а подъ

доску ихъ положилъ совѣтъ ей, какъ дѣйствовать, когда придетъ рѣшительная минута. На слѣдующій день, во время аудіенціи, данной дворянству, императрица разорвала подписанныя ею въ Митавѣ условія.

Съ Бирономъ Ѳеофанъ все время находился въ лучшихъ отношеніяхъ.

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ многочисленныхъ политическихъ процессахъ, въ которыхъ Ѳеофанъ плавалъ какъ рыба въ водѣ, ни на его ученой дѣятельности. Постараемся только, пользуясь трудомъ г. Чистовича, представить Ѳеофана какъ частнаго человѣка.

Милостями государей Ѳеофанъ былъ богатъ. У него былъ домъ въ Москвѣ, на Мясницкой, и дача въ подмосковномъ селѣ Владыкинѣ; въ Петербургѣ—деревянный домъ на Аптекарскомъ Островѣ, на рѣкѣ Карповкѣ, каменный домъ на Адмиралтейской сторонѣ, приморская дача между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. Онъ любилъ архитектуру и имѣлъ страсть къ постройкамъ.

Домъ на Карповкѣ былъ его главнымъ мѣстопребываніемъ. Окруженный лѣсомъ, онъ отличался тѣмъ, что изъ него открывались прекрасные виды. На рѣчкѣ, предъ домомъ, стояла маленькая флотилія изъ судовъ разнаго размѣра; на нихъ устраивались рѣчныя прогулки. И, при полной водѣ, Ѳеофанъ могъ разъѣзжать на яхтѣ и въ Синодъ, въ Невскій монастырь и до самой приморской дачи. Экономъ Ѳеофана славился умѣніемъ приготовлять хорошій солодъ. Доходы Ѳеофана, по тому времени, были очень значительны. Такъ, въ присылкѣ денегъ въ петербургской конторѣ новгородскаго архіерейскаго дома бывало тысячъ 11 въ годъ; а сколько поступало натурою! Не говоря о зернѣ, сѣнѣ и т. д., однихъ лососей поставлялось 1500, сиговъ копченыхъ и вялыхъ 2100. Изъ расходныхъ книгъ видно, что ѣли у Ѳеофана сытно и вкусно.

Къ чести Ѳеофана нужно сказать, что заведенные митрополитомъ Іовомъ госпитали онъ поддерживалъ.

Θеофанъ, кромѣ русскихъ августѣйшихъ особъ, принималъ и угощалъ знаменитыхъ лицъ, бывавшихъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Онъ вообще не стѣснялся принимать свободное участіе въ пиршествахъ вмѣстѣ съ иностранцами. Еще Петру донесли на дурную жизнь Θеофана, и Царь, любившій лично повѣрять доносы, заѣхалъ къ Θеофану въ полночь и засталъ его среди веселой пирушки съ друзьями. Θеофанъ нашелся, и, поднимая кверху кубокъ, запѣлъ: „Се женихъ грядетъ въ полунощи". Это остроуміе понравилось Государю, и онъ принялъ участіе въ пирѣ.

Хорошей чертой Θеофана было то, что онъ принималъ участіе въ художникахъ и студентахъ, самъ помогалъ имъ, снабжалъ деньгами, покупалъ картины (у него было 149 картинъ масляными красками) и рекомендовалъ ихъ богатымъ лицамъ. Онъ давалъ взаймы людямъ, которымъ за долги угрожало тюремное заключеніе. И, если впослѣдствіи они не были въ состояніи вернуть ему займа, прощалъ долгъ. У него были назначены дни, когда онъ раздавалъ милостыни.

Въ библіотекѣ его накопилось до 30,000 томовъ, и онъ охотно ссужалъ книгами другихъ. По окончаніи дневныхъ занятій онъ любилъ въ кругу ученыхъ свободно вздохнуть, дѣлясь познаніями. Тутъ онъ бывалъ геніально остроуменъ.

Путешественники говорили, что трудно найти человѣка, равнаго Θеофану по занятіямъ, и по „неописанной охотѣ къ математикѣ". Онъ до тонкости зналъ тоже исторію, философію, богословіе, европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говорилъ, но позволялъ себѣ говорить только на русскомъ, или, въ случаѣ крайности на латинскомъ.

У него была наилучшая, по тѣмъ временамъ, инструментальная и вокальная музыка. Иностранные министры любили его угощенія. Тутъ они развязывали языки, и то, что Θеофану удавалось уловить изъ ихъ плановъ, онъ сообщалъ Государю.

Въ 1721 году Ѳеофанъ устроилъ при своемъ домѣ школу, куда принималъ дѣтей всякаго званія. Это была лучшая школа того времени. Нахожденіе ея въ тихомъ мѣстѣ, на Карповской дачѣ, представляло всѣ удобства для правильной, сосредоточенной школьной жизни. Ѳеофанъ самъ составилъ правила поведенія воспитанниковъ, озаглавивъ ихъ „Регулы семинаріи преосвященнаго Ѳеофана архіепископа великоновгородскаго и великолуцкаго". Правила эти черезъ-чуръ формальны, отчасти дышатъ іезуитскимъ духомъ, такъ какъ скопированы съ правилъ іезуитскихъ школъ; и, насколько можно по нимъ составить себѣ понятіе о жизни школы, эта школа уступала въ отношеніи воспитательномъ описанной выше школѣ св. Димитрія въ Ростовѣ.

Вотъ, нѣкоторые изъ пунктовъ (эти „регулы" всякое первое число мѣсяцевъ прочитывались воспитанникамъ вслухъ):

Въ простые дни по утру вставать въ 6-мъ часу; въ 7-мъ убираться честно; галстухъ, камзолъ, башмаки и чулки, чтобъ чисты были; голова чтобы расчесана; потомъ молиться. 8—9 первое изученное вчера греческое протвердить, а потомъ латинскаго и русскаго языка обучаться; 10 гулять; 11 рисовать, 12 обѣдать и т. д.

При трапезѣ никому ни съ кѣмъ ничего ни тихо, ни въ голосъ не говорить, и никакимъ образомъ не соглашаться и не раздражаться, но внимать чтенію.

„Въ гуляніи внѣ дому всѣмъ быть вмѣстѣ и единому отъ другихъ далѣе 50 саженъ не отлучаться, дабы одни другимъ въ случаѣ помощи, и одни другихъ объ обхожденіи и нѣкоемъ (сохрани Боже) припадкѣ свидѣтельствовать могли.

„Игранія употреблять безбѣдныя и неплообразныя, напримѣръ, въ городки палками не играть.

„Никогда двоимъ (и въ гуляніи), ниже троимъ не отлучаться отъ прочихъ въ сторону и тайно съ собою

ничего не говорить, но говорить явно и въ слухъ прочихъ. И сіе кто усмотритъ доносить долженъ.

„Одинъ съ другимъ писемцами-бъ не пересылались, а если сіе учинитъ, то хотя-бъ что доброе писалъ, жестоко яко бездѣльникъ наказанъ будетъ.

„Никому никуды въ сторону писемъ, не объявивъ ихъ прежде директору, не посылать. Такожъ и кому откуда, хотя отъ родителей, письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но нераспечатанныя подавать директору.

„Никому не вязаться и не входить въ дружбу и компанію съ приказными, конюхами и прочими домовыми служителями.

„Никому не говорить про людей честныхъ и сановитыхъ, чтобъ могло быть съ умаленіемъ чести ихъ, хотя бы то и явно всѣмъ было, и обносилось бы въ народѣ слухомъ.

„Никому, когда и по нашему приказанію предоставлено пити будетъ, не пить жарлочно и жадно, и такого злообразія весьма хранитися, кольми паче не пить до пьяна и не шумѣть".

Для развлеченія учениковъ Ѳеофанъ устроилъ въ школѣ вокальную и инструментальную музыку.

Лучшихъ учениковъ Ѳеофанъ посылалъ въ гимназію при академіи наукъ. Всего прошло чрезъ эту школу за 15 лѣтъ ея существованія 160 молодыхъ людей. Насколько Ѳеофанъ заботился о школѣ, видно изъ его предсмертнаго распоряженія, по которому онъ все лично ему принадлежащее оставлялъ этой школѣ, съ тѣмъ чтобъ по окончаніи курса кто получитъ мѣсто — могъ обзавестись чрезъ пособіе, изъ оставленныхъ Ѳеофаномъ средствъ, постройкою и хозяйкой.

Ѳеофанъ умеръ еще не старымъ, 55 лѣтъ.

Можно думать, что эта школа была утѣшеніемъ его послѣднихъ годовъ. Быть-можетъ, смотря на эту росшую на его глазахъ молодежь, онъ гадалъ о тѣхъ луч-

шихъ временахъ, когда люди будутъ увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, и когда архіерею, для того чтобы спокойно и безопаснѣе стоять на своемъ мѣстѣ, не потребуется тонкой неустанной борьбы, не придется топить людей раньше чѣмъ они потопятъ.

Кто опишетъ, какія чувства волновались во впечатлительной душѣ Ѳеофана предъ концомъ его? Какіе страшные призраки вставали предъ нимъ — призраки людей, погибшихъ съ его вѣдома, по его иногда проискамъ... И этихъ людей предстояло ему теперь увидѣть лицомъ къ лицу. Говорятъ, что, сводя послѣдніе счеты съ жизнью, Ѳеофанъ, приставляя указательный палецъ ко лбу,—говорилъ: „О главо, главо, разума упившись, куда ее приклонишь?“

Множество трудовъ и постоянное напряженіе сломили крѣпкое здоровье Ѳеофана такъ рано для него, на 55 году. До послѣдней минуты онъ сохранялъ сознаніе. Онъ скончался предъ вечеромъ 8-го сентября 1736 года и погребенъ на южной сторонѣ Новгородскаго Софійскаго собора, около митрополита Іова.

Самая блестящая эпоха дѣятельности Ѳеофана, съ точки зрѣнія нравственной, была, кажется эпоха ректорства въ Кіевѣ. Нѣжная живая струя, внесенная имъ въ сухое дотолѣ преподаваніе, сочувствіе и поддержка, ради Ѳеофана, оказываемая академіи сильными лицами— все это поставило академію на незнаемую ею дотолѣ высоту, и въ ея классахъ стали безпрестанно слышаться самыя громкія имена Малороссіи, молодые представители которыхъ стекались сюда получать образованіе...

А далѣе...

Живи Ѳеофанъ въ другую, установившуюся эпоху, онъ бы былъ, вѣроятно, иной.

И страшно подумать, сколько великихъ силъ его израсходовано на подпольную борьбу, на доносы, шпіонства, на широко раскинувшуюся дѣятельность полити-

ческаго интригана, въ которой ему можно пріискать одно лишь извиненіе, чувство самосохраненія.

Наконецъ, невольно приходится жалѣть, что великій умъ Θеофана не былъ озаренъ тѣмъ пламенемъ вѣры, которое бы освѣтило въ его глазахъ иначе многія изъ явленій въ церковной жизни того времени, и сроднило бы его съ тѣмъ русскимъ народомъ, духу котораго такъ чуждъ Θеофанъ-европеецъ.

ГЛАВА V.

Опальные архіереи.

Какъ характеристика эпохи, очень интересна судьба архіереевъ, вовлеченныхъ въ потокъ тогдашнихъ политическихъ интригъ, и дорогою цѣною расплачивавшихся за то. Мы остановимся на судьбѣ двухъ такихъ опальныхъ архіереевъ, Ѳеодосія Яновскаго и Георгія Данкова, тѣмъ болѣе занимательной, что они оба раньше пользовались большимъ фаворомъ,—настолько большимъ, что тягались съ Ѳеофаномъ. И паденіемъ своимъ обязаны тому же Ѳеофану.

Ѳеодосій Яновскій, родомъ былъ изъ малороссійской шляхты. Что-то темное тяготѣетъ подъ первыми годами его монашества. Онъ оклеветалъ предъ патріархомъ Симоновскаго архимандрита, его постригавшаго, и былъ въ цѣпяхъ отправленъ подъ началъ въ Троицкій монастырь, гдѣ настоятельствовалъ тогда извѣстный Іовъ, впослѣдствіи архіепископъ Новгородскій. Іовъ не только принялъ въ немъ участіе, освободилъ его изъ оковъ, но, назначенный въ Новгородъ, взялъ его съ собой и опредѣлилъ архимандритомъ знаменитаго Варлаамо-Хутынскаго монастыря. При проѣздѣ чрезъ Новгородъ Петра Великаго Ѳеодосію удалось обратить на себя его вниманіе. На это вниманіе Государя надломило его мало какъ видно, благородную душу, и гордость его выразилась въ томъ, что онъ сталъ презрительно обращаться съ Іовомъ, своимъ архипастыремъ и благодѣтелемъ.

Онъ даже сталъ подавать доносы Государю на такого просвѣщеннаго и добраго іерарха, какимъ былъ Іовъ. Чтобъ исправить возникшія вслѣдствіе такого поведенія Ѳеодосія натянутыя между ними отношенія, Іовъ рѣшился сдѣлать ему пастырское вразумленіе.

Для Государя Ѳеодосій казался настолько подходящимъ человѣкомъ, что въ 1707 году Государь отличилъ его—послалъ осмотрѣть церкви и духовенство вновь завоеванныхъ городовъ: Ямбурга, Нарвы, Копорья и Шлиссельбурга. Онъ стоялъ уже тогда такъ высоко, что первенствовалъ въ нѣкоторыхъ важныхъ духовныхъ церемоніяхъ въ Петербургѣ; такъ, онъ вѣнчалъ великую княжну Анну Іоанновну (впослѣдствіи Императрицу) съ герцогомъ Курляндскимъ.

Перенося церковное управленіе въ Петербургъ, Петръ нуждался въ человѣкѣ, который бы дѣйствовалъ въ его видахъ. Стефанъ Яворскій расходился съ нимъ во взглядахъ; Іовъ былъ старъ и хилъ, и Ѳеодосій назначенъ былъ „администраторомъ дѣлъ духовныхъ“ — то было временное управленіе церковное, въ ожиданіи Синода. Тутъ, постоянно находясь въ сношеніяхъ съ Государемъ (Государь и Императрица брали его даже съ собой въ путешествіе заграничное 1716—1718 гг.), понялъ всѣ его взгляды, и сталъ весьма вліятельнымъ лицомъ.

Русская партія, неодобрявшая взглядовъ Ѳеодосія, неуважавшая его нетвердую жизнь, была недовольна возвышеніемъ Ѳеодосія. Царевичъ Алексѣй Петровичъ выражался: „Развѣ-де за то его батюшка любитъ, что онъ вноситъ въ народъ лютерскіе обычаи и *разрѣшаетъ на вся*“. Вотъ, этотъ именно легкій взглядъ Ѳеодосія на религіозныя обязанности, кажется, и былъ, къ сожалѣнію, удобенъ для Петра. Единомышленники Алексѣя Петровича пѣвали въ лицо Ѳеодосію стихъ, начинающійся словами: „Врагъ Креста Христова“ и говорили, что, когда будутъ его ставить въ архіереи, то пригоже будетъ эти слова пѣть при облаченіи. Учитель царе-

вича, Вяземскій, написалъ даже ноты къ этому стиху и отзывался, что съ радостью бы далъ пѣвчимъ, чтобъ они пропѣли этотъ стихъ, пять рублей, „для того, что Ѳеодосій иконъ не почитаетъ“.

Между тѣмъ Ѳеодосій вошелъ въ такой фаворъ, что значеніе его стало выше всѣхъ архіереевъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ не забывалъ нисколько себя, и умѣлъ выпрашивать у Петра матеріальныя блага не только себѣ, но и своимъ роднымъ.

По характеру, какъ мы видѣли изъ первыхъ его жизненныхъ шаговъ, кляузникъ, заносчивый, неуживчивый, онъ путался въ чужія дѣла, со всѣми перессорился, возбуждалъ противъ себя и свѣтскихъ лицъ, и іерархію, знать и простолюдиновъ, бѣлое духовенство и монашествующее.

Какъ бы предчувствуя, что такое всеобщее отношеніе къ нему до добра его не доведетъ, онъ подалъ Государю прошеніе объ увольненіи его „на безмолвіе“— т. е. на покой по той причинѣ, что, какъ словами псалма писалъ онъ, „умножишася паче власъ главы моея ненавидящіи мя туне“, причемъ пространно излагалъ и причины ненависти къ себѣ, вызванныя будто бы принятыми имъ по духовному вѣдомству мѣрами. Свое прошеніе онъ заключалъ словами: „Того ради, припадая къ милосердію Вашего Величества, прилежно молю, — да будетъ повелѣно прочее время мизернаго моего живота скончать мнѣ въ чернеческомъ безмолвіи, да не горше что безвинно постражду“.

Но Петръ приказалъ поставить его архіепископомъ новгородскимъ, а, когда основанъ былъ Св. Синодъ, сдѣлалъ его первымъ его вице-президентомъ.

И въ этомъ званіи онъ не сумѣлъ измѣнить вызваннаго имъ къ себѣ раньше недружелюбнаго отношенія. На всѣхъ смотрѣлъ онъ свысока. „Только себя любилъ, пишетъ о немъ одинъ архіерей,—а братію весьма ненавидѣлъ. Еще же по острожелчію своему денно-нощно

вымышлялъ, какъ-бы брату своему пакость сотворить, а иногда искій, кого-бы и поглотить". Ходили слухи, что онъ съ архимандритовъ и архіереевъ беретъ взятки, предоставляя имъ за то видныя мѣста. Народъ же былъ раздраженъ его пышною жизнью, его прихотями, неприличными для архіерея и монаха.

Уже послѣ паденія Ѳеодосія, казанскій митрополитъ Сильвестръ Холмскій подалъ въ Св. Синодъ въ высшей степени интересное „объявленіе" о винахъ Ѳеодосія, драгоцѣнное въ бытовомъ отношеніи.

Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ этого объявленія, ярко рисующія самовластіе, корыстолюбіе и неприличіе поведенія Ѳеодосія.

Онъ, будучи въ Москвѣ, оставя церковныя службы, и монашеское преданное правило, установилъ у себя ассамблеи съ музыкою, и тѣшился въ карты, шахматы, и въ томъ ненасытно забавлялся, якобы вмѣсто всенощнаго пѣнія себѣ вмѣнялъ, и другихъ къ тому понуждалъ. И бывшимъ въ Москвѣ архіереямъ, также въ московскихъ монастыряхъ архимандритамъ и послѣднимъ маломощнымъ игуменамъ, сочиня вседневную роспись, велѣлъ ассамблеямъ быть съ различными потѣхами: и то-де міру не будетъ въ тягость.

Да онъ же въ московскомъ подворьи велѣлъ послушнику своему Тарасу съ колокольни старинные колокола продать, чтобъ не мѣшали ему во всю почь въ шахматы играть, потомъ довольно спать. Онъ же въ палатахъ особливую себѣ нѣмецкую баню сдѣлалъ новымъ проводомъ, чтобъ ни у кого такой не было, все потаенно.

Онъ же собою, безъ указу благочестивыя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества, въ Дмитровѣ городѣ старинный Борисоглѣбскій монастырь приписалъ къ себѣ вовсе съ вотчинами и съ крестьяны, и со всѣми угодьи, а старцевъ того монастыря велѣлъ выбить вонъ безвременно, а оный монастырь разорилъ, безстрашникъ, занапрасно.

Да онъ же, яко сущій бѣсноватый, будучи въ Москвѣ, на память великаго святителя Алексѣя митрополита, въ Чудовѣ монастырѣ во время литургіи въ алтарѣ кричалъ бѣшенымъ своимъ голосомъ: „Ризничій чудовскій, принеси ко мнѣ Алексѣя чудотворца образъ, который носятъ въ крестномъ хожденіи“. И паки онъ же кричалъ нелѣпымъ гласомъ: „ризничій, подай ножъ“. И, взявъ ножъ, святителя помянутый образъ положа на лавку, съ гнѣвомъ говорилъ хульныя слова: „Нѣкоторый-де безумный золотой сей окладъ приложилъ“ и рѣзалъ проволоку. Едва смогъ. Однако, развращенный онъ желаемое получилъ, золотую цату оторвалъ чеканной работы и положилъ себѣ въ карманъ нагло при всѣхъ. И о томъ дерзновеніи съ плачемъ всѣ зрящіе удивлялись его похабству.

Онъ же, какъ получилъ милость въ Синодѣ засѣдать судіею и, вымысля наглостію своею, распечатавъ патріаршу ризницу, разобравъ всякую святѣйшихъ патріарховъ рухлядь, похитилъ себѣ лучшія портищи, рясы теплыя, мѣхи старинные, соболіи подъ бархатомъ и подъ атласомъ, и старинныя объяри, луданы большой руки, мѣхи старинныхъ черно-бурыхъ лисицъ, часы золотыя и иныя портищи (предметы), дарилъ своихъ совѣтниковъ и прочихъ нескудно.

Ему же, гордому фараону, многіе архіереи и архимандриты присылали въ даръ лучшіе и не малые гостинцы повсягодно: кіевскій, сибирскій, нижегородскій и греческій дарили, чтобы всегда въ милости его быти.

И какъ я прибылъ въ С.-Петербургъ, и онъ ко мнѣ, лукавецъ, на квартиру пріѣзжалъ, и я отъ келейныхъ своихъ вещей дарилъ его различными вещами. Еще въ Невскомъ монастырѣ, въ его же кельѣ, взялъ онъ, архимандритъ, у меня пятьдесятъ червонныхъ келейныхъ монетъ, и обѣщалъ меня впредь миловать и охранять. И вмѣсто охраненія возсталъ на мя свирѣпо и мстилъ мнѣ жестоко; а за что — не знаю. И пакости

несносныя чинилъ, и такъ озлился, якоже левъ рыкая, и искалъ меня поглотити и другихъ возмутилъ на мя пакости чинить.

Конечно, здѣсь слышенъ раздраженный тонъ человѣка, который, между прочимъ, жалуется даже на то, что данная имъ Ѳеодосію взятка не принесла жалобщику пользы. Но, если въ жалобѣ и есть, быть-можетъ, преувеличенія: все же поведеніе Ѳеодосія вполнѣ странно.

Петръ могъ знать, могъ и не знать о порокахъ Ѳеодосія; главнѣе, Ѳедосій нуженъ былъ ему какъ дѣлецъ-практикъ съ покладистою совѣстью, проводящій новыя понятія въ церковномъ управленіи. Петру нравилось въ Ѳеодосіи то, что онъ былъ яркою противоположностью надоѣвшихъ ему типовъ святошъ, изъ которыхъ не всѣ были искренни, а нѣкоторые прикрывались лишь личиною благочестія.

Уже въ послѣдніе годы жизни Петра, Ѳеодосій зазнался и держалъ себя иной разъ заносчиво даже предъ государемъ и императрицею. Но пока это сходило ему съ рукъ. Между прочимъ, ему была пожалована осыпанная брилліантами панагія, съ изображеніями на одной сторонѣ распятія, а на другой—портретъ Петра. Ѳеодосій носилъ ее на голубой лентѣ.

При Екатеринѣ I Ѳеодосій сталъ еще заносчивѣе.

Какъ-то Ѳеодосій пріѣхалъ къ дворцовому мосту. Стоявшій на часахъ гвардеецъ не пустилъ его. Преосвященный выйдя изъ кареты, сталъ махать тростью съ угрозою. Потомъ, войдя въ дворцовую переднюю, гнѣвно спросилъ у гвардейскаго офицера: „Для чего они его не пускаютъ? Мнѣ-де бывалъ при Его Величествѣ вездѣ свободный входъ. Вы-де боитеся только палки, которая васъ бьетъ, а наши-де палки больше тѣхъ. Шелудивыя-де овцы не знаютъ, кого не пускаютъ“.

Другой случай вышелъ еще рѣзче.

Въ Синодѣ придворный уставщикъ передалъ Ѳеодосію приказаніе государыни, служить на слѣдующій день

панихиду по государѣ. Онъ обидѣлся и сказалъ: „На это есть чередные?“ (Удивительно, что онъ отлынивалъ отъ богослуженія по томъ человѣкѣ, которому былъ всѣмъ обязанъ). Уставщикъ отвѣчалъ, что государыня велѣла быть „всѣмъ синодальнымъ, потому сороковой день“.

По выходѣ уставщика Ѳеодосій разразился предъ членами Синода гнѣвными рѣчами: „Боже милостивый, какое тиранство! Мірская власть повелѣваетъ духовной молиться. Покажите мнѣ, отцы святые, гдѣ это написано“. На это ему отвѣтили его сослуживцы, что найти бы можно, да къ чему: мы по своемъ государѣ всегда должны молиться. Въ концѣ-концовъ Ѳеодосій сказалъ: „Пойду и я, и буду служить, потому что боюсь, чтобъ не послали въ ссылку. Только услышитъ-ли Богъ такую молитву“?

Послѣ панихиды Ѳеодосій получилъ приглашеніе къ царскому столу, но сказалъ, что онъ обезчещенъ, и не пошелъ.

На слѣдующій день Ѳеофанъ явился къ императрицѣ и сдѣлалъ доносъ на Ѳеодосія.

Минута для Ѳеофана была критическая. Ѳеодосій, ненавидѣвшій его, подкапывался подъ него. По его наущенію на Ѳеофана было донесено, по его приказанію, что имъ споротъ былъ жемчугъ съ облаченій псковской каѳедры, который Ѳеофанъ присвоилъ себѣ. Дѣло принимало плохой для Ѳеофана оборотъ. Лучшимъ средствомъ спасенія онъ выбралъ погибель своего главнаго врага, Ѳеодосія.

Ѳеофанъ обвинялъ Ѳеодосія въ разныхъ непристойныхъ рѣчахъ противъ покойнаго государя и современныхъ порядковъ: что за недоброжелательство къ духовенству найдетъ на Россію Божій гнѣвъ, что Петръ тиранилъ церковь, что смертельная болѣзнь произошла у Петра „отъ безмѣрнаго женонеистовства и отъ Божія отомщенія за его посяжку на духовный и монашескій

чинъ, который хотѣлъ истребить. Излишняя его охота къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ, показуетъ мучительное его сердце, жаждущее крови человѣческія". Вообще онъ рѣзко отзывался о современныхъ церковныхъ порядкахъ.

Ѳеодосія осудили. Указъ о немъ былъ составленъ Ѳеофаномъ съ преувеличеніемъ и искаженіемъ многихъ сторонъ дѣла. Онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Козельскій, у устьевъ Двины, монастырь, гдѣ его должны были содержать подъ карауломъ.

Его заточили въ одной изъ келій, подъ церковью. Онъ просилъ къ себѣ духовника, со слезами исповѣдовался и пріобщился въ церкви, въ епитрахили съ поручами, объясняя: „Чинъ архіерейскій съ меня не снятъ. Я только отрѣшенъ отъ епископіи". Но тайная канцелярія лишила несчастнаго узника и этого утѣшенія, было приказано пріобщать его однажды въ годъ, великимъ постомъ, и не въ церкви, а въ его заточеніи.

Впослѣдствіи, по новому доносу на Ѳеодосія, или, какъ его тогда называли оффиціально „Ѳедоса" участь его еще ухудшилась. Оказалось, что онъ со всѣхъ своихъ подчиненныхъ бралъ присягу на вѣрность себѣ „по обычаю царской присяги". За это его приговорили къ лишенію архіерейскаго и іерейскаго сана, и предписали посадить его въ тюрьму или въ каменную келью на подобіе тюрьмы — притомъ, чтобы близко отъ кельи не было людей, а давать ему только хлѣбъ и воду. Для исполненія этого распоряженія былъ посланъ въ Корельскій монастырь, гвардейскій офицеръ графъ Мусинъ-Пушкинъ, сынъ Мусина-Пушкина, вѣдавшаго монастырскимъ приказомъ. Когда онъ пріѣхалъ въ монастырь, Ѳеодосій былъ у обѣдни. Пока шла обѣдня, Пушкинъ приказалъ закласть кирпичами окно кельи Ѳеодосія, такъ что осталось оконце менѣе, чѣмъ въ четверть аршина въ ту и другую сторону. Послѣ обѣдни съ него сняли санъ и заключили. Грустно читать, какъ архангельскій губернаторъ Измайловъ, посѣтивъ Корель-

скій монастырь, доноситъ, что „онъ, Ѳедосъ, еще живъ“. Но не долго промучился онъ. Когда была приготовлена для него новая тюрьма, онъ не имѣлъ силы ходить, и былъ перенесенъ въ нее на рукахъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ не сталъ отвѣчать на стукъ къ нему и не брать пищи. Снесшись съ губернаторомъ, дверь распечатали и раскрыли. Ѳеодосій былъ мертвъ. Возникъ вопросъ о мѣстѣ его погребенія. Сначала Тайная Канцелярія распорядилась, набальзамировавъ его тѣло, отправить только подъ видомъ клади, въ засмоленномъ гробѣ, въ Петербургъ. При этомъ канцелярія допытывалась, не произносилъ ли Ѳедосъ предъ смертью, какихъ „противныхъ словъ“. Но потомъ предписано везти въ Кириловскій Бѣлоозерскій монастырь, гдѣ онъ и погребенъ.

Ѳеофанъ, конечно, радовался уничтоженію противника. Но теперь, въ отдаленіи времени, судьба его вызываетъ состраданіе. Какъ ни была недостойна вся его жизнь, онъ носилъ священный санъ; и враги его, измышлявшіе для него такое великое уничиженіе, не хотѣли понять, что его столь ужасною карою они унижаютъ и себя, и даютъ печальный примѣръ, которымъ захочетъ воспользоваться послѣдующее поколѣніе, что мы и видимъ въ судьбѣ Арсенія Мацѣевича.

Тяжела участь и другого интригана, Георгія Дашкова. Родомъ изъ извѣстной дворянской семьи Дашковыхъ, Георгій, въ званіи „соборнаго старца Троицкаго монастыря“, оказалъ боярину Шереметеву помощь въ усмиреніи въ 1706 году бунта астраханскихъ стрѣльцовъ. „Сколько въ тотъ бунтъ народу укротилъ—писалъ о немъ царю Шереметевъ, дивлюсь, откуда такое ево мудрое происхожденіе явилось. И еслибъ не ево въ томъ было радѣтельное происхожденіе, конечно (т. е. совершенно) бы Астрахань разорилась. Петръ за это „радѣтельное происхожденіе“ рѣшилъ взыскать Дашкова своею милостью, и опредѣлилъ его келарямъ въ Троицкій монастырь.

Здѣсь Дашковъ вполнѣ насладился всѣмъ, что могло доставить ему богатство этой знаменитой обители. Въ братскую трапезу, какъ-то дѣлали его предшественники и какъ слѣдовало дѣлать, онъ никогда не ходилъ, завелъ свой столъ. Прислуги у него было лично для него до 20 человѣкъ. Вкладовъ, которые приносили въ монастырь усердствующіе золотомъ и серебромъ, Дашковъ въ казенный приказъ не отдавалъ, а покупалъ на эти деньги экипажи, сбруи, лошадей. Онъ былъ великій охотникъ до конной части, строилъ конюшенные дворы, держалъ до 150 конюховъ. Нужныхъ ему людей онъ дарилъ деньгами и лошадьми. Снабжалъ всѣмъ возможнымъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, выдалъ замужъ племянницъ за „монастырскихъ дворянъ“ и назначалъ ихъ управителями въ лучшія изъ громадныхъ и многочисленныхъ тогда вотчинъ Троицкаго монастыря.

Его поѣздки къ братьямъ, алексинскимъ помѣщикамъ, совершались съ баснословною роскошью. Забравъ въ путь и въ подарки множество припасовъ, онъ ѣхалъ громаднымъ поѣздомъ въ 200 лошадей, въ 150 слугъ. Для ночлега разбивались палатки, около которыхъ становились на часахъ отставные гвардейцы. Его зятья и братья гостили въ монастырѣ недѣлями, ни отказывая себѣ ни въ какой прихоти. Все это сходило Георгію съ рукъ, и въ 1718 году онъ былъ поставленъ епископомъ на важную каѳедру Ростовскую.

Человѣкъ старыхъ убѣжденій, онъ былъ недоволенъ учрежденіемъ св. Синода и подалъ въ 1721 г. въ Синодъ доношеніе „весьма противное и дерзностное“, за которое ему объявленъ выговоръ съ предостереженіемъ, что, если не попроситъ у св. Синода прощенія, то „безъ должнаго наказанія не останется“.

Въ царствованіе Екатерины I и Петра II Георгій былъ въ силѣ. Самъ человѣкъ безъ образованія, лишь съ лоскомъ людей извѣстнаго круга, онъ не любилъ уче-

ныхъ, которые тогда олицетворялись въ высшей іерархіи малороссіянами, не сочувственно именуемыми отъ приверженцевъ старины „поляками“. Въ русскомъ обществѣ царило убѣжденіе, что эти „поляки“ клонятъ русскую Церковь кто къ лютеранству, кто къ католичеству, что добра отъ нихъ не будетъ. А личнымъ поведеніемъ своимъ многіе изъ пособниковъ Петра въ его церковныхъ реформахъ оттолкнули отъ себя даже и тѣхъ незнатныхъ, новыхъ людей, какіе бы могли имъ сочувствовать. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Петровскихъ реформъ Ѳеодосій паденіемъ своимъ не возбудилъ жалости, и тотчасъ начались отмѣны разныхъ петровскихъ постановленій, несогласныхъ съ преданіями старины.

Въ такую-то эпоху и сталъ на виду Дашковъ, съ его природнымъ умомъ, волею и настойчивостью.

По поводу отобранія монастырскихъ имуществъ и назначеніе ихъ даже въ аренду служилымъ людямъ, онъ подалъ государынѣ сильный протестъ, который, изложивъ свое мнѣніе, заключаетъ словами: „А мы о такихъ непорядкахъ по нашей вѣрности, Вашему Величеству не донести не смѣемъ. И умолчать, какъ отъ Бога, такъ и отъ Вашего Величества опасны, да не явимся безотвѣтни въ день праведнаго суда Божія и да не пріимемъ лѣниваго раба воздаянія“.

Честолюбивому Дашкову хотѣлось быть первымъ въ церковномъ управленіи, и онъ, понятно, не могъ ужиться съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который занималъ первое мѣсто и былъ столь противоположенъ ему по взглядамъ.

Онъ собралъ себѣ партію и выжидалъ удобнаго случая дѣйствовать. Какъ человѣкъ непослѣдней фамиліи, онъ былъ свой въ высшемъ кругу, хорошъ съ Долгорукимъ и другими вліятельными людьми, и чрезъ нихъ старался упрочить свое положеніе.

При Петрѣ II, когда началась реакція въ пользу старины, во многихъ приверженцахъ прежняго церков-

наго строя возникли самыя смѣлыя предположенія: мечтали ни болѣе, ни менѣе, какъ о возстановленіи патріаршества.

Дашковъ, мечтая о патріаршемъ санѣ, видѣлъ въ немъ достиженіе завѣтной мечты: стать выше всѣхъ. И Дашковъ дѣйствовалъ происками, матеріальными средствами, задаривалъ сильныхъ вельможъ, чтобъ они склоняли юнаго царя къ возстановленію патріаршества и къ избранію въ патріархи, его, Дашкова.

Смерть государя не дала осуществиться этимъ планамъ. Но Ѳеофанъ припомнилъ и недоброжелательство къ себѣ Дашкова и желаніе Дашкова подняться выше его.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, время особенно благопріятное для разнаго рода интригъ и доносовъ, Ѳеофанъ рѣшился погубить своего врага. Прежде врего онъ поселилъ въ императрицѣ личное неудовольствіе противъ Дашкова, и убѣдилъ ее въ его нерасположеніи ко всему потомству ея отца, царя Іоанна Алексѣевича. Затѣмъ онъ сталъ утверждать, что, сыпля подарками и производя непомѣрные расходы для достиженія патріаршества, Георгій Дашковъ разорилъ свою Ростовскую епархію. Императрица, по внушенію Ѳеофана, приказала Синоду вести это дѣло судебнымъ порядкомъ.

Вотъ этотъ любопытный указъ: „Понеже извѣстно ея императорскому величеству учинилось, что Ростовскій архіерей Георгій, въ Ростовской епархіи чинилъ тамошнимъ обывателямъ и монастырямъ разореніе, чего ради именнымъ своего императорскаго величества указомъ повелѣла: изъ св. Синода въ Ростовскую епархію послать указъ, дабы той епархіи духовнаго и мірского всякаго званія люди объявляли безъ утайки, кому какія разоренія тотъ Ростовскій архіерей Георгій учинилъ—безъ всякаго опасенія и страха“.

Тогда всплыли всѣ безчисленныя исторіи поборовъ Георгія съ монастырей и духовныхъ лицъ, буйства и

грабежей слугъ архіерейскихъ, заключенія безъ вины подчиненныхъ въ оковы, пока не откупятся, и т. д.

Интересно, что и на Ростовской каѳедрѣ Георгій хранилъ свою страсть къ лошадямъ и монастыри особенно жалуются, что у нихъ забраны Георгіемъ лошади и не возвращены.

Георгія лишили сана и сослали „подъ крѣпкое смотрѣніе“ въ Спасо-Каменный монастырь (на Кубенскомъ озерѣ) Вологодской епархіи.

Впослѣдствіи обнаружили, что Георгію родные его шлютъ въ заточеніи письма и помощь, что монастырское начальство обходится съ нимъ почтительно, и бѣдный кандидатъ на патріаршій престолъ былъ подвергнутъ строгому режиму.

Совершенно иное отношеніе къ себѣ, а именно глубокое, умиленное уваженіе и вѣчно-благодарную память вызываетъ личность свѣтлаго борца за православіе, Ѳеофилакта Лопатинскаго. Онъ тоже погибъ, погибъ не безъ участія Ѳеофана, но причиною его погибели были не собственныя его преступленія, а его истинно пастырская ревность, его борьба съ протестантизмомъ, имѣвшимъ тогда при Дворѣ мощнаго защитника въ лицѣ всесильнаго фаворита Бирона.

Имя Ѳеофилакта упомянуто было въ исторіи хиротоніи Ѳеофана: онъ съ другимъ ученымъ монахомъ, (Гедеонъ Вишневскій впослѣдствіи архіепископъ Смоленскій) подали протестъ чрезъ Стефана Яворскаго противъ хиротоніи Ѳеофана, упрекая его въ неправославіи и требуя, или чтобъ онъ торжественно предъ хиротоніею отрекся отъ тѣхъ взглядовъ, которые они приводили, или чтобъ его мнѣнія были внесены на разсмотрѣніе вселенскихъ патріарховъ. По желанію Петра дѣлу не было дано хода, но Ѳеофанъ, никому ничего не прощавшій, запомнилъ хорошо это происшествіе.

Императоръ Петръ былъ строгъ къ иностранцамъ, желавшихъ распространять свои ученія въ Россіи: за

совращеніе православныхъ въ иную вѣру была установлена смертная казнь. Не то стало при Биронѣ.

Архіепископъ тверской Ѳеофилактъ, знавшій почившаго Стефана Яворскаго, рѣшился издать въ свѣтъ сочиненіе, написанное Стефаномъ для предохраненія православныхъ отъ протестанской пропаганды, именно *Камень вѣры*. Насколько благовременно было появленіе въ печати этой знаменитой книги, какъ она жадно читалась, видно изъ того, что изданная въ первый разъ въ 1728 году, она уже въ слѣдующемъ, 1729 году появилась вторымъ изданіемъ, а въ 1730 г.—третьимъ. Достоинства ея доказываются тоже тою ненавистью, которою вызвала она (какъ нѣкогда ея авторъ) у протестантовъ. Въ Москвѣ отъ имени Буддея было написано „Посланіе противъ Стефана Яворскаго къ другу въ Москвѣ". Ѳеофилактъ написалъ „отвѣтъ на посланіе", защищая *Камень вѣры*.

Узнавъ, что Бирономъ и Ѳеофанъ (который ненавидѣлъ Стефана, такъ какъ чрезъ него поданъ былъ предъ его хиротоніей протестъ Ѳеофилакта и Гедеона) разгнѣваны на издателя *Камня вѣры*, Ѳеофилактъ просилъ разрѣшеніе поднести Императрицѣ свое возраженіе на книгу Буддея, и получилъ уже позволеніе, какъ вдругъ ему было объявлено, не только не издавать этого возраженія, но, подъ страхомъ смерти, и не говорить о немъ. Такимъ образомъ, защитникомъ православія Бирономъ попросту закрылъ ротъ, а нападки протестантовъ продолжались безпрепятственно. Такъ, появилась книга *Молотокъ* на Камень вѣры, не столько разбиравшая по существу сочиненіе Стефана, сколько глумившаяся надъ личностью незабвеннаго борца православія, Стефана.

Ужасно то, что изъ-за старыхъ личныхъ счетовъ Ѳеофанъ сталъ дѣйствовать съ сильными противъ слабаго одиноко боровшагося за истину, Ѳеофилакта. И по злосчастной привычкѣ своей Ѳеофанъ обратился къ

тайной канцеляріи, куда онъ подалъ *Камень вѣры* и защиту его Ѳеофилактомъ, называя оба сочиненія вредными для государства. И началась исповѣдническая страда Ѳеофилакта. Сперва его исключили изъ состава членовъ св. Синода, и онъ удалился въ Тверь. По требованіи Бирона, *Камень вѣры* былъ запрещенъ, и экземпляры его конфискованы. Кіевскаго митрополита Варлаама Вонатовича, сдѣлавшаго въ Кіевѣ великолѣпное изданіе *Камня вѣры*, вызвали въ Тайную Канцелярію, лишили сана и заточили въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Затѣмъ туда же вытребовали и Ѳеофилакта, три мѣсяца держали его тамъ, потомъ тайно отправили въ Тверь. Но погибель его была рѣшена. Были сысканы докащики, обвинявшіе его въ оскорбленіи величествъ, имъ же облагодѣтельствованные снова стали допрашивать Ѳеофилакта въ канцеляріи Бирона. Его отвѣтъ былъ, что онъ ничего противъ императрицы не замышлялъ и не дѣлалъ. Ему предложили присягнуть въ томъ. Онъ отвѣтилъ со слезами на глазахъ: „Совѣсть меня ни въ чемъ не зазираетъ. Я готовъ это исполнить"—и присягнулъ. Послѣ этого засѣданія у Бирона произошелъ случай, наводящій на невольныя размышленія. Одинъ изъ судей неправеднаго суда, архимандритъ Новоспасскій Иларіонъ, возвращаясь вечеромъ изъ засѣданія, былъ внезапно разбитъ параличемъ, мертвый вывалился изъ коляски, чего не замѣтили слуги, пока не пріѣхали домой, и тогда лишь увидали, что его нѣтъ, и вернулись искать его. Такъ караетъ Богъ одного изъ измѣнниковъ вѣры.

Канцелярія Бирона стала пытать Ѳеофилакта. Его три раза подымали на дыбы, били батогами. Три года содержали его, подъ тайнымъ карауломъ, на подворьѣ. Ѳеофанъ уже умеръ и давалъ на Божіемъ страшномъ и нелицепріятномъ судѣ отвѣтъ за всѣхъ, имъ погубленныхъ, а дѣло Ѳеофилакта еще длилось, какъ сводъ личныхъ счетовъ Бирона съ русскою вѣрою. Ѳеофилакта

расшибъ параличъ, и все же, по настоянію Бирона, его объявили лишеннымъ сана, монашества и заперли въ Петропавловскую крѣпость. Тутъ протомился онъ еще два года. По сверженіи Бирона правительница Анна подписала указъ „снова признавать Ѳеофилакта въ санѣ архіепископа". Петербургскій архіепископъ Амвросій перевелъ его въ свой домъ, и здѣсь вокругъ него, недвижимо распростертаго, собрались члены Синода и былъ объявленъ ему указъ, возстановляющій его въ прежнемъ достоинствѣ. Всѣ рыдали.

Здѣсь посѣтила его цесаревна Елисавета, и спросила его: „Знаете-ли вы меня?"

— Знаю, что ты искра великаго Петра,— отвѣчалъ онъ.

Цесаревна, отвернувшись, заплакала и дала 300 руб. на лѣченіе. Она уже царствовала, когда Ѳеофилактъ почилъ 6 мая 1741 года.

Да будетъ благословенно имя великаго исповѣдника!

ГЛАВА VI.

Отношеніе къ церкви императрицы Елисаветы Петровны.

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны, омраченное владычествомъ нѣмца Бирона, угнетавшаго все русское и развившаго до чрезвычайности дѣятельность Тайной Канцеляріи, представляетъ собою одну изъ самыхъ печальныхъ эпохъ въ исторіи Россіи.

Послѣ недолгаго промежутка отъ кончины Анны Іоанновны на русскій престолъ вступила Императрица Елисавета Петровна. Ея воцареніе было съ величайшею радостью привѣтствовано русскимъ обществомъ, возлагавшимъ большія надежды на эту „дщерь Петрову".

Дѣйствительно, царствованіе Елисаветы Петровны было истинно русское. Послѣ владычества нѣмцевъ, при дворѣ стали видны исключительно почти русскіе люди. За 20 лѣтъ правленія Елисаветы Россія отдохнула отъ всей пережитой ею тяготы. И русская церковь узнала спокойные дни, не смущаемые никакими инославными вліяніями и прогрессами, сводившими заживо въ каменные гроба русскихъ архіереевъ.

Нельзя опустить молчаніемъ черты набожности Елисаветы Петровны, объясняемыя во многомъ обстоятельствами ея молодости.

Ея положеніе при Аннѣ Іоанновнѣ было крайне щекотливо. Императрица, ревнивая къ своей власти и желавшая, послѣ себя оставить престолъ потомству сестры своей Екатерины Іоанновны Мекленбургской, не

могла сочувственно относиться къ своей двоюродной племянницѣ, полной жизни и обаянія, привлекательной, легко къ себѣ располагающей—наконецъ, дорогой всѣмъ русскимъ, какъ дочь Петра, вознесшаго Россію такъ высоко, что чувствовали даже и тѣ люди, которые осуждали Петра за нѣкоторыя стороны его реформы. Малѣйшая неосторожность—и Елисаветѣ Петровнѣ угрожало невольное постриженіе.

Вести себя политично и прикидываться преданной Аннѣ Іоанновнѣ ей было тѣмъ тяжелѣе, что она была по природѣ живая, веселая, откровенная. Очень понятно, что отъ постояннаго страха за себя и въ сознаніи отвѣтственности, которой она подвергаетъ своихъ приближенныхъ, она нашла утѣшеніе въ чувствахъ религіозныхъ.

Несмотря на всю свою страсть къ увеселеніямъ, баламъ, спектаклямъ, нарядамъ: она въ душѣ была чисто русская дѣвушка и была предана церкви и всѣмъ ея обрядамъ, какъ любая боярышня московской Руси.

Она часто ѣзжала въ Александровскую слободу (гдѣ нѣкогда жилъ Грозный) и гдѣ иночествовала одна изъ ея тетокъ, такъ что жизнь иноческая была ей близко знакома.

Въ противоположность своему отцу она очень любила разныхъ „важныхъ людей“, и охотно заводила съ ними знакомство. Такъ, въ Москвѣ, въ одномъ старинномъ приходѣ „Николы Явленнаго“ на Арбатѣ положенъ въ самомъ храмѣ одинъ „Василій болящій“. Извѣстно, что у этого Василія болящаго была Елисавета Петровна.

Она интересовалась внутреннимъ бытомъ монастырей, вникала въ назначеніе настоятелей особенно для хорошо извѣстныхъ ей обителей, ходила на богомолье къ Троицѣ изъ Москвы пѣшкомъ.

Надо, къ сожалѣнію, сказать, что въ эту эпоху спокойной своей жизни высшее духовенство черезъ-чуръ предавалось роскоши и мало помышляло объ удрученіи плоти. Такъ, соборные старцы и настоятели мона-

стырей носили бархатныя и шелковыя рясы, исподнее платье съ пряжками серебряными и золотыми, обувались въ шелковые чулки. У архимандрита Гедеона Криновскаго, знаменитаго проповѣдника, который былъ одно время настоятелемъ Сергіевой лавры, помѣщика болѣе чѣмъ ста тысячъ душъ крестьянъ, были, какъ говоритъ преданіе, на башмакахъ брилліантовыя пряжки, цѣною въ 10.000 рублей.

Интересны слѣдующія черты изъ жизни лавры той эпохи, переданныя извѣстнымъ знатокомъ старины, Снегиревымъ *).

Въ одно время въ Лаврѣ была половина монашествующихъ великороссы, москали; другая — малороссіяне. Они образовали двѣ партіи несочувствовавшія другъ другу. Однажды монахъ-москаль говорилъ въ соборѣ поученіе, а гробовымъ, у раки преподобнаго, стоялъ малороссіянинъ. Проповѣдникъ, подражая голосу гробового, сталъ говорить о иныхъ людяхъ, которые „имуще образъ благочестія и силы его отвергшія, гробовымъ голосомъ повторяютъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, а подъ языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце ихъ полно злобы и лукавства, а карманы золота и серебра“. Гробовой, принялъ эти слова на свой счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь и пожаловался архимандриту, своему земляку. И архимандритъ поставилъ выразительнаго проповѣдника на поклоны во время трапезы.

Эта непріязнь двухъ народностей въ составѣ троицкой братіи обнаружилась слѣдующимъ образомъ предъ императрицей.

Архимандриту, который былъ малороссъ, дано знать, что императрица будетъ въ лаврѣ. Собравъ своихъ земляковъ, онъ сказалъ имъ: „Ея императорское величество изволитъ прибыть въ нашу лавру, а какъ ей извѣстно,

*) «Русскій Архивъ» 1866 г.

что молитвами преп. Сергія Господь взыскалъ лавру богатствомъ, и какъ она любитъ велелѣпіе, то постарайтесь явиться предъ лицомъ ея величества въ лучшихъ одеждахъ". А великороссамъ онъ присовѣтовалъ одѣться какъ можно хуже, чтобъ показать себя во всемъ монашескомъ смиреніи. И тѣ, и другіе исполнили распоряженіе архимандрита. Императрица замѣтила это рѣзкое различіе въ одѣяніи братіи, и спросила: „Лавра всѣмъ изобилуетъ. Отчего же одни одѣты хорошо, а другіе блѣдно и худо?" На это архимандритъ: „Потому, ваше величество, что братія изъ малороссовъ трезвы и благоприличны, а великороссы невоздержанны и нерадивы". Императрица бы и осталась при такомъ объясненіи, если бы случайно не узнала всю правду отъ своего любимаго истопника. Съ этимъ человѣкомъ императрица любила бесѣдовать въ свободные часы, а онъ, имѣя родного брата среди лаврскихъ монаховъ, открылъ ей всю продѣлку архимандрита.

Вообще Лавра пользовалась изобиліемъ во всемъ. Она славилась въ то время медами, пивами и квасами. Виноградныя вина выписывались бочками, рыбы своились отъ собственныхъ ея рыбныхъ ловлей. Предъ всенощной въ сѣверный и южный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для клиросныхъ, такъ что сложилась поговорка: „Правый клиросъ поетъ, а лѣвый въ алтарѣ пиво пьетъ". За всенощной въ алтарѣ, послѣ благословенія хлѣбовъ, служащимъ подавали красное вино въ чарахъ.

Каждому монаху ежедневно отпускались: бутылка хорошаго кагору, штофъ пѣннаго вина, по кунгану меда, пива и квасу.

Такое роскошество велось до назначенія архимадритомъ лавры знаменитаго Платона, впослѣдствіи митрополита московскаго.

Императрица благоволила къ духовенству еще и оттого, что самый близкій ей человѣкъ, графъ Алексѣй

Кирилловичъ Разумовскій, былъ возведенъ ею на вершину государственныхъ почестей изъ придворныхъ пѣвчихъ.

Человѣкъ характера простого, незаносчивый, не стыдившійся своего незнатнаго происхожденія изъ простыхъ казаковъ, Разумовскій въ своемъ новомъ величіи сохранялъ любовь къ прежнему своему занятію и привязанъ былъ къ богослуженію, къ благолѣпію храмовъ и къ духовенству.

Сердечная набожность императрицы особенно ярко доказывается ея отношеніемъ къ любимой иконѣ, Богоматери Знаменія, впослѣдствіи прозванной Царскоселъ ской.

Эта икона величественныхъ размѣровъ и весьма древняя, была домашнею иконою русскихъ царей, и привезена въ Россію при Романовыхъ,— какъ можно думать, патріархомъ Цареградскимъ Аѳанасіемъ, который на обратномъ пути въ Царьградъ почилъ въ г. Лубнахъ, гдѣ онъ почиваетъ нетлѣнно, въ сидячемъ положеніи, почему и называется въ просторѣчіи „Аѳанасій лубенскій сидячій“. Петръ Великій перевезъ икону эту въ Петербургъ, и она стала впослѣдствіи келейною иконою Цесаревны Елисаветы Петровны. Въ ту ночь, какъ былъ произведенъ дворцовый переворотъ, возведшій ее на престолъ, Елисавета Петровна молилась предъ этой иконой, и предъ нею дала обѣтъ, въ случаѣ, если достигнетъ престола, не казнить въ свое царствованіе ни одного человѣка.

Замѣчательно, что воцарившись, она не тотчасъ издала манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ, но прождала нѣсколько дней для того, чтобъ манифестъ вышелъ въ праздникъ Знаменія Богоматери 27 ноября.

Затѣмъ, въ благодарность Богоматери, помогшей Цесаревнѣ Елисаветѣ, Императрица Елисавета въ своемъ любимомъ мѣстопребываніи, Царскомъ Селѣ, воздвигла близъ дворца церковь и торжественно крестнымъ ходомъ перенесла въ эту церковь икону Знаменія. Въ этомъ крестномъ ходу участвовали члены Синода, всѣ санов-

ники и сама императрица, время отъ времени поддерживавшая икону.

При Елисаветѣ остававшіеся при Дворѣ протестанты не смѣли говорить противъ православія, тогда какъ въ царствованіе Анны Іоанновны его открыто гнали. Елисавета дала преимущества принимающимъ православіе: освобожденіе отъ суда и наказанія за неважныя преступленія, повышеніе въ чинахъ служащихъ. Она такъ всюду выставляла свое уваженіе къ вѣрѣ отцовъ, что при ней нѣкоторыя изъ остзейскихъ дворянскихъ фамилій приняли православіе.

Однимъ изъ людей, сіяніемъ своей чистой души освятившимъ эпоху Елисаветы и пользовавшимся личнымъ почитаніемъ императрицы, былъ епископъ Бѣлгородскій Іоасафъ.

Почитаніе святителя Іоасафа Бѣлгородскаго чрезвычайно распространено въ малороссійскихъ губерніяхъ.

Постоянно приходится встрѣчать тамъ иконописныя, и часто большого размѣра, изображенія святителя, висящія въ углу комнаты, какъ иконы, или въ божницахъ, вмѣстѣ съ другими образами. Въ Бѣлгородѣ „къ святителю Іоасафу ѣздятъ на богомолье“.

Несомнѣнно, краткая, но чрезвычайно богатая подвигами добра и христіанскою ревностью жизнь святителя произвела сильное впечатлѣніе на соплеменную ему Малороссію, а „жизнь святителя по смерти“—засвидѣтельствованные случаи подачи имъ чудесной помощи поддерживаютъ это впечатлѣніе.

Святитель Іоасафъ происходилъ изъ извѣстнаго малороссійскаго рода Горленко.

Его прадѣдъ, Лазарь Горленко былъ выходцемъ изъ Заднѣпровья. Онъ бѣжалъ отъ гнета польской уніи *) вмѣстѣ съ другими православными. Онъ славился своею воинскою удалью.

*) Унія—измышленная католиками, имѣла цѣлью подчинить православныхъ римскому папѣ. Она вводилась силою, и не желавшіе принять ее, подвергались страшнымъ гоненіямъ.

Въ началѣ XVII вѣка онъ основался въ городѣ Прилукахъ, гдѣ долгое время занималъ вліятельную должность полковника Прилукскаго казачьяго полка. Сынъ его Димитрій и внукъ Андрей наслѣдовали его званіе. Лазарь и Андрей получили отъ государей значительныя земли въ Черниговской области, наслѣдованныя Андреемъ.

Любовь къ бѣднымъ была отличительною чертою Андрея Горленки, наравнѣ съ благочестіемъ. Женатъ былъ Андрей на представительницѣ знаменитой малорусской фамиліи Апостолъ, Маріи Даниловнѣ. Ея отецъ былъ малороссійскимъ гетманомъ.

Доселѣ сохранились многія малороссійскія фамилія, считающія себя въ родствѣ со святителемъ Іоасафомъ.

Святитель Іоасафъ родился въ праздникъ Рождества Богородицы, во время литургіи—8 сентября 1705 г. По древнему обычаю давать новорожденному имя святого, память котораго празднуется вскорѣ за днемъ его рожденія — младенца назвали Іоакимомъ, въ честь отца Пресвятой Дѣвы.

О дѣтствѣ святителя Іоасафа почти никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Можно думать, что онъ былъ въ высшей степени серьезный, вдумчивый ребенокъ. Развитіе въ немъ религіозности съ первыхъ лѣтъ его жизни не подлежитъ сомнѣнію.

Родители предназначали его для мірской жизни, надѣялись видѣть въ немъ наслѣдника своего ебширнаго состоянія, своего званія и значенія. На восьмомъ году они отправили мальчика въ Кіевъ, куда богатое дворянство малороссійское посылало своихъ дѣтей, особенно по учрежденію тамъ знаменитымъ митрополитомъ Петромъ Могилою Кіево-Братской Могилянской академіи. Чрезъ эту академію прошло много представителей знатнѣйшихъ фамилій.

Разставшись съ сыномъ, родители сильно тосковали о немъ, и вотъ, его отцу было замѣчательное видѣніе,

которое приготовляло его къ мысли о томъ, что ему предстоитъ впослѣдствіи полная разлука съ сыномъ.

Однажды, задумавшись о сынѣ, Горленко сидѣлъ къ вечеру на крыльцѣ. Солнце уже заходило. Посмотрѣвъ на западъ, онъ увидѣлъ Богоматерь, стоявшую на воздухѣ, и сына своего Іоакима, въ молитвѣ припавшаго къ Ея ногамъ. Богоматерь сказала отроку: „Довлѣетъ ми молитва твоя“—и тогда слетѣлъ ангелъ и накинулъ на мальчика святительскую мантію... Понявъ въ ту минуту, что его сына ждетъ духовное поприще, огорченный отецъ воскликнулъ: „Намъ же родителямъ, Пречистая Богоматерь, что оставляеши?“ — Но отвѣта не было, и видѣніе кончилось. Въ одномъ тропарѣ, ходящемъ по рукамъ и написанномъ въ честь святителя Іоасафа это событіе вспоминается въ начальныхъ его словахъ: „Отъ младенчества Богомъ предъизбранный, въ отрочествѣ покровомъ Божіей Матери пріосѣненный, святителю отче Іоасафе... Довлѣна Богоматери молитва твоя“...

Едва кончилось видѣніе, Горленко пошелъ разсказать объ этомъ женѣ, но, не дойдя до нея, все забылъ, и съ совершенной ясностью вспомнилъ объ этомъ лишь чрезъ много лѣтъ по смерти сына.

Жизнь въ Кіевѣ, среди множества святынь и духовное получавшееся имъ образованіе укрѣпила въ молодомъ Горленкѣ религіозное настроеніе. Міръ не манилъ его. Его влекли къ себѣ уединеніе, подвиги, церковь, и въ немъ, уже на шестнадцатомъ году, созрѣла рѣшимость посвятить себя всего Богу. Но онъ провѣрялъ это рѣшеніе свое, таилъ его въ себѣ, и лишь на восемнадцатомъ году сказалъ родителямъ, что чувствуетъ призваніе къ монашеской жизни и просилъ благословить его на поступленіе въ монастырь.

Родители пришли въ ужасъ. Они настолько привыкли считать его главнымъ наслѣдникомъ по себѣ, такъ сильно надѣялись, что онъ будетъ жить близъ

нихъ, обзаведется семьей, что они и слышать не хотѣли о томъ, чтобы ему умереть для міра.

Тяжело было Іоасафу, но онъ вспомнилъ слова Спасителя: „Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“. Онъ вернулся въ Кіевъ подъ предлогомъ окончанія образованія и удалился въ Кіевскій Межигорскій монастырь, расположенный уединенно. Здѣсь онъ проходилъ цѣлый годъ искусъ, полагающійся предъ постриженіемъ. Это время прошло въ чрезвычайныхъ подвигахъ. Онъ ѣлъ одно сухое, отказавшись даже отъ вареваго. О томъ, какъ онъ жилъ въ это время, онъ кратко отозвался во время предсмертной болѣзни своей сестрѣ, госпожѣ Квиткѣ: „Сестрица, излишняя ревность въ началѣ не даетъ мнѣ нынѣ вѣку дожить“.

Чтобъ не тревожить до времени родителей, молодой подвижникъ оставилъ въ Кіевѣ преданнаго ему слугу, который пересылалъ ему письма родителей и отправлялъ имъ письма молодого своего господина.

На двадцатомъ году, въ пещерномъ храмѣ Межигорскаго монастыря Іоакимъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Иларіона. Тогда-то довѣренный слуга отправился въ Прилуки и объявилъ родителямъ, что сынъ ихъ, теперь инокъ Иларіонъ, проситъ ихъ благословенія и прощенія за ослушаніе.

Со слезами и великою грустью родители приняли эту вѣсть, но простили сына и послали ему благословенье.

Еще два года провелъ новоначальный инокъ въ Межигорской обители, а затѣмъ его вызвали въ Кіево-Братскій монастырь, при которомъ была академія, и тутъ, 21 ноября 1727 года, на праздникъ Введенія Пресвятыя Богородицы, онъ постриженъ былъ въ мантію съ именемъ Іоасафа.

Іоасафъ—это имя царевича Индійскаго, который позналъ свѣтъ Христовъ, оставилъ царство и провелъ жизнь въ великихъ подвигахъ пустынножительства, и имя молодого русскаго князя Заозерскаго, оставившаго

міръ и спасавшагося въ чрезвычайныхъ подвигахъ въ Вологодскихъ предѣлахъ, гдѣ онъ и кончилъ въ ранней молодости свою жизнь.

Затѣмъ Іоасафъ занималъ должности учителя при академіи, а въ 1737 г. назначенъ игуменомъ Лубенскаго монастыря, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи патріарха Аѳанасія.

Патріархъ Константинопольскій Аѳанасій Пателларій пріѣзжалъ въ Россію за сборомъ подаяній и привезъ нѣкоторыя цареградскія святыни (какъ полагаютъ, Царскосельскую чудотворную икону Знаменія Богоматери). Онъ скончался на обратномъ пути въ Лубенскомъ монастырѣ, гдѣ тѣло его при погребеніи не положили во гробъ, а, какъ то дѣлается въ Константинополѣ при погребеніи патріарховъ, посадили на каѳедрѣ. Нетлѣнныя мощи его прославлены чудесами. Въ простонародьѣ онъ называется (какъ уже сказано выше) „Аѳанасій сидячій".

Въ монастырѣ Іоасафъ нашелъ все въ безпорядкѣ. Въ соборѣ давно уже обвалился куполъ, въ предшествующій годъ пожаръ истребилъ деревянныя кельи. Въ средствахъ былъ недостатокъ. Требовалась усиленная дѣятельность, чтобъ привести все въ порядокъ.

Между тѣмъ Іоасафъ болѣлъ. Онъ самъ пишетъ, что „августа 16-го 1737 года заболѣлъ крѣпко, съ каковскою болѣзнію боролся до мѣсяца генваря 1738 года, и уже близъ исхода обрѣтался, но Божіею наказующею милостію пока здравіемъ помилованъ, однако не первымъ, и всегда въ слабости пребывалъ, и отъ тѣхъ временъ часъ отъ часу ко исхожденію шествую сію многопечальную житія моего стезю".

Тѣмъ не менѣе, онъ много работалъ и, наконецъ рѣшился предпринять поѣздку въ обѣ столицы, чтобъ собрать средства на исправленіе храма. Въ Петербургѣ ему удалось предоставить просительную книгу самой императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. При этомъ вышло такое интересное обстоятельство.

Передъ тѣмъ императрица пожертвовала тысячу рублей на Николаевскій монастырь и, при поднесеніи ей соборной книги Іоасафа, сказала, что она уже назначила тысячу рублей. Ей доложили, что то былъ Николаевскій монастырь, а это другой Спасопреображенскій. Императрица сказала: „Если Николаевскому выдано 1000 рублей, то Спасовой обители выдать 2000 рублей".

Вообще сборъ былъ очень удаченъ. Отчасти этому должно было способствовать родство о. Іоасафа съ лучшими малороссійскими фамиліями. А въ то время малороссы были сильны при Дворѣ и въ Петербургѣ чрезъ знаменитыхъ Разумовскихъ.

Съ тѣхъ поръ императрица Елисавета Петровна, отличавшаяся вообще глубокою набожностью и истинно русскимъ сердцемъ—всегда сочувственно относилась къ Іоасафу.

Вернувшись въ свой монастырь, о. Іоасафъ дѣятельно принялся за ремонтъ храма, какъ былъ назначенъ намѣстникомъ Троице-Сергіевской Лавры, съ оставленіемъ въ его завѣдываніи Лубенскаго монастыря.

Чрезъ три года умеръ митрополитъ Бѣлгородскій, и императрицѣ было представлено четыре кандидата на его каѳедру, изъ нихъ о. Іоасафъ четвертымъ. Императрица остановила свой выборъ на немъ.

Для хиротоніи онъ ѣздилъ въ Петербургъ, и былъ рукоположенъ въ присутствіи императрицы и царской семьи въ Петропавловскомъ соборѣ—2 іюня 1748 года, въ день Всѣхъ Святыхъ.

Древняя Бѣлгородская епархія была очень обширна. Въ ея составъ входили теперешнія епархіи: Курская, Харьковская, части Черниговской... Въ ней было 1060 церквей.

Несмотря на слабость силъ, въ управленіи епархіею епископъ Іоасафъ выказалъ чрезвычайную энергію и настойчивость.

Прежде всего онъ объѣздомъ епархіи знакомился съ нею. Этотъ объѣздъ показалъ ему большія неустройства.

Большая часть духовенства была невѣжественна. Бѣлгородская духовная семинарія и Харьковскій коллегіумъ не могли приготовить достаточное количество образованныхъ священниковъ: остальные обучались въ школахъ при соборныхъ церквахъ, гдѣ образованіе давалось первоначальное. Дѣло доходило до того, что многіе священники во время литургіи еле разбирали по складамъ служебники.

Епископъ немедленно выписалъ изъ Москвы книгу о церковныхъ таинствахъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ ее усвоили себѣ всѣ священники. Объѣзжая епархію, онъ экзаменовалъ священниковъ въ знаніи ея. Незнающихъ посылалъ доучивать ее въ Бѣлгородъ, а безнадежно-невѣжественныхъ отрѣшалъ отъ мѣста.

Онъ потребовалъ усиленія дѣятельности благочинныхъ въ наблюденіи за церковнымъ благочиніемъ и дѣятельностью священниковъ.

Какъ историческій документъ, въ высшей степени интересно наставленіе святителя отъ 1750 года, гдѣ онъ говоритъ о замѣченныхъ имъ неустройствахъ и указываетъ мѣры къ ихъ устраненію.

Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые священники хранятъ запасные Дары у себя въ домахъ, не имѣютъ ковчеговъ для перенесенія Ихъ больнымъ, и носятъ Ихъ къ умирающимъ въ бумажкахъ и кошелькахъ.

Объ этомъ передаютъ слѣдующій случай изъ его святительскаго опыта. Однажды во время обозрѣнія епархіи онъ остановился въ домѣ священника, который былъ въ отъѣздѣ. Отпустивъ на ночь келейниковъ, епископъ ощутилъ необычайный ужасъ, пронявшій все его существо. Онъ никакъ не могъ уснуть, и, разсматривая въ комнатѣ предметы, нашелъ на полкѣ, между домашнею посудой бумагу, въ которой лежали Святые Дары. Ихъ-то присутствіе и наводило непонятный для него раньше ужасъ на его чуткую для святыни душу. Бережно положивъ ихъ на столъ, онъ до самой утрени молился

передъ ними. Утромъ хозяинъ дома явился, и былъ отрѣшенъ отъ должности и лишенъ священническаго сана.

Было предписано священникамъ, подъ угрозой лишенія священства, хранить св. Дары на престолѣ, носить Ихъ къ больнымъ въ потирахъ, облачаясь въ ризы, въ предшествіи свѣчи и колокольчика. Затѣмъ ополчился епископъ противъ обычая, повидимому сильно привившагося въ его епархіи — во время служенія литургіи подносить св. Евангеліе (за малымъ входомъ), крестъ и антидоръ почетнымъ прихожанамъ. Вполнѣ основательно видя въ такихъ дѣйствіяхъ крайне неприличную для духовныхъ лицъ льстивость на почвѣ религіи, святитель писалъ: „Благоговѣйные должны со страхомъ и благоговѣніемъ приступати къ прикосновенію ихъ, а не прикасати гордящимся; невѣжи священницы воздадутъ отвѣтъ Богу въ день судный за столь человѣкоугодное свое служеніе, а Божія славы униженіе".

Это очень интересная черта въ дѣятельности святителя, показывающая, какъ высоко онъ держалъ знамя Церкви.

Характерно также указаніе епископа Іоасафа, что священники во время богослуженія позволяютъ себѣ странныя нововведенія, и онъ строго запретилъ эти „непотребные вымыслы: лишнія, гдѣ не надлежитъ, рукъ воздѣянія, кажденія, предъ великимъ выходомъ креста, цѣлованіе и прочія лишнія благочинія, что паче безчиніе есть, и внимающихъ не къ сокрушенію, а къ смѣху побуждаетъ".

Постоянно заботился онъ о томъ, чтобы иконы въ церквахъ были написаны правильно, потому что при состояніи тогдашней иконописи иконы могли иногда „внушать смѣхъ кощунный въ невѣждахъ".

Для храненія мура епископъ выписалъ для всѣхъ храмовъ 3,000 стеклянныхъ сосудовъ съ ящиками.

Нетрезвость духовенства было явленіе, съ которымъ епископъ боролся неутомимо. Разсказываютъ даже, что

однажды чудеснымъ образомъ, во время объѣзда епархіи, онъ получилъ извѣщеніе объ одномъ членѣ сельскаго причта, безнадежно пившемъ, и отрѣшилъ его немедля.

Ссоры и распри были тоже обычнымъ явленіемъ, и епископъ строго предписалъ, чтобы враждовавшіе раньше примиренія не осмѣливались служить литургію.

Кромѣ этой постоянной борьбы съ недостатками духовенства, много огорченій причиняло епископу поведеніе мірянъ.

Въ простомъ народѣ—самое грубое невѣжество, суевѣрія. Святитель писалъ, что въ городахъ и селахъ простой народъ, храня слѣды языческаго празднованія „въ недѣлю св. Пятидесятницы празднуетъ языческій праздникъ нѣкоей березы, а въ день рождества св. Іоанна Предтечи—Купала и вечерницы, съ пѣсни скверными и чрезъ огнь скакати“. Приказывая духовенству увѣщевать народъ прекратить эти празднованія, святитель сдѣлалъ очень хорошее распоряженіе, чтобы священники всякое воскресеніе въ концѣ обѣдни учили народъ правильно креститься и съ голосу обучали молитвамъ: Трисвятое, молитвѣ Господней, Богородице Дѣво, Покаянному псалму и Символу вѣры, „начиная отъ малыхъ младенцевъ до престарѣлыхъ людей наизусть имъ сказуя, да за священникомъ приговариваютъ, донележе въ память имъ углубится“.

Очень практическій способъ для обученія безграмотныхъ.

Заботы святителя о простомъ народѣ доходили до того, что онъ предписывалъ благочиннымъ смотрѣть — „исполняютъ ли шатающіеся цыганы христіанскій долгъ исповѣди и св. Причастія и крестятъ ли своихъ дѣтей“.

Требовательный къ духовенству, епископъ къ дѣйствительнымъ нуждамъ его относился съ чрезвычайною заботливостью и защищалъ его отъ произвола сильныхъ лицъ.

Управляющій имѣнія князя Юсупова самовольно выгналъ сельскаго причетника. Святитель приказалъ при-

четнику вернуться на мѣсто, и угрожалъ управленію имѣнія запечатать иначе церковь, а владѣльцу въ Петербургъ написалъ настоятельное требованіе о вознагражденіи обиженнаго.

Онъ вообще не смотрѣлъ на лица, когда шло дѣло о достоинствѣ Церкви. Постоянно обличая нехраненіе высшими классами постовъ, онъ видѣлъ въ неурожаяхъ, бывшихъ въ то время въ Бѣлгородской епархіи—наказаніе Божіе за эту измѣну церковнымъ уставамъ, а духовенству напоминалъ, что оно дастъ отвѣтъ Богу за это нерадѣніе своихъ духовныхъ дѣтей.

Командиръ Украинской дивизіи графъ П. С. Салтыковъ въ великій постъ имѣлъ у себя мясной столъ. — Увидавшись съ графомъ, епископъ настоятельно просилъ его прекратить этотъ соблазнъ. Графъ на это рѣзко отвѣчалъ, что, хотя и живя въ Бѣлгородской епархіи, онъ не причисляетъ себя къ паствѣ преосвященнаго Іоасафа и не считаетъ себя обязаннымъ ему послушаніемъ. Но святитель продолжалъ убѣждать его и достигъ того, что Салтыковъ со слезами раскаялся.

Эта ревностная дѣятельность и исканіе всюду славы Божіей доставило не мало огорченій святителю. Его осуждали, оскорбляли, дѣлали на него постоянные доносы.

Милосердіе было одною изъ наиболѣе развитыхъ въ епископѣ Іоасафѣ добродѣтелей.

Всѣ доходы богатой каѳедры онъ раздавалъ бѣднымъ, имѣвшимъ къ нему всегда свободный доступъ. Всякій страдавшій былъ ему близокъ и дорогъ, и, насколько не щадилъ онъ тутъ себя, видно изъ слѣдующаго.

Въ Бѣлгородѣ содержался подъ карауломъ важный политическій преступникъ. Святитель посылалъ ему ежедневно кушанье со своего стола.

Объ этомъ узналъ губернаторъ и замѣтилъ епископу, что напрасно онъ заботится о врагѣ государства. Въ тѣ времена, когда такъ легко было быть заподозрѣннымъ

въ политической неблагонадежности, святитель Іоасафъ не смутился предъ этими намеками и спокойно отвѣтилъ губернатору, что, если и онъ будетъ когда-нибудь заключенъ, и ему будетъ посылаться обѣдъ отъ архіерейскаго стола.

Раздраженный и смущенный губернаторъ попросилъ у него объясненія его словъ, и тогда святитель обличилъ его въ его многихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ, и увѣщевалъ его исправиться. Губернаторъ, можетъ быть, искренно, а, можетъ быть потому, что святитель угрожалъ ему довести до свѣдѣнія государыни о его злоупотребленіяхъ, а государыня, какъ губернаторъ зналъ, уважала святителя: можетъ, и изъ этихъ человѣческихъ разсчетовъ губернаторъ обѣщалъ загладить свои несправедливости.

Слѣдующій случай въ чрезвычайно отрадномъ свѣтѣ рисуетъ отношеніе епископа къ бѣднымъ.

Предъ великими праздниками онъ посылалъ съ довѣреннымъ келейникомъ милостыню къ бѣднымъ: деньги и платье. Келейникъ долженъ былъ, сложивъ все у окна или порога дома, стукнуть въ стѣну, чтобы обратить вниманіе хозяевъ, и поскорѣе отойти.

Иногда случалось, что келейникъ былъ боленъ, и тогда святитель самъ, улучивъ такую минуту, когда привратника не было у воротъ, прокрадывался въ одеждѣ простолюдина на улицу и ходилъ по городу съ тайною милостынею. Однажды предъ Рождествомъ, когда онъ переодѣтый уже возвращался домой, привратникъ окликнулъ его у воротъ. Не желая быть узнаннымъ, онъ постарался проскользнуть молча; тотъ схватилъ епископа, сталъ допрашивать его; подвижникъ пытался вырваться, и получилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ въ спину, такъ что еле-еле могъ доплестись до дома.

Объ этомъ всемъ узналъ лишь одинъ келейникъ его.

Вообще, точно предчувствуя, что вѣкъ его будетъ не дологъ онъ спѣшилъ дѣлать добро, спѣшилъ наполнить жизнь свою подвигами.

Онъ постоянно помнилъ неизбѣжный часъ смерти и со слезами готовился къ нему. Во время принесенія безкровной жертвы онъ обыкновенно заливался слезами.

Келейникъ, приходившій къ нему съ докладомъ объ утреннихъ и вечернихъ богослуженіяхъ, заставалъ его всегда молящимся. При всякомъ боѣ часовъ, отбивавшемъ умчавшійся въ вѣчность часъ: святитель произносилъ молитву, молиться которою совѣтовалъ и другимъ. Она и называется доселѣ ежечасной молитвой святителя Іоасафа Бѣлгородскаго, и многіе ее творятъ. Вотъ слова этой молитвы:

„Буди благословенъ день и часъ, въ оньже Господь мой Іисусъ Христосъ мене ради родися, распятіе претерпѣ и смертію пострада. О Господи Іисусе Христе Сыне Божій, въ часъ смерти моея пріими духъ раба Твоего въ странствіи суща, молитвами Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ святыхъ твоихъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь".

Можно думать, что епископъ заранѣе зналъ время своей кончины.

Въ послѣдній годъ жизни отъ отправился на родину и не разъ говорилъ, что ужъ не вернется въ Бѣлградъ. Онъ приказалъ устроить при Троицкомъ соборѣ каменный склепъ и назначилъ окончить его къ осени (онъ скончался въ началѣ зимы).

Въ маѣ онъ отслужилъ въ соборѣ послѣднюю литургію и простился съ паствой, прося у всѣхъ простить его за невольныя его прегрѣшенія и разрѣшивъ всѣхъ, кто его обидѣлъ. Выѣзжая изъ города, онъ еще разъ повторилъ, что его больше не увидитъ.

Граждане провожали его до той горы, у подошвы которой стоитъ городъ. Выйдя изъ экипажа, онъ обернулся лицомъ къ городу и благословилъ его. На этомъ самомъ мѣстѣ чрезъ полгода встрѣчали его гробъ.

Старый отецъ епископъ Іоасафа, Андрей Дмитріевичъ въ то время раздѣлилъ свое имущество между сыно-

вьями, и жилъ въ маленькой кельѣ, которую построилъ себѣ въ лѣсу, недалеко отъ Прилукъ. Къ семьѣ онъ пріѣзжалъ по большимъ праздникамъ, чтобъ вмѣстѣ съ нею бывать въ церкви. Ожидая сына, онъ тоже пріѣхалъ въ Прилуки.

Уважая санъ епископа, онъ хотѣлъ встрѣтить сына со знаками величайшаго уваженія, но не хотѣлъ унизить и отцовское свое достоинство. Когда подъѣхала карета, везшая Іоасафа, отецъ, подойдя къ ней какъ-бы нечаянно уронилъ свою трость на землю и, доставая ее, поклонился сыну въ ноги. Епископъ понялъ хитрость отца и, со слезами бросившись къ нему, самъ поднялъ трость.

Отецъ и сынъ долго говорили въ уединенной комнатѣ, гдѣ всегда останавливался отецъ, и не разъ Іоасафъ ходилъ въ его лѣсное уединеніе.

Въ это послѣднее свое свиданіе съ родными онъ еще разъ выказалъ свою безцѣнную ревность къ Церкви.

Въ одномъ изъ имѣній его родителей они устраивали домашнюю церковь, и придѣлъ этого храма, уже освященнаго, оставался недостроеннымъ и безъ крыши. Узнавъ объ этомъ, святитель строго замѣтилъ имъ, что они заботятся объ удобствахъ своего жилья, а о храмѣ не думаютъ, и вынудилъ у нихъ обѣщаніе поскорѣе достроить придѣлъ.

Въ другой разъ войдя во время проскомидіи въ храмъ, куда просфоры доставлялись изъ дома его родителей, онъ замѣтилъ, что онѣ испечены хотя и изъ пшеничной, но не бѣлой, какъ слѣдуетъ, а темной муки. Онъ запретилъ священнику продолжать литургію и, взявъ съ собой просфору, показалъ ее матери и женѣ брата, строго порицая такое нерадѣніе.

Возвращаясь домой, онъ побывалъ въ Лубенскомъ монастырѣ. Уже въ предѣлахъ своей епархіи, въ селѣ (теперь уѣздный городъ Курской губ.) Грайворонѣ, онъ сильно заболѣлъ предсмертной болѣзнію своею, продол-

жавшеюся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Кромѣ келейниковъ, за нимъ ходили братъ его, бригадиръ Андрей Горленко, и сестра, бывшая замужемъ за полковникомъ Квиткою. Сестрѣ своей святитель разсказалъ за это время кое-что изъ своей жизни.

Своимъ келейникамъ онъ предрекъ всѣ ожидающія ихъ главныя обстоятельства ихъ жизни.

Онъ почилъ 10 декабря 1754 года 49 лѣтъ отъ роду.

Въ часъ его смерти Исаія, игуменъ Хотмыжскаго монастыря, лежащаго недалеко отъ Грайворона, видѣлъ во снѣ, что онъ со святителемъ Іоасафомъ стоитъ въ Бѣлгородѣ у окна, и святитель, указывая ему на восходящее ярко сіяющее солнце, сказалъ: „Какъ солнце сіе ясно, такъ свѣтло предсталъ я въ часъ сей престолу Божію“.

Игуменъ, проснувшись замѣтилъ время своего сна и послалъ немедля въ Грайворонъ, узнать о его здоровьѣ. Посланный вернулся съ отвѣтомъ, что святитель скончался въ тотъ самый часъ, который замѣтилъ игуменъ.

Родные святителя были немедленно извѣщены объ его кончинѣ. Вся семья отправилась къ старику-отцу, чтобы приготовить его къ этой вѣсти.

Но Андрей Дмитріевичъ, прежде чѣмъ они заговорили, сказалъ имъ: „Зналъ, что вы пришли ко мнѣ съ извѣстіемъ о смерти сына моего Іоасафа. Но я это узналъ прежде васъ. 10 декабря вечеромъ мнѣ былъ голосъ: сынъ твой святитель скончался“.

Въ волненіи старикъ замолчалъ, потомъ промолвилъ:

— Умеръ онъ, умерла съ нимъ и молитва.

И здѣсь вдругъ припомнилъ онъ таинственное явленіе Богоматери: какъ въ небѣ видѣлъ онъ Ее и предъ Нею молящагося сына, котораго ангелъ накрывалъ святительскою мантіею. Онъ тогда же забылъ это видѣніе и, теперь, чрезъ сорокъ лѣтъ, съ чрезвычайною яркостью припомнилъ его и разсказалъ о немъ семьѣ.

Когда на той горѣ, съ которой въ августѣ Іоасафъ благословлялъ городъ—произошла встрѣча возвращавшагося къ нимъ во гробѣ епископа: вопли бѣдныхъ, которымъ онъ тайно помогалъ, заглушали церковное пѣніе.

Денегъ послѣ святителя осталось 70 или 80 копѣекъ мѣдью, и консисторія запрашивала Синодъ, на что хоронить его. Было предписано взять 300 рублей изъ запасныхъ суммъ архіерейскаго дома.

Тѣло святителя до половины февраля оставалось въ соборѣ открытымъ и непогребеннымъ въ ожиданіи архіерея для похоронъ.

Еще никто въ городѣ не зналъ, кто будетъ отпѣвать его, какъ святитель явился во снѣ тремъ лицамъ и сказалъ:

— Козловичъ очень медлитъ погребеніемъ.

Впослѣдствіи оказалось, что присланъ былъ переяславскій епископъ Іоаннъ Козловичъ, который былъ задержанъ разлитіемъ водъ.

Святитель погребенъ былъ въ устроенномъ по его волѣ склепѣ Троицкаго собора, теперь принадлежащаго Бѣлогородскому монастырю. По его завѣщанію, на средства его брата устроенъ былъ тамъ алтарь и служились заупокойныя по святителѣ обѣдни.

Прошло два года послѣ смерти его, и нѣсколько человѣкъ соборнаго причта, увѣренные въ праведности святителя потихоньку открыли его гробъ. Хотя въ воздухѣ склепа было сыро, тѣло святителя, лицо, одежда, гробъ—все найдено было совершенно цѣлымъ безъ малѣйшихъ признаковъ тлѣнія. Лицо было вполнѣ сходно съ его портретами.

Быстро распространился о томъ слухъ, къ могилѣ стали сбираться больные, и произошло много случаевъ исцѣленія.

Въ монастырѣ ведется запись продолжающихся и понынѣ знаменій его у нетлѣннаго тѣла святителя Іоа-

сафа Бѣлогородскаго, и время церковнаго прославленія его, быть можетъ, приближается.

Святитель Іоасафъ имѣлъ видъ постническій, немного суровый. У него были темносѣрые острые глаза, сѣдые волосы и еле замѣтная борода. Онъ изображается большею частью въ архіерейскомъ полномъ облаченіи, держащимъ въ одной рукѣ жезлъ. Другая рука благословляетъ или держитъ крестъ.

ГЛАВА VII.

Екатерина II. Архіереи великороссы. Отобраніе въ казну монастырскихъ имѣній. Монастырскіе штаты. Протесты.

Екатерина II, вступившая на престолъ послѣ кратковременнаго царствованія своего супруга, племянника и преемника императрицы Елисаветы Петровны, не отличалась особою набожностью. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ Вольтеромъ и другими модными руководителями тогдашней мысли, она признавала въ религіи, главнымъ образомъ, политическое значеніе—именно родъ узды для народа. Лишенная искренняго религіознаго чувства, она въ то же время исполняла всѣ требованія наружнаго благочестія. Она не позволяла въ своемъ присутствіи говорить противъ религіи, восхищалась проповѣдями Платона, цѣловала у духовенства руки, шла иногда въ крестныхъ ходахъ, бывала у Троицы, настаивала на томъ, чтобъ присутствовать при положеніи въ новую раку мощей св. Димитрія Ростовскаго.

При императрицѣ Екатеринѣ утвердилось возвышеніе на іерархическіе ступени лицъ изъ великорусскихъ монаховъ, начавшееся еще при императрицѣ Елисаветѣ, тогда какъ раньше архіереевъ назначали преимущественно изъ малороссовъ. Малороссы, воспитанные преимущественно на латинскихъ богословахъ, невольно перенимали у нихъ нѣкоторыя клерикальныя воззрѣнія по отношенію къ церкви и къ государству, и послѣ Ѳеофана Прокоповича не выставили ни одного пособника

мірской власти. Между тѣмъ, московская академія и епархіальныя великорусскія семинаріи стали быстро совершенствоваться и, раньше руководимыя кіевскими монахами, теперь имѣли собственныхъ руководителей изъ своихъ же выучениковъ, людей свѣжихъ, живыхъ, даровитыхъ. Образовалось сословіе великорусскихъ просвѣщенныхъ монаховъ, которое, въ противовѣсъ кіевскимъ, императрица сочувственно поддерживала, выдвигая представителей его на іерархическіе посты. Первый изъ великороссовъ, еще при Елисаветѣ (говорятъ, что переданная выше продѣлка троицкаго архимандрита-малоросса, желавшаго оклеветать предъ императрицею великороссовъ, сильно повредила южнымъ монахамъ въ ея мнѣніи) выдвинулся Димитрій Сѣченовъ, достигшій важной митрополіи Новгородской.

Затѣмъ сталъ возвышаться Гедеонъ Криновскій. Родомъ изъ Казани, онъ провелъ первые годы самостоятельной дѣятельности служа учителемъ казанской семинаріи и имѣлъ тамъ непріятности. Преданіе говоритъ, что ректоръ-малороссъ расправился съ нимъ весьма патріархально: несмотря на его монашество приказалъ высѣчь его розгами. Въ Москвѣ его пріютила московская академія. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе своими проповѣдями. Чрезъ И. И. Шувалова императрица Елисавета, любившая послушать хорошую проповѣдь, узнала о немъ; его пригласили разъ сказать проповѣдь при Дворѣ, и онъ сдѣлалъ это такъ успѣшно, что былъ назначенъ придворнымъ проповѣдникомъ. Это первый великорусскій проповѣдникъ. Чуждый риторичности кіевскихъ проповѣдниковъ, ихъ вычурности, манерности въ мысляхъ и въ слогѣ, ясный, простой, всѣмъ доступный, черпавшій доказательства не изъ силлогизмовъ, а изъ сердца слушателей, Гедеонъ пріятно поразилъ современное ему общество. Радостно было также слушателямъ слышать чисто русскую рѣчь тамъ, гдѣ раньше раздавался всегда сильный хохлацкій ак-

центъ. Гедеонъ, сверхъ всего, обладалъ прекрасною дикціею, и митрополитъ Платонъ отзывается, что „онъ столь пріятно и сладостно произносилъ слова свои, что слушатели бывали какъ бы внѣ себя и боялись, чтобъ онъ не пересталъ говорить". Посвященный скоро въ архимандриты, сдѣланный членомъ Синода, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Троице-Сергіевой Лавры, продолжая жить по преимуществу въ Петербургѣ и сохраняя до кончины Елисаветы званіе придворнаго проповѣдника. Гедеонъ, испытавшій на себѣ тяжелую руку малороссовъ, не могъ, конечно, не относиться къ нимъ враждебно. Вознесенный мірскою властью, онъ былъ всецѣло преданъ, а велъ себя, какъ вельможа, что позволяло ему богатство лавры. Носилъ по модѣ того времени шелковые башмаки и чулки, на башмакахъ брилліантовыя пряжки въ 10,000 рублей; гардеробъ его съ шелковыми и бархатными рясами занималъ цѣлую комнату. О немъ говаривали: „Гедеонъ нажилъ мильонъ".

По восшествіи своемъ на престолъ Екатерина велѣла посвятить Гедеона въ епископы Псковскіе, но держала его въ Петербургѣ.

Третьимъ виднымъ монахомъ-великороссомъ былъ Гавріилъ Петровъ. Родившись въ Москвѣ, онъ получилъ образованіе въ московской духовной академіи. Когда онъ кончилъ курсъ, начальство стало склонять его къ принятію монашества, но онъ рѣшительно отказался и, потерявъ мѣсто учителя, занялъ невидную должность корректора московской синодальной типографіи. Въ академіи освободилась каѳедра піитики, и св. Синодъ предложилъ Петрову занять ее, съ чѣмъ необходимо тогда было связано и постриженіе въ монашество, Петровъ опять отказался. Такое уклоненіе отъ иночества нельзя объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что грубый деспотизмъ малороссовъ-монаховъ очень уронилъ эта званіе въ глазахъ даровитѣйшихъ студентовъ. Петровъ же имѣлъ ясно выраженныя аске-

тическія наклонности и только объ одномъ и думалъ, какъ бы больше находиться при церкви. Когда онъ окончилъ курсъ и былъ нѣкоторое время безъ должности, онъ думалъ занять просвирническое мѣсто, только чтобъ имѣть, какъ самъ говорилъ „маленькій кусокъ хлѣба“ и служить при храмѣ. Но отъ монашества Петровъ не ушелъ. Великороссы Димитрій Сѣченовъ и Гедеонъ чрезвычайно дорожили всѣми талантливыми великороссами и тянули ихъ впередъ. Петровъ былъ для нихъ такая находка, которую они не желали легко выпустить изъ рукъ. Замѣтивъ Петрова въ синодальной типографіи, Гедеонъ сразу оцѣнилъ его и рѣшилъ въ себѣ, что онъ выведетъ его на дорогу. Онъ принудилъ его принять мѣсто въ академіи, ведшее за собой постриженіе. Но Петровъ не постригался. Послѣдовалъ указъ объ этомъ Синода, Петровъ не постригался. Гедеонъ въ Синодѣ настаивалъ на своемъ требованіи, и послѣдовалъ вторичный указъ, причемъ было прибавлено, что „уже отговоркамъ внимать не будутъ“ и чтобы Петровъ немедленно ѣхалъ въ Петербургъ къ Гедеону для постриженія. Въ 1759 году 29 лѣтъ отъ роду Петровъ постриженъ Гедеономъ съ наименованіемъ Гавріиломъ. Сѣченовъ и Криновскій стали такъ быстро возвышать его, что черезъ два мѣсяца онъ былъ ректоромъ семинаріи и лавры намѣстникомъ.

Три года онъ усиленно работалъ и по семинаріи и надъ громаднымъ хозяйствомъ лавры, еле успѣвая принять разъ въ день пищу, составляющую изъ кашицы съ сухарями. Чрезъ 3 года Гавріилъ сдѣланъ ректоромъ академіи и настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря. По смерти Гедеона, поведшей за собою перемѣщеніе архіереевъ, онъ былъ назначенъ на Тверскую епископскую каѳедру, на 33 году возраста, а въ Петербургѣ ему поручали важныя дѣла.

Разъ императрица Екатерина шла съ нимъ рядомъ въ крестномъ ходу и все время бесѣдовала, и потомъ

отозвалась, что онъ, „мужъ острый и резонабельный“. Она посвятила ему, въ видѣ особаго къ нему уваженія, свой переводъ книги Мармонтеля Велизарій, причемъ въ посвященіи значилось: „Мы увѣрены, что сіе сочиненіе вашему преосвященству понравится, потому что вы мыслями, какъ и добродѣтелію, съ Велизаріемъ сходны“.

Покровители Гавріила выдвинули и другое духовное свѣтило—Платона Левшина, тоже великоросса и тоже воспитанника московской академіи. Платонъ рано прославился въ Москвѣ своею проповѣдническою дѣятельностью, которая началась въ академіи бесѣдами съ народомъ по катихизису, происходившими обыкновенно предъ обѣдней.

При необыкновенно выгодной наружности, обладая сердечнымъ жаромъ и краснорѣчіемъ въ высшей мѣрѣ, Платонъ проповѣдовалъ съ увлеченіемъ юноши, съ ревностью мужа, съ силою и умиленіемъ. Его бесѣды возбудили въ Москвѣ общій энтузіазмъ; и его стали называть то „московскій апостолъ“, то „второй Златоустъ“. Нѣкоторые приводили, когда онъ проповѣдовалъ, къ каѳедрѣ его своихъ дѣтей, чтобъ они среди воспоминаній дѣтства имѣли это свѣтлое явленіе; многіе искали знакомства его; солнце славы его подымалось въ полномъ блескѣ. Малороссы завидовали ему, и одинъ изъ нихъ, Амвросій Зертисъ-Каменскій, епископъ Переяславскій, членъ московской синодальной конторы, желая погубить его, сыскалъ въ его тетрадяхъ что-то, будто бы предосудительное и предложилъ высѣчь его и выгнать изъ академіи. Къ счастью, ректоръ академіи нарядилъ слѣдствіе и поученія Платона были признаны православными и безупречными. Молва же объ этомъ прошла по всей Москвѣ и усилила любовь къ Платону москвичей. Узналъ объ этомъ и Гедеонъ Криновскій, искавшій людей способныхъ, и пригласилъ его учителемъ риторики въ свою троицкую семинарію; затѣмъ

было предписано постричь Левшина въ монашество съ именемъ Платона. Пріѣхавъ въ лавру на праздникъ преп. Сергія, Гедеонъ познакомился съ Платономъ, который сдѣлался его любимцемъ. Чтобъ доставить ему случай къ извѣстности, Гедеонъ часто вызывалъ къ себѣ Платона въ Петербургъ. Платонъ считалъ Гедеона „великимъ себѣ благодѣтелемъ, первымъ по родителяхъ своихъ".

Разсказываютъ, что Платонъ, поправившись въ средствахъ вслѣдствіе щедрости Гедеона, могъ дѣлать богатые подарки роднымъ. Пріѣхала какъ-то въ лавру его мать, которую онъ очень любилъ и которая еле-еле согласилась отпустить его въ Москву, такъ какъ все собиралась его женить. Радушно угостилъ ее теперь сынъ, подарилъ *сто рублей* и шелковой матеріи на платье.

— Довольна-ли ты матушка,—спросилъ онъ ее, моими подарками?

— Да что ты?— Какъ не быть довольной? У меня этого и въ жизни никогда не бывало.

— Какъ-же ты не благословила меня идти въ монахи?

— Да вѣдь я не знала, что ты будешь меня такъ дарить, отвѣчала простодушная старушка.

Платонъ впослѣдствіи на вершинѣ всѣхъ почестей и славы своей вспоминалъ объ этомъ 5-ти-лѣтнемъ учительствѣ своемъ, какъ о счастливѣйшемъ времени жизни.

Живя въ лаврѣ, Платонъ сблизился съ Гавріиломъ, бывшимъ тамъ намѣстникомъ и его начальникомъ по семинаріи. Оба эти лица, которымъ суждено было занять самыя выдающіяся мѣста въ іерархіи (каѳедры Новгородско-Петербургскую и Московскую) и связанныя между собою искреннимъ довѣріемъ, сильно различались характеромъ.

Гавріилъ—сдержанный, молчаливый, серьезный, мѣрный, суровый къ себѣ и требовательный къ другимъ,

осторожный, врагъ всякой пышности и блеска, любившій простоту съ нѣкоторою, однако, важностью. Платонъ живой, легко воспламеняющійся, впечатлительный, говорливый-весельчакъ, скорый въ гнѣвѣ и милости, и необыкновенно симпатичный. Онъ обворожалъ всѣхъ, съ нимъ встрѣчавшихся, своимъ открытымъ, прекраснымъ лицомъ, живою рѣчью, лившеюся потокомъ, сверкавшею остроуміемъ, полною глубокаго знанія, множествомъ разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ любилъ блескъ, эффектъ, поддавался порывамъ, о которыхъ самъ же потомъ жалѣлъ: его языкъ доставлялъ ему много непріятностей.

Какъ-то разъ, когда оба уже были митрополитами, они вмѣстѣ возвращались отъ дворцоваго обѣда, и Гавріилъ замѣтилъ Платону, что онъ слишкомъ много и откровенно говорилъ за столомъ. На это Платонъ отвѣчалъ: „Меня всѣ разумѣютъ говоруномъ и не сердятся; а васъ, напротивъ, всѣ разумѣютъ за скромнаго. И когда вы выпустите лишнее слово, поймаютъ васъ на бѣду“.

Хлопоты Гедеона сдѣлать Платона извѣстнымъ въ Петербургѣ, увѣнчались успѣхомъ. Разумовскій сблизился съ нихъ, какъ съ любителемъ и анатокомъ церковной музыки, обладавшимъ притомъ прекраснымъ голосомъ; и они вмѣстѣ пѣвали. Иванъ Шуваловъ былъ восхищенъ его образованіемъ и способностями и хотѣлъ отправить его на свой счетъ для пополненія образованія за границу, но Гедеонъ, дорожа обществомъ Платона уговорилъ Шувалова оставить свое намѣреніе Когда Гавріила перевели ректоромъ въ академію, Платона назначили на его мѣсто. Посвященіе Гедеона въ епископы Псковскіе очень огорчило Платона. Безъ своего начальника и покровителя онъ чувствовалъ себя сиротливо.

Пріѣхавъ въ лавру, императрица замѣтила молодого (ему было всего 25 лѣтъ) ректора и спросила его, зачѣмъ онъ пошелъ въ монахи.

*

— Но особой любви къ просвѣщенію, — отвѣтилъ Платонъ.

— Но развѣ нельзя въ міру пещись о просвѣщеніи своемъ?—возразила императрица.

— Можно, но не столь удобно, имѣя жену, дѣтей и окруженному суетою мірской.

Вскорѣ Платонъ былъ назначенъ законоучителемъ цесаревича Павла Петровича. Платону, съ его откровеннымъ характеромъ, было нелегко при дворѣ, въ его щекотливой должности.

При дворѣ господствовали либеральныя понятія, въ чести былъ Вольтеръ и энциклопедисты, и нужно было утверждать высокаго ученика въ православіи, избѣгая того, что называлось въ той средѣ „фанатизмомъ, суевѣріемъ, клерикальными понятіями“.

Великій князь Павелъ отъ дѣтства до конца дней своихъ отличался набожностью. Но онъ былъ пылокъ, разсѣянъ, надо было давать ему ученіе въ легкой занимательной формѣ, превращая преподаваніе въ интересную бесѣду; кромѣ того надо было парализовать вліяніе окружающихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были легкомысленные люди, безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ.

При дворѣ Платонъ прославился тѣмъ же, что положило начало его извѣстности въ Москвѣ—проповѣдями. Императрица говорила разъ ему: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ. Хочетъ онъ, чтобы мы плакали — и мы плачемъ“. Но и тутъ, какъ по должности законоучителя, Платону, желавшему громить пороки, приходилось быть въ высшей степени осторожнымъ. Разъ сказалъ онъ блестящее слово о милосердіи, въ которомъ сильно возставалъ противъ богатыхъ, знатныхъ людей, охотно тратящихся на суетный блескъ и оставляющихъ безъ помощи бѣдныхъ. Императрицѣ, повидимому, слово не особенно понравилось своимъ направленіемъ, и она сказала окружающимъ:

— *О. Платонъ сегодня былъ сердитъ.* Однако очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣетъ.

На это кто-то изъ правдивыхъ вельможъ замѣтилъ: „Проповѣдникъ при Дворѣ всегда покажется сердитымъ, когда будетъ прямо говорить истину".

Тамъ, гдѣ требовалось торжественное слово, гдѣ самый поводъ представлялся величественнымъ, какъ какое-нибудь славное политическое событіе, побѣды, которыми гремитъ царствованіе Екатерины, тамъ Платонъ со своимъ искреннимъ пылкимъ патріотизмомъ и съ великолѣпнымъ словомъ, которое этотъ патріотизмъ ему внушалъ, былъ незамѣнимъ. Тогда художники, поэты словомъ подвиги русскаго оружія, по всей Руси послѣ побѣды надъ турками, побѣдъ, дѣйствительно, сказочныхъ и доставившихъ величайшую усладу русскому сердцу, пѣлся торжественный гимнъ:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россъ,
Славой сердце наполняйся:
Магомета ты потресъ.

И этому ликованію, столь понятному, этому торжеству русскаго имени, всего 20 лѣтъ назадъ бывшему въ загонѣ въ самой Россіи, откликался дивными откликами и Платонъ. Особенно замѣчательно по силѣ и по обстановкѣ, въ которой было произнесено, его слово послѣ морской нашей побѣды при Чесмѣ, когда былъ совершенно истребленъ весь непріятельскій флотъ.

Эта побѣда, одна изъ славнѣйшихъ, какія знаетъ вся міровая исторія, произвела потрясающее впечатлѣніе на русскія сердца. Можно себѣ поэтому представить, что переживали слушатели Платона, среди которыхъ были отцы, матери, родные, друзья Чесменскихъ героевъ, когда онъ произносилъ свое слово, которое и сейчасъ, чрезъ полтора почти вѣка нельзя читать безъ волненія всякому, неравнодушному къ судьбамъ Россіи.

Въ Петропавловскомъ соборѣ была совершена торжественная панихида у гроба основателя русскихъ морскихъ силъ, Петра Великаго, и Екатерина сама возложила на гробницу одинъ изъ трофеевъ побѣды, отбитый у турокъ флагъ, произнося при этомъ: „Твоя отъ твоихъ тебѣ приношу“. Уже это одно должно было воспламенить присутствующихъ. Но вотъ Платонъ сталъ сказывать свое слово, въ которомъ восхвалялъ государственную дѣятельность Петра. И во время рѣчи онъ вдругъ сошелъ съ каѳедры, приблизился къ гробницѣ и какъ бы въ лицо почившему Императору воскликнулъ: „Возстань теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое... Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ! Флотъ, тобою устроенный, уже не въ морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверномъ, но гдѣ? Онъ на морѣ Средиземномъ, въ странахъ восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ Константинопольскихъ, въ тѣхъ то-есть мѣстахъ, куда ты нерѣдко око свое обращалъ и гордую намѣревалъ смирить Порту. О, какъ бы твое, Великій Петръ сердце возрадовалось, если бы... Но слыши:—мы тебѣ, какъ живому вѣщаемъ; слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ, близъ береговъ азіатскихъ оттоманскій флотъ до конца истребилъ“ . . . . . .

. . . . . .

Впечатлѣніе получилось громадное... Императрица, посылая эту рѣчь во французскомъ переводѣ Вольтеру справедливо замѣчала: „Сія рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и нашихъ флотовъ, есть, по мнѣнію моему, знаменитѣйшій на свѣтѣ пямятникъ. Я думаю, что никогда и не одинъ ораторъ не имѣлъ столь счастливаго предмета къ основанію своего слова“.

Живя при Дворѣ, Платонъ, конечно, сталъ осторожнѣе, менѣе откровеннымъ, чѣмъ прежде. Вращаясь въ кругу знаменитостей того времени, онъ окончательно пополнилъ свое образованіе; при Дворѣ невозможно

было обойтись безъ французскаго языка, и онъ выучился по французски. Ученые иностранцы, бывавшіе при Дворѣ, заходили къ Платону и оставались очарованы его умомъ.

Но Платонъ и при Дворѣ хранилъ строгость монашеской жизни, вѣрность православія и обличалъ въ проповѣдяхъ атеистическія теоріи модныхъ философовъ своего вѣка. Извѣстно краткое, но характерное его объясненіе со знаменитымъ энциклопедистомъ Дидро, пріѣхавшимъ въ Петербургъ. Дидро повелъ такую бесѣду съ Платономъ:

— Знаете-ли, отецъ святой: философъ Дидро говоритъ,—что нѣтъ Бога.

— Это еще и прежде него сказано,—спокойно замѣтилъ Платонъ.

— Когда и кѣмъ?

— Давидъ сказалъ: „Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“. А вы то же говорите устами.

Говорятъ, что Дидро, опѣшивъ предъ находчивостью Платона, и не умѣя возразить дальше,—бросился ему на шею.

Разставаясь съ личностью Платона, приведемъ въ заключеніе разсказъ о немъ московскаго старожила Снегирева, въ которомъ рисуется все глубокое впечатлѣніе, произведенное на московскую паству митрополитомъ Платономъ.

Одинъ изъ видныхъ по положенію москвичей пришелъ какъ-то въ Успенскій соборъ, гдѣ Платонъ сказывалъ свое слово. За тѣснотою онъ не могъ войти въ соборъ и остановился у дверей. Около него стоялъ плачущій мужикъ. Баринъ спросилъ его,—отчего онъ плачетъ.

— Какъ мнѣ не плакать? Вѣрно, владыка говоритъ что-нибудь душеспасительное!..

Таково было представленіе и предощущеніе народа. Такъ увѣковѣчилось въ народѣ имя Платона, сроднив-

шагося съ нимъ душею и сердцемъ, потому что онъ былъ русскій сердечный человѣкъ. Всякое слово, исходившее изъ устъ его, проникало въ душу народа, который ему вѣрилъ.

Служеніе Платона было великолѣпно, что тоже такъ любезно народу. Въ большіе праздники онъ ѣзжалъ въ золотой каретѣ, запряженной шестеркой бѣлыхъ коней въ шорахъ. Предъ нимъ шли схороходы, ѣхали вершники. Около кареты бѣжалъ народъ, чтобъ поглядѣть на Платона. Такъ пріѣхалъ онъ разъ къ извѣстной Дашковой, президенту академіи наукъ, которая спросила его: „Преосвященный, васъ возятъ шесть коней, а Христосъ всегда ходилъ пѣшкомъ“.

— Такъ,—отвѣчалъ ей Платонъ: „Христосъ ходилъ пѣшкомъ, и за нимъ овцы слѣдовали. А я овецъ своихъ не догоню и на шестеркѣ“.

Вотъ, и другой случай его остроумія. Въ Чудовѣ монастырѣ была при входѣ картина страшнаго суда. Платонъ шелъ въ Чудовъ, когда одна графиня, ему извѣстная и разсматривавшая картину,—обратилась къ нему за благословеніемъ. Онъ спросилъ:—Что она разсматриваетъ? картину?

— Смотрю,—отвѣчала эта язвительная женщина легкаго поведенія,—какъ архіереи идутъ въ адъ.

— А вотъ,—сказалъ ей Платонъ, указывая на адскія мученія вольной женщины: „Поглядите-ка на это!“

Множество народа всѣхъ сословій собиралось тамъ, гдѣ служилъ Платонъ. Если полиція не допускала въ церковь простолюдиновъ, Платонъ кричалъ: „Что вы, волки, разгоняете моихъ овецъ“.

Московскій народъ любилъ служеніе и проповѣдываніе Платона и услаждался ими. Изъ Сибири купцы и заводчики пріѣзжали нарочно видѣть и слышать Платона. Это служеніе Снегиревъ видѣлъ въ своей юности и такъ описываетъ его: „Представьте себѣ старца, еще бодраго подъ сѣдинами, у котораго старость не

изгладила еще слѣдовъ рѣдкаго благообразія въ лицѣ оживленномъ и, такъ сказать, одухотворенномъ, сіяющемъ. Со слезами умиленія сердечнаго, въ моленіи онъ воздвигаетъ руки къ небу, имъ съ амвона осѣняетъ предстоящихъ дикиріями и трикиріями, чѣмъ проповѣдуетъ истины Евангельскія. Въ чтеніи и пѣніи голосъ сладостно-звучный, стройный, послушный теченію его мыслей и движенію его сердца. Вѣра и убѣжденіе говорили его устами. Слова его были такъ осмыслены умомъ, такъ оживлены вѣрою, что проникали сердца слушателей. Къ нему можно было по справедливости примѣнить изреченіе св. апостола: „Вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ".

Не такова казалась печатная его проповѣдь при холодномъ произношеніи малограмотнаго человѣка.

Однажды при обозрѣніи епархіи Платонъ заѣхалъ въ одну сельскую церковь, гдѣ священникъ, полагая сдѣлать ему пріятное, вздумалъ прочесть проповѣдь Платона. Дурно понимая, онъ такъ плохо читалъ ее, что трудно было добраться до ея смысла. По окончаніи проповѣди митрополитъ спросилъ:

— Какой это дуракъ писалъ?

— Ваше преосвященство,—былъ отвѣтъ простодушнаго священника.

Послѣдніе годы жизни митрополитъ Платонъ провелъ въ уединеніи, въ устроенномъ имъ въ живописной, въ 3 верстахъ Троице-Сергіевой лавры, мѣстности Виѳанскаго монастыря. Тамъ завелъ онъ училище, къ которому относился также заботливо, какъ нѣкогда святитель Димитрій Ростовскій къ своей Ростовской школѣ. Но онъ былъ счастливѣе его: школа его осталась существовать въ видѣ Виѳанской семинаріи, свято чтущей память своего основателя и празднующей свой актъ въ день ангела покойнаго митрополита.

При нашествіи Наполеона Платонъ написалъ письмо Императору Александру I, четвертому монарху, при ко-

торомъ онъ служилъ, въ которомъ предсказывалъ гибель Наполеона и торжество Россіи, и посылалъ ему при этомъ въ помощь икону преп. Сергія, писанную на гробовой доскѣ угодника, котораго онъ называлъ въ письмѣ „древнимъ ревнителемъ о благѣ нашего отечества“.

Письмо это распространилось въ спискахъ по всему образованному русскому обществу, вызывая общее сочувствіе.

Платонъ предъ оставленіемъ Москвы прибылъ въ столицу для ободренія учителей. Вернувшись въ уединеніе, онъ предсказалъ,—что преп. Сергій не допуститъ врага до своей лавры, хотя непріятель зналъ о несмѣтныхъ сокровищахъ и жаждалъ ограбить ее.

Богъ привелъ слабѣющаго старца дожить до отрадной вѣсти о бѣгствѣ Наполеона и его полчищъ изъ Москвы. Платонъ говорилъ со слезами: „Слава Богу, Москва свободна, и я умру спокойно“. Дѣйствительно, онъ скончался 11 ноября 1812 года.

Значеніе его въ томъ, что онъ высоко поставилъ знамя архипастырскаго сана и вызвалъ общее уваженіе къ своей личности; вмѣстѣ съ митрополитомъ Гавріиломъ петербургскимъ, они способствовали возвышенію архіерейскаго достоинства, столь низко стоявшаго при Ѳеофанахъ и Биронахъ.

Онъ былъ, можно сказать, предвозвѣстникомъ того пышнаго расцвѣта іерархіи, какой она узнала въ лицѣ одного изъ преемниковъ Платона по московской каѳедрѣ и одного изъ величайшихъ мужей вселенской Церкви, великаго московскаго митрополита Филарета.

Не смотря на занявшуюся и разгорѣвшуюся при Екатеринѣ зарю такихъ свѣтилъ церковныхъ, какими были Гавріилъ и Платонъ, положеніе Церкви при этой императрицѣ было далеко не столь благопріятно, какъ при Елисаветѣ. Въ теченіи 10 лѣтъ (1763—1774 гг.) два оберъ-прокурора высказывали въ высшей степени стран-

ное отношеніе къ православію. Первый изъ нихъ, Мелиссино, предложилъ Св. Синоду снабдить синодальнаго депутата въ комиссію для составленія уложенія такими предложеніями реформъ церковной жизни: объ ослабленіи и сокращеніи постовъ, которые, за тяжестью ихъ „рѣдко кто прямо содержитъ“, объ уничтоженіи суевѣрій касательно иконъ и мощей, о запрещеніи носить образа по домамъ, о сокращеніи церковныхъ службъ, для „избѣжанія въ молитвѣ языческаго многоглаголанія“, отмѣнѣ составленныхъ въ поздніе времена стихиръ, каноновъ, тропарей, о назначеніи вмѣсто вечеренъ и всенощныхъ краткихъ моленій съ поученіями народу, о прекращеніи содержанія монахамъ, о дозволеніи выбирать изъ священниковъ епископовъ безъ постриженія въ монашество, и о разрѣшеніи епископамъ проводить брачную жизнь, о разрѣшеніи духовенству носить „пристойнѣйшее“ (?!) платье, объ отмѣнѣ поминовенія умершихъ будто бы дающаго простымъ людямъ лишній поводъ къ вѣрѣ въ мытарства, а попамъ къ вымогательству, объ облегченіи разводовъ и дозволеніи браковъ свыше трехъ, о запрещеніи причащать младенцевъ до 10 лѣтъ, пока не научатся вѣрѣ.

Св. Синодъ отклонилъ это удивительныя предложенія и составилъ свой собственный наказъ.

Другого оберъ-прокурора, бригадира Чебышева, описываетъ Фонвизинъ: онъ былъ совершенно невѣрующій человѣкъ и, служа оберъ-прокуроромъ, рѣшался открыто, напримѣръ, предъ публикою въ Гостинномъ дворѣ заявлять о своемъ невѣріи въ бытіе Божіе, въ присутствіи членовъ Синода говорилъ „гнилыя слова“, и, пользуясь своею властью, задерживалъ изданіе сочиненій, направленныхъ противъ распространяемаго тогда модными писателями невѣрія.

Но самыми грустными проявленіями церковной политики Екатерины было отобраніе въ казну монастырскихъ имѣній и введеніе монастырскихъ штатовъ.

Недолго спустя по восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина учредила коммиссію изъ 2 духовныхъ и 5 свѣтскихъ лицъ для разсужденія о содержаніи духовенства. Коммиссія, дѣйствовавшая согласно видамъ императрицы, представила докладъ объ изъятіи церковныхъ имуществъ изъ духовнаго вѣдомства съ порученіемъ ихъ комиссіи Экономіи и о штатахъ денежнаго жалованья духовенству. Указомъ 1764 г. императрица повелѣла привести докладъ въ исполненіе: епархіи и монастыри лишились принадлежавшей имъ собственности.

Въ это время за Сергіевской Лаврою и приписными къ ней монастырями состояло 150,961 душа крестьянъ; за монастырями Новгородской епархіи 51,857, и за новгородскимъ архіерейскимъ домомъ 21,282; за ростовскими монастырями 38,389 и за митрополичьимъ домомъ 21,282; за вологодскими монастырями и каѳедрою 47,568; за вятскими — 42,012; за тверскими — около 30 тысячъ, вообще, за всѣми *великорусскими* каѳедрами и монастырями по ревизіи числилось 910 тысячъ душъ.

Жалованья же духовенству положено было 365 тысячъ въ годъ: на петербургскую, московскую и новгородскую каѳедры съ соборами 39 тысячъ, на 8 второклассныхъ каѳедръ—5 тысячъ (епископу лично 2600), на 15 третьеклассныхъ—по 4332 р. (лично епископу 1800 р.), на 22 некаѳедральныхъ собора—2530 р., на Сергіеву Лавру во всѣ мужскіе монастыри—174.000, на всѣ женскіе монастыри—3300 рублей.

Страшный ударъ введеніемъ штатовъ былъ нанесенъ монастырямъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ, не имѣя, чѣмъ содержаться, должна была закрыться.

До введенія штатовъ было въ Великороссіи 732 монастыря мужскихъ и 222 женскихъ. Штатами же положено 161 монастырь мужской и 39 женскихъ. Изъ 954 раньше существовавшихъ монастырей почеркомъ пера было осуждено на уничтоженіе 754, осталось двѣсти,

лишь пятая часть русскихъ монастырей! Тогда же запрещено безъ разрѣшенія императрицы открывать новые монастыри.

Теперь, въ отдаленіи полутораста почти лѣтъ можно спокойно обсудить эту мѣру.

Она дала государству по 3 милліона въ годъ дохода, но громадная часть монастырскихъ имѣній роздана Екатериною въ даръ своимъ фаворитамъ, такъ что въ концѣ концовъ государство получило отъ отобранія ихъ недолгую пользу. Было обѣщано при отобраніи имѣній обезпечить духовныя школы и духовенство, но это обѣщаніе забыто.

Между тѣмъ съ нравственной точки зрѣнія эта смѣлая мѣра не выдерживаетъ критики.

Здѣсь было нарушено право собственности и воля тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, изъ пожертвованій которыхъ сложились церковныя имущества. Всѣ эти имѣнія были оставляемы большею частью по духовнымъ, на поминъ души въ излюбленномъ жертвователемъ монастырѣ; и эта послѣдняя воля умирающихъ не подлежала никакому измѣненію. Между тѣмъ не только эти усердныя жертвы *церкви* были отобраны для цѣлей *міра*, но и самый поминъ души не могъ болѣе продолжаться, за упраздненіемъ самихъ обителей.

Правда, что роскошество иныхъ монаховъ, въ примѣръ котораго былъ приведенъ быть троицкихъ иноковъ, требовало исправленія. Правительство могло чрезъ архіереевъ обуздать эту роскошь и на излишнія отъ расходовъ скромнаго содержанія деньги требовать заведенія благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Но давать этимъ *частнымъ* пожертвованіямъ совершенно иное назначеніе, въ нарушеніе воли завѣщателей, оно не могло, не сходя съ пути справедливости.

Люди разныхъ взглядовъ и положенія одинаково сходятся въ осужденіе этой мѣры.

Мы видѣли, какъ св. Димитрій Ростовскій, человѣкъ

аскетической жизни и не имѣвшій личнаго интереса къ сохранности церковныхъ имѣній, возставалъ противъ присвоенія ихъ себѣ государствомъ.

Изумительно, что Пушкинъ въ ранней молодости, 22 лѣтъ, проживая въ Кишиневѣ, высказалъ разъ письменно мнѣніе, что отобраніе церковныхъ имѣній нанесло сильный ударъ просвѣщенію народа въ Россіи. (Рус. Архивъ, 1866 г., стр. 11 41).

До сихъ поръ нельзя безъ чувства величайшей скорби вспомнить объ уничтоженіи $^4/_5$ *русскихъ монастырей*!

Запустѣли мѣста, освященныя подвигами и благодатью святыхъ, ознаменованныя стремленіемъ къ нимъ усердія народнаго. И, если немногія изъ этихъ обителей потомъ были возстановлены, то большая ихъ часть запустѣла навсегда. И много есть, напримѣръ, въ Вологодскомъ Краѣ, этой „русской Ѳиваидѣ", мѣстъ, гдѣ въ бѣдной приходской церкви, даже иногда безприходной, покоятся мощи великаго угодника, создавшаго обитель, которой на просвѣщеніе и утѣшеніе народа стояла вѣка и упразднена въ злосчастный 1764 г.

Если больно вспомнить о томъ, что же пережили ревностные къ вѣрѣ современники!

Самый рѣзкій протестъ выразилъ митрополитъ Ростовскій Арсеній, уже раньше заявившій себя горячимъ и безстрашнымъ ревнителемъ церковныхъ правъ.

Ознакомимся съ этою интересною и типичною личностью.

Митрополитъ Арсеній Маціевичъ произвелъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе на своихъ современниковъ.

То уваженіе, которое невольно вызывало въ себѣ его прямая до рѣзкости личность, безстрашно всегда защищавшая то, что онъ считалъ за правду — это уваженіе было усилено состраданіемъ, какое вызвано было его безпримѣрнымъ несчастіемъ.

Конечно, въ характерѣ Арсенія были черты, которыя способствовали его паденію. Но теперь, въ отдаленіи

полутора вѣковъ, не трудно видѣть, что и въ основѣ даже тѣхъ сторонъ его характера, которыя вызвали къ нему ненависть нѣкоторыхъ властныхъ его современниковъ — лежитъ благородство, страстная преданность Церкви, служенію которой онъ себя посвятилъ, его архіерейская совѣсть.

Народъ, чуткій въ различеніи людей, въ особенности же Божьихъ людей, призналъ его великимъ страдальцемъ.

Нѣкоторыя событія того періода его жизни, когда онъ является предъ нами уже не властнымъ и крутымъ митрополитомъ, а въ ореолѣ своего страданія—носятъ на себѣ отпечатки не только чрезвычайности, но и прямо чудесности.

А та сила воли, съ какою онъ перенесъ свой тяжкій крестъ, та тяжелая и поучительная драма души, которая изъ самолюбиваго и властолюбиваго человѣка выработала терпѣливаго узника, начертавшаго въ стѣнѣ своего каменнаго гроба безсмертныя слова: „Благо, яко смирилъ мя еси, Господи!“—даютъ ему мѣсто не только среди замѣчательныхъ, но и среди наиболѣе праведныхъ людей своего времени.

Митрополитъ Арсеній происходилъ изъ Польской шляхты, образованіе получилъ въ Кіевской академіи.

Постриженный въ монахи, онъ вскорѣ былъ рукоположенъ въ священническій санъ и назначенъ при московскомъ синодальномъ домѣ экзаменаторомъ ставленниковъ. Онъ долженъ былъ испытывать лицъ, которымъ предстояло посвященіе въ священники или діаконы, въ знаніи ими всего нужнаго для этого сана. Живого, пылкаго характера, твердый и настойчивый, онъ выказалъ въ этой должности большую строгость.

Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка была снаряжена камчатская экспедиція къ рѣкѣ Оби для провѣрки и расширенія открытій, сдѣланныхъ Берингомъ. Предъ отправленіемъ ея Арсеній по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ

въ Архангельскъ. Архіепископъ Германъ какъ разъ отыскивалъ надежнаго іеромонаха, который бы отправился въ числѣ членовъ экспедиціи для совершенія службъ, и предложилъ ѣхать Арсенію. Арсеній согласился.

До отплытія онъ жилъ въ Соловецкомъ монастырѣ. гдѣ были заключены многіе раскольники-безпоповцы. Даже игуменъ монастыря Іоасафъ и нѣкоторые иноки ложно мыслили о прекращеніи на землѣ Церкви Христовой. Арсеній долго убѣждалъ ихъ и, наконецъ, написалъ Іоасафу увѣщаніе.

Экспедиція не выполнила назначеннаго ей дѣла; члены были отданы подъ судъ. Пришлось и Арсенію быть заключеннымъ въ Пустозерскомъ острогѣ. Нѣсколько разъ его возили для допроса взадъ и впередъ въ Петербургъ. Наконецъ, онъ былъ назначенъ экзаменаторомъ ставленниковъ въ Петербургѣ, а потомъ—законоучителемъ гимназистовъ въ С.-Петербургской академіи наукъ;—все въ виду того, что Адмиралтейство требовало, чтобы онъ, до окончанія слѣдствія, не отлучался изъ Петербурга. Съ окончаніемъ дѣла, кончилось пребываніе Арсенія въ Петербургѣ.

Онъ былъ прямо назначенъ митрополитомъ въ Тобольскъ, и черезъ годъ, по своей просьбѣ, переведенъ на древнюю Ростовскую митрополію, гдѣ архіереи носили титулъ „Ростовскихъ и Ярославскихъ".

Онъ участвовалъ въ коронованіи на царство императрицы Елисаветы Петровны, былъ сдѣланъ членомъ Св. Синода.

Въ царствованіе этой Государыни, бывшей искренно набожною и искренне преданною церкви, жизнь митрополита Арсенія шла мирно, хоть иногда и прорывались въ его дѣятельности поступки, которые могли повлечь за собою крупныя непріятности.

Такъ, назначенный членомъ Св. Синода, онъ не являлся въ Синодъ для принесенія установленной при-

сяги, находя несогласными съ требованіями его совѣсти его слѣдующія входящія въ нее слова: „Исповѣдаю же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу".

Митрополитъ указывалъ, что выраженіе это неправильно, такъ какъ единственный крайній судія и глава Церкви есть Христосъ. Онъ заявилъ Синоду, что „подалъ Императрицѣ письменное справедливое, по христіанской совѣсти, донесеніе, къ которому ничего прибавить не можетъ". Въ немъ онъ поясняетъ, почему не можетъ принять присяги.

Синодъ представилъ обо всемъ докладъ Императрицѣ. Но дѣло окончилось безъ дурныхъ послѣдствій, и Арсеній уѣхалъ изъ Москвы въ Ростовъ.

Въ 1744 г., чрезъ два года послѣ этого происшествія, у него въ епархіи случилось крайне непріятное для него обстоятельство. Въ Ростовскомъ соборѣ, по оплошности причетника, не потушившаго свѣчу, произошелъ пожаръ, и сгорѣли мощи благовѣрныхъ князей Василія и Константина Всеволодовичей, почивавшія тутъ около пяти вѣковъ. Въ Синодѣ этимъ остались очень недовольны, возлагая вину на митрополита.

Такъ какъ Арсеній страдалъ скорбутомъ и глазами, то онъ вскорѣ сталъ проситься на покой въ Новгородсѣверскій монастырь. Но Императрица не утвердила докладъ о томъ Св. Синода. Это показываетъ, на сколько она цѣнила Арсенія.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ благодаритъ ее за присылку ему для лѣченія венгерскаго вина—такъ далеко простирались заботы о немъ доброй и сердечной царицы.

Въ епархіи своей митрополитъ занимался духовно-административными и училищными дѣлами, борьбой съ иновѣріемъ и расколомъ. Онъ составилъ возраженіе на поданный протестантами пасквиль противъ извѣстнаго

сочиненія Стефана Яворскаго въ защиту православія *Камень вѣры* и дополнилъ сочиненіе Θеофилакта Лопатинскаго.

Въ учебномъ дѣлѣ онъ явился врагомъ господствовавшей въ семинаріи латинской схоластики. Онъ писалъ по этому поводу: „Школы при архіереяхъ не иныя нужны, только русскія: понеже въ церквахъ у насъ не по латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божія совершается по-русски".

Этими основами, особенно знаменательными въ наши дни, онъ, можно сказать, на цѣлыя полтораста лѣтъ опередилъ свой вѣкъ, выказавъ себя дальновиднѣе своихъ просвѣщеннѣйшихъ современниковъ.

Наряду съ этимъ, онъ былъ безусловно стоекъ въ своихъ православныхъ убѣжденіяхъ, преданъ старинамъ, переданнымъ отъ отцовъ и дѣдовъ обычаямъ и преданіямъ, и не терпѣлъ нововведеній въ жизни и указаніяхъ церковныхъ.

Математику и астрономію онъ считалъ для духовенства излишнимъ. Въ семинаріи, которую онъ перевелъ изъ Ростова въ Ярославль, было уже тогда до 500 воспитанниковъ.

Онъ былъ ревностнымъ проповѣдникомъ. Въ Москвѣ напечатаны имъ семь поученій (1742, 1744 и 1749 годовъ), въ библіотекѣ ярославской семинаріи хранится три тома рукописныхъ его проповѣдей. Подражая ревностному борцу противъ раскола, святителю Димитрію Ростовскому, онъ составилъ обличеніе раскольниковъ, оставшееся въ рукописи и дополнилъ сочиненіе Θеофилакта Лопатинскаго *Обличеніе неправды раскольничьей*, напечатанные въ Москвѣ въ 1745 году.

Когда вышелъ указъ о запискѣ желающихъ въ расколъ, митрополитъ Арсеній говорилъ: „Надлежитъ особливыя молитвы и ектеніи читать, и на проскомидіи часть вынимать; ибо раскольники въ церковь не ходятъ

и на нее плюютъ"—и приказалъ тогда архимандриту читать особенныя, изъ служебника выписанныя молитвы „о гонящихъ церковь".

Впослѣдствіи, при ложномъ истолкованіи этого поступка, онъ былъ вмѣненъ ему въ преступленіе.

Мирная жизнь митрополита въ епархіи ознаменовалась однако двумя столкновеніями съ Петербургомъ.

Коллегія экономіи, завѣдывавшая монастырскими и архіерейскими имѣніями, отправила нѣсколько инвалидовъ для помѣщенія въ Ростовскіе монастыри. Арсеній не принялъ ихъ, отозвавшись, что на ихъ содержаніе не достастъ денегъ. На запросъ Св. Синода онъ отвѣчалъ, что въ послѣднее время въ Ростовскихъ монастыряхъ пострижено около сорока человѣкъ лишенныхъ сана въ прошлое царствованіе, и для инвалидовъ не достанетъ порцій. Объясненіе это заключало въ себѣ оскорбительныя выраженія.

Чрезъ два мѣсяца Св. Синодъ отправилъ одного юродиваго для помѣщенія въ одинъ изъ Ростовскихъ монастырей. На указъ о томъ Арсеній отвѣчалъ, что указъ этотъ неосмотрительный и неосторожный. Синодъ пожаловался Императрицѣ. Императрица приказала объявить митрополиту, чтобъ онъ „отъ подобныхъ продерзостей конечно воздержался, а ежели впредь будетъ къ указамъ оказывать противленіе и презорство, то какъ помѣшатель добрыхъ порядковъ и общаго покоя, и какъ противникъ и непріятель Высочайшей воли, не только сана архіерейскаго, но и клобука лишится".

Эти событія были еще въ началѣ царствованія Елисаветы, которая своимъ православнымъ сердцемъ умѣла понимать пылкую, увлекающуюся въ церковныхъ вопросахъ природу Ростовскаго владыки.

Годъ за годъ прошло это мирное царствованіе. Въ праздникъ Рождества Христова 1761 г. „Дщери Петровой" не стало.

Не долго царствовалъ племянникъ ея, Петръ III, и

затѣмъ наступило долгое царствованіе Екатерины II, имѣвшей роковое вліяніе на судьбу Арсенія.

На коронованіе Императрицы митрополитъ Арсеній не былъ приглашенъ. Отсутствіе на такомъ торжествѣ представителя столь древней и знаменитой каѳедры является обстоятельствомъ, на которомъ нельзя не остановиться.

Это первое выраженіе того крайняго недоброжелательства, съ которымъ Екатерина относилась къ Арсенію.

Это недоброжелательство существовало еще прежде знаменитаго и рѣзкаго осужденія Арсеніемъ рѣшенія Императрицы объ отобраніи въ казну имѣній монастырскихъ. Съ самыхъ первыхъ дней царствованія она считала Арсенія почему-то личнымъ своимъ врагомъ. И эта черта не только политическаго разномыслія, но и личной ненависти проходитъ красною нитью чрезъ всю исторію отношеній ея къ опальному митрополиту. Весьма вѣроятно, что еще въ царствованіе Елисаветы, когда противъ Екатерины были партіи, она заподозрѣла Арсенія въ недоброжелательствѣ къ себѣ.

Мало того, въ отношеніяхъ этихъ можно найти какой-то необъяснимый, точно мистическій страхъ Екатерины предъ Арсеніемъ. Она боялась его и принимала чрезвычайныя по отношенію къ наблюденію за нимъ мѣры и тогда, когда онъ, старый, больной, съ налагавшей невольное молчаніе заклепкой на устахъ былъ заживо погребенъ въ казематѣ, или, вѣрнѣе сказать, каменномъ мѣшкѣ.

Изъ отношеній Арсенія къ коллегіи экономіи видно, что онъ считалъ уже существованіе этой коллегіи нарушеніемъ правъ монастырей и архіерейскихъ каѳедръ на непосредственное распоряженіе принадлежащими имъ имѣніями.

„За отобраніемъ отъ дому архіерейскаго и отъ монастырей вотчинъ, писалъ онъ канцлеру Бестужеву-Рюмину, приходитъ съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ. Когда

смолотое и лежавшее въ сушилахъ приѣдимъ, то и литургіи святой служить нечѣмъ и некому, всѣ принуждены идти нищими въ міръ". При этомъ онъ просилъ канцлера „показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараніемъ его возвращены были вотчины по прежнему".

Нужно полагать, что это письмо побудило Бестужева-Рюмина привлечь къ этому вопросу вниманіе Императрицы. Но дѣло получило, къ сожалѣнію, совершенно иное разрѣшеніе, чѣмъ ожидалъ Арсеній.

Замысливъ отнять у каѳедръ и монастырей вотчины еще съ первыхъ дней царствованія, Екатерина предъ коронаціей сочла нужнымъ на время утѣшить духовенство. „Мы не имѣемъ намѣренія присвоить себѣ церковныя имѣнія, но только предписать законъ о лучшемъ ихъ устройствѣ".

Затѣмъ подъ собственнымъ наблюденіемъ государыни была учреждена особая комиссія изъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ членовъ. Среди духовныхъ былъ недоброжелатель Арсенія, митрополитъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени искательный, думавшій лишь о своихъ выгодахъ, и готовый за награду, отличіе предать всѣ интересы Церкви.

Комиссія рѣшила разослать по всѣмъ монастырскимъ вотчинамъ и архіерейскимъ домамъ приходо-расходныя книги для записыванія денежнаго и хлѣбнаго сбора и особенно назначенныхъ отставныхъ оберъ-офицеровъ для повѣрки доставленныхъ духовными властями свѣдѣній о состояніи и количествѣ духовныхъ имѣній. Такимъ образомъ архіереи подвергались отвѣтственности въ исконномъ церковномъ достояніи предъ офицерами. Вѣроятно, самоуправство этихъ уполномоченныхъ комиссіею чиновниковъ переступало часто предѣлы уваженія къ значенію и сану архіерейскому.

Это распоряженіе возмутило Арсенія, всегда зорко охранявшаго права Церкви.

Онъ находилъ „оскорбительнымъ и неприличнымъ, что для составленія описей офицеры будутъ входить въ алтарь и касаться церковныхъ сосудовъ и прочей священной утвари, что они въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ пересчитывали деньги, перемѣривали хлѣбъ, выдавая все хозяевамъ и монастырямъ съ мѣры, вѣса и счету".

Арсеній считалъ это за нарушеніе правъ церковной стародавней собственности и униженіе духовенства.

Какъ извѣстно, дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ вотчины монастырскія и архіерейскія отобраны въ казну. На содержаніе ихъ стали отпускаться скудныя суммы. Множество обителей, среди нихъ и древнія, хранившія мощи своихъ основателей,—упразднены. А монастырскія земли розданы громадными подарками большею частью любимцамъ Екатерины.

Теперь, спустя полтора вѣка послѣ этого событія, о немъ можно говорить безпристрастно.

Конечно, эта мѣра была прискорбнымъ нарушеніемъ правъ собственности.

Монастырскія имѣнія представляли собою пожертвованія частныхъ лицъ на поминъ души, на поддержаніе иночества, на дѣла благотворенія. И эта „послѣдняя воля" жертвователей, среди которыхъ было много и царей русскихъ — не могла и не должна была подвергаться нарушенію.

Конечно, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, въ пользованіи монастырей землями были нѣкоторыя темныя стороны. Но эти стороны слѣдовало устранить, сохраняя общее назначеніе этихъ имѣній на дѣла церкви, какъ-то церковностроительство, церковныя школы, больницы, богадѣльни.

И въ наши дни, когда такъ развивается именно эта сторона церковной дѣятельности, какимъ бы могучимъ подспорьемъ служили эти имѣнія, завѣщанныя вѣрующими душами на добрыя дѣла, а они, вмѣсто того, обо-

гащеніемъ нѣсколькихъ лицъ внесли въ бытъ высшаго общества распространившуюся затѣмъ и даже безумную, преступную, можно сказать, роскошь.

Вотъ, противъ этого въ корнѣ своемъ неправильнаго рѣшенія и счелъ нужнымъ возстать Арсеній.

Вѣроятно, какъ очень умный человѣкъ, онъ понималъ, что его горячія рѣчи, рѣзкіе отзывы по этому поводу не измѣнятъ прискорбнаго совершившагося распоряженія. Но онъ считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ, хотя и безъ надежды, отстоять правду и, цѣною собственной участи, стоять до конца за интересы церкви.

Опорой для заключенія своего объ этой мѣрѣ онъ поставилъ соборное правило, что посвященное Богу не могло быть отчуждаемо.

Въ пылу негодованія Арсеній подавалъ въ Св. Синодъ одинъ протестъ за другимъ противъ отнятія у монастырей вотчинъ и вмѣшательства свѣтскихъ людей въ духовныя дѣла. Мусина-Пушкина, бывшаго президента Коллегіи Экономіи, онъ называлъ „туркомъ“. „Горе намъ бѣднымъ архіереямъ, — писалъ онъ, — яко не отъ поганыхъ, но отъ своихъ мнящихся быти овецъ правовѣрныхъ толикое мучительство претерпѣваемъ“. О членахъ комиссіи онъ отзывался, что они „насилу *) въ Бога вѣруютъ“.

Въ Недѣлю Православія, когда предаются анаѳемѣ враги Церкви, онъ къ обычному чиноположенію прибавилъ „анаѳему обидчикамъ церквей и монастырей“.

Обо всѣхъ этихъ поступкахъ и отзывахъ ростовского митрополита было доводимо до свѣдѣнія Екатерины, которая была въ высшей степени тѣмъ оскорблена. Насколько задѣли ее за живое эти отзывы, видно изъ того, что она, вообще спокойная и осторожная въ выраженіяхъ

---

*) То есть — еле, едва.

отзывалась о немъ какъ о „лицемѣрѣ, пронырливомъ и властолюбивомъ, бѣшеномъ вралѣ“ *).

Слѣдующій эпизодъ хорошо показываетъ мѣру того страха, съ которымъ она относилась къ Арсенію.

Желая послѣ коронаціи выказать предъ народомъ свое благочестіе, она рѣшила отправиться въ Ростовъ, чтобы присутствовать на переложеніи мощей святителя Димитрія Ростовскаго въ новую серебряную раку. И она писала своему штатъ-секретарю: „Понеже я знаю властолюбіе и бѣшенство ростовскаго владыки, я умираю, боясь, чтобы онъ раки Димитрія Ростовскаго безъ меня не поставилъ“,— и приказала поставить къ новой ракѣ маіора съ солдатами.

Было назначено въ Синодѣ разслѣдованіе дѣла о митрополитѣ Арсеніи.

Членами Синода, находившагося тогда въ Москвѣ, были слѣдующія лица: первенствующимъ—новгородскій митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, затѣмъ московскій престарѣлый митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, архіепископъ с.-петербургскій Гавріилъ Кременецкій, крутицкій архіепископъ Гедеонъ Криновскій, псковскій епископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, тверской епископъ Аѳанасій Вальковскій и новоспасскій архимандритъ Мисаилъ. Главнымъ дѣйствующимъ противъ Арсенія лицомъ былъ Димитрій Сѣченовъ, всегда искавшій случая къ угодничеству. Съ нимъ готовы были согласиться и прочіе члены. Они поднесли императрицѣ доношеніе о словахъ и поступкахъ Арсенія, при всеподданнѣйшимъ докладѣ. Императрица сдѣлала распоряженіе, чтобы Синодъ самъ судилъ „своего сочлена, какъ злонамѣреннаго и преступника“.

Въ половинѣ марта у себя въ Ростовѣ Арсеній, при-

*) Мы со своей стороны думаемъ, что были и другія, серьезныя причины столь необычайныхъ преслѣдованій императрицы противъ злосчастнаго митрополита. *Ред. „Русск. Пал.“.*

шедши въ свои покои отъ вечерни, сказалъ келейнику: „Не запирай воротъ на ночь! Гости будутъ ко мнѣ въ полночь!“ Келейникъ остался въ недоумѣніи.

Между тѣмъ то былъ одинъ изъ случаевъ проявленія въ митрополитѣ того дара прозорливости, который неоднократно обнаруживался въ немъ въ эту эпоху перенесеннаго имъ гоненія.

Дѣйствительно, въ полночь прибылъ къ нему офицеръ гвардіи Дурново и попросилъ благословенія.

— Я уже не архіерей, — отвѣчалъ Арсеній, — и не благословилъ его.

Дурново тогда подалъ ему сенатскій указъ, которымъ предписывалось везти митрополита въ Москву, въ свиту взять лишь трехъ человѣкъ, вещей не брать, а имѣющіяся въ кельѣ письма запечатанными захватить въ Москву.

Митрополитъ хотѣлъ проститься съ городомъ, то есть приложиться къ мощамъ и иконамъ въ соборѣ. Но ему не позволили.

Въ Москвѣ онъ былъ, какъ государственный преступникъ, заключенъ подъ крѣпкою стражею въ Симоновѣ монастырѣ.

Арсеній былъ допрошенъ во дворцѣ въ присутствіи императрицы. При этомъ онъ говорилъ столь рѣзко, что императрица зажала себѣ уши, а ему самому „заклепали ротъ“.

14 апрѣля состоялось засѣданіе Синода, на которомъ допрашивали Арсенія. Вѣроятно, и тутъ онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ.

Его присудили къ лишенію архіерейскаго сана и преданію, по разстриженіи изъ монашества, суду свѣтскому, которому надлежало за оскорбленіе Величества осудить Арсенія на смертную казнь.

Императрица приказала освободить его отъ свѣтскаго суда, и, оставивъ ему монашескій чинъ, сослать въ дальній монастырь.

Арсеній былъ призванъ въ засѣданіе Синода для исполненія надъ нимъ указа.

По Москвѣ распространился слухъ, что будутъ снимать санъ съ Ростовскаго митрополита въ Крестовыхъ патріаршихъ палатахъ. Туда допущены были лишь монахи и бѣлое духовенство. Толпы же народа запрудили пространство вокругъ Синодальнаго двора, такъ что и солдаты не могли ихъ разогнать. Конечно, не одно любопытство, но и состраданіе руководило этимъ народомъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, было еще усилено вскорѣ затѣмъ случившимся происшествіемъ: 4 іюня внезапно упала смежная съ той Крестовой палатой, гдѣ осудили Арсенія, церковь Трехъ Святителей Московскихъ.

Арсеній явился на послѣдній надъ нимъ земной судъ, какъ на служеніе. На немъ была архіерейская съ источниками мантія, омофоръ, бѣлый клобукъ, на груди панагія, въ рукѣ онъ держалъ архіерейскій посохъ. Когда былъ прочтенъ указъ, лишавшій его сана — одинъ за другимъ члены Синода стали снимать съ него облаченіе: одинъ — митрополичій клобукъ, другой — омофоръ, третій отобралъ посохъ. Всѣ жадно слѣдили за нимъ, выраженіемъ лица его, словами его, чтобы донести императрицѣ, которая чрезвычайно интересовалась всѣми подробностями этого дѣла.

Негодующій митрополитъ тутъ же предсказалъ разоблачавшимъ его архіереямъ ихъ плачевную участь. Димитрію Сѣченову онъ предсказалъ, что тотъ задохнется собственнымъ языкомъ; Амвросію Зертисъ-Каменскому — смерть отъ руки мясника: „тебя, яко вола, убіютъ“; епископу Псковскому Гедеону: „ты не увидишь своей епархіи“.

Замѣчательно, что слова Арсенія сбылись въ точности надъ его судьями.

Митрополитъ Новгородскій Димитрій, награжденный изъ числа отобранныхъ тысячею душъ, лелѣявшій въ

себѣ мечту о полученіи сана митрополита всероссійскаго, умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ: дѣйствительно, его задушила страшная опухоль языка. Архіепископъ московскій Амвросій убитъ во время московской чумы взбунтовавшимся народомъ, отъ котораго тщетно искалъ спасенія въ Донскомъ монастырѣ. Епископъ Псковскій Гедеонъ, вскорѣ послѣ осужденія Арсенія, былъ удаленъ по Высочайшему повелѣнію въ свою епархію, и умеръ по дорогѣ, не доѣхавъ до Пскова.

Одинъ лишь добрый московскій митрополитъ Тимоѳей не могъ воздержаться отъ слезъ при печальной церемоніи.

Арсенію подали простое монашеское платье и обязали его подпиской въ томъ, что онъ не будетъ именоваться не только митрополитомъ или архіереемъ, но и іеромонахомъ.

Затѣмъ изъ этого собранія онъ былъ подъ карауломъ отвезенъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, мѣсто ссылки великаго патріарха Никона, потомъ въ Николо-Корельскій, Архангельской епархіи. Мѣстному архіерею было предписано держать ссыльнаго подъ крѣпкимъ карауломъ.

Весьма скудное имущество митрополита, оставшееся въ Ростовѣ и свидѣтельствовавшее объ его нестяжательности, было описано, также и книги его на церковно-славянскомъ, чешскомъ, русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ.

На пропитаніе его отпускалось сперва по 10, потомъ по 15 и 50 коп. въ день. Чернилъ, перьевъ и бумаги ему не давали. Никого къ нему не допускали, а выходить, и то подъ карауломъ, ему позволяли лишь въ церковь и непремѣнно въ часы богослуженія.

Но распоряженія изъ Петербурга не могли никому внушить въ монастырѣ, что Арсеній — ссыльный преступникъ, а не митрополитъ, страдающій за защиту интересовъ Церкви, не мученикъ за правду, какъ онъ

говорилъ о томъ самъ: „Вотъ прежде нашу братію архіереевъ почитали цари и во всемъ благословенія требовали, и тогда наша братія смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ обличала. А я какъ послалъ правильное донощеніе, такъ за мою правду и въ ссылку меня сослали".

Вся братія, начиная съ архимандрита, принимала отъ него благословеніе какъ отъ епископа. По праздникамъ онъ самолично во время совершенія проскомидіи вынималъ части за „гонящихъ и обидящихъ Церковь Божію"—разумѣя, по собственному объясненію, подъ этимъ именемъ „предателя Димитрія Новгородскаго и Гавріила (Кременецкаго) С.-Петербургскаго и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые объ отнятіи монастырскихъ вотчинъ старались, и въ Комиссіи присутствовали".

По окончаніи обѣдни опальный митрополитъ читалъ народу катехизисъ, Четьи-Минеи и другія духовныя книги, толкуя ихъ. При этомъ онъ самъ стоялъ на амвонѣ, а служившіе—по сторонамъ его, какъ это происходитъ всегда при архіерейскихъ богослуженіяхъ.

Настоятель монастыря часто посѣщалъ ссыльнаго, и они вели бесѣду и о духовныхъ предметахъ и о внѣшнихъ событіяхъ, касаясь и политики. Часто въ бесѣдѣ принималъ участіе и подпрапорщикъ Алексѣевскій, приставленный къ Арсенію.

Случилось, что Арсеній при одномъ монахѣ неосторожно поговорилъ объ одномъ политическомъ вопросѣ. Послѣдовалъ доносъ, навлекшій за собою новое обвиненіе Арсенія въ государственномъ преступленіи.

Дѣло разсматривала сама императрица, и было объ Арсеніи рѣшено: „лишить его монашескаго чина и, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, послать къ неисходному житію въ Ревель".

Ревельскому коменданту было предписано принять въ свое вѣдомство одинъ казематъ въ башнѣ крѣпости и приспособить его къ житью.

Казематъ этотъ находился на водяныхъ воротахъ и по величинѣ представлялъ собою скорѣй могилу. Въ немъ было 10½ футовъ длины и 7 ширины.

Когда Арсенію объявили указъ, лишавшій его монашества, то ждали отъ него какихъ-нибудь рѣзкихъ проявленій недовольства. Но онъ не вымолвилъ ни слова. Съ него сняли иноческую одежду, клобукъ, и вмѣсто нихъ надѣли арестантскую сермягу и треухъ.

Везти его къ мѣсту заключенія предписано было „секретно въ закрытыхъ саняхъ, никому не показывать, разговоровъ съ нимъ никакихъ не имѣть, объ имени и состояніи не спрашивать, и миновать Петербургъ было приказано какъ можно скорѣе“. Какъ государственнаго преступника, его провожали отъ Архангельска до Ревеля двѣ перемѣнныя команды. Съ нимъ, однако, велѣно было обходиться безъ грубости, дать ему платье, бѣлье и шубу.

Въ Архангельскѣ оставалось нѣкоторое имущество Арсенія: иконы, одежда, книги. Канцелярія Архангелогородская предложила императрицѣ образа скрыть въ какое-нибудь неизвѣстное мѣсто, чтобы объ Арсеніи не было никакой памяти, а прочія вещи продать. Такъ и было поступлено.

Екатерина была въ Москвѣ, когда чрезъ нее провозили Арсенія, и Государыня пожелала видѣть этого человѣка, ею съ какою-то болѣзненною страстностью ненавидимаго.

Устроили такъ, что Арсенія провозили садомъ Головинскаго дворца, и сдѣлали тамъ остановку.

Арсеній сидѣлъ на лавкѣ и дремалъ, склонивъ голову на грудь, когда императрица подошла къ нему и пристально на него посмотрѣла.

Арсеній не поднялъ глазъ.

Однако же—новый случай его прозорливости—произнесъ какія-то слова. Императрица зажала уши и быстро отошла отъ него.

Въ Тайной Канцеляріи его допрашивали; быть можетъ, пытали...

Коменданту Ревельскому Тизенгаузену императрица писала: „У васъ въ крѣпкой клѣткѣ есть важная птичка. Береги, чтобъ не улетѣла! Надѣюсь, что не подведете себя подъ большой отвѣтъ. Народъ очень почитаетъ его изстари и привыкъ считать святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ".

Содержать Арсенія велѣно было подъ строжайшимъ наблюденіемъ, офицерамъ и солдатамъ запрещено было съ нимъ говорить. Можно предполагать, что ему надѣвали на ротъ заклепку.

Императрица и здѣсь продолжала брать мѣры предосторожности противъ человѣка, заключеннаго въ тѣсномъ каменномъ гробѣ. Такъ, она въ другой разъ писала коменданту:

„Книги дать ему можете, а денегъ отнюдь въ руки ему не давайте. Онъ сколько старъ, столько и пронырливъ. Если же ему нужда будетъ въ бѣльѣ и одеждѣ: то удовольствуйте его безъ излишества. А въ болѣзняхъ велите его лѣчить и предпишите тѣмъ, кои около его, чтобъ съ нимъ безъ грубости обходились".

По пріѣздѣ въ Ревель, Арсеній сдѣлался боленъ. Къ нему посланъ былъ докторъ, причемъ съ доктора была взята подписка, что, подъ страхомъ смертной казни, онъ не будетъ спрашивать у больнаго объ его имени или званіи, и до конца жизни не станетъ говорить о томъ, даже *минами.*

Ежемѣсячно въ Петербургъ посылались рапорты съ донесеніемъ, что „извѣстный арестантъ" содержится по инструкціи и „ведетъ себя тихо".

Дѣйствительно, неизвѣстно никакихъ рѣзкихъ выходокъ Арсенія въ послѣдніе годы его жизни.

Онъ *смирился* — не предъ людьми, а предъ всесильною рукою Божіею, отъ которой онъ рѣшилъ терпѣливо принять свое страданіе. Онъ читалъ священное писаніе

а на стѣнѣ своей тюрьмы начерталъ углемъ слова: „Благо, яко смирилъ мя еси“.

Существуютъ изображенія митрополита Арсенія, относящіеся къ этой порѣ его жизни.

Онъ стоитъ у стѣны своего тѣснаго каземата. Худое, полное еще энергіи, лицо выражаетъ глубокую мысль. Большіе глаза полны великой тоски. Руки какъ бы отъ внутренняго страданія, а, можетъ, отъ холода, крѣпко стиснуты вокругъ груди. На немъ полушубокъ и треухъ. Свѣтъ проходитъ чрезъ маленькое окно, задѣланное рѣшеткой. На окнѣ—кусокъ хлѣба. На стѣнѣ изображенъ въ малыхъ размѣрахъ онъ же въ святительскомъ облаченіи. На оборотѣ надпись *Андрей страдалецъ*.

26 февраля 1772 года Арсеній сильно заболѣлъ. Онъ потребовалъ къ себѣ священника; пришедшій, по разрѣшенію коменданта, священникъ принялъ исповѣдь умирающаго и пріобщилъ его.

На третій день, въ 8 часовъ утра, земныя страданія Арсенія прекратились. Онъ перешелъ къ единому истинному и нелицепріятному Судіи.

Въ тотъ же день вечеромъ, послѣ такъ называемой „вечерней зари“ *), Арсеній былъ погребенъ въ русской Никольской церкви.

Доселѣ указываютъ мѣсто его погребенія у праваго клироса, въ придѣлѣ Успенія Богоматери, который впослѣдствіи былъ пристроенъ на могилѣ Арсенія.

Одежду, оставшуюся послѣ узника, велѣно раздать нищимъ. Книги: евангеліе, псалтирь и святцы—отдать духовнику почившаго, Никольскому священнику Кондратову.

Затѣмъ со священника и всей команды взята подписка—до конца жизни молчать о всемъ этомъ, подъ угрозою смертной казни.

*) Въ военной службѣ вечеромъ, въ наше время — въ 9 часовъ, играютъ вечернюю зарю, предъ которой бываетъ перекличка солдатъ и послѣ которой слѣдуетъ пѣніе общей молитвы.

Такъ думали изгладить память о несчастномъ Ростовскомъ митрополитѣ.

Замѣчательно, что главный дѣятель недоброй памяти тайной канцеляріи, Шишковскій, который допрашивалъ Арсенія, вѣроятно, изъ чувства раскаянія—по самую смерть свою посылалъ въ Ревель деньги на панихиду по немъ.

Трудно судить: было-ли то, дѣйствительно, необыкновенное событіе или лишь измышленіе народное, во всякомъ случаѣ очень ярко рисующее отношеніе народа къ опальному митрополиту: но вотъ что передаютъ.

Когда предъ смертью Арсенія пришелъ священникъ напутствовать его, онъ, только что войдя въ казематъ, въ страхѣ выбѣжалъ оттуда и сказалъ: „Вы мнѣ говорили, что надо исповѣдывать и пріобщить преступника, а предо мною стоитъ на колѣняхъ архипастырь въ полномъ облаченіи“.

Тогда приставъ вошелъ со священникомъ въ тюрьму. На койкѣ лежалъ арестантъ и сказалъ духовнику: „Сынъ мой, предъ тобою не митрополитъ, а недостойный рабъ Арсеній, идущій отдать отчетъ Господу Богу въ своей жизни. Видѣнное тобою чудо есть знаменіе Господне неизреченной милости Божіей: это значитъ, что душа моя скоро отлетитъ отъ скорбнаго тѣла“. Напутствовавъ страдальца, священникъ попросилъ у него благословенія себѣ. Умирающій далъ ему на память о себѣ свой молитвенникъ, на которомъ была надпись: „Смиренный митрополитъ Ростовскій Арсеній“.

Въ старинной тетради сохранилось еще другое описаніе. Находясь въ пути ссыльный упросилъ сопровождавшихъ его остановиться у ближайшей церкви, чтобы ему исповѣдаться и пріобщиться. Въ концѣ обѣдни, когда открылись царскія двери, Арсеній явился въ архіерейскомъ облаченіи и пріобщился у престола, какъ пріобщаются священники. Затѣмъ принялъ прежній видъ.

Тщетно старались изгладить изъ памяти народной

составленный изъ столь рѣзкихъ опредѣленныхъ чертъ сильный образъ Арсенія. Онъ привлекаетъ къ себѣ все больше и больше сочувствія; о немъ, съ трогательной вѣрой передавая и кое-что изъ элемента чудеснаго, о которомъ только что было упомянуто, знаютъ и говорятъ во многихъ православныхъ семьяхъ и кружкахъ, пріобрѣтаютъ его портреты, служатъ по немъ панихиды.

Одинъ почитатель его памяти, Орловскій помѣщикъ Лопухинъ, поставилъ ему памятникъ въ своемъ имѣніи.

Несомнѣнно, когда-нибудь личность и дѣла Арсенія Маціевича станутъ предметомъ всесторонняго ученаго изслѣдованія.

Цѣлью же настоящей статьи было напомнить именно о подвижнической, аскетической сторонѣ и ревности о правдѣ, какъ онъ ее понималъ, митрополита Арсенія.

И помимо чрезвычайной судьбы своей, Арсеній заслуживаетъ памяти, какъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія русскаго народа труженниковъ, достойный, въ этомъ, преемникъ святителя Димитрія, котораго каѳедру онъ занималъ и котораго открылъ мощи, составилъ и житіе его и службу ему. Какъ горячій защитникъ православія противъ лютеранства, когда оно сильно было и въ самыхъ высшихъ слояхъ, какъ глубоко сознательный патріотъ, приверженецъ всего того добраго, чѣмъ крѣпко и славно было русское прошлое, митрополитъ Арсеній представляетъ собою личность въ высшей степени замѣчательную.

Въ заключеніе приведемъ прекрасныя слова о немъ изъ книги г. И. Снегирева, по которой и составлена эта статья.

„Почти вся жизнь Арсенія представляетъ намъ непрерывную борьбу то съ духовною и свѣтскою властью, то съ раскольниками и вольнодумцами, то съ личными его врагами и гонителями. Въ его поступкахъ обличается его твердый до упорства, прямой до упрямства характеръ, который не поддается власти и не уступаетъ

силѣ, когда дѣйствія ихъ несогласны съ его убѣжденіями и правилами. Его личныхъ убѣжденій не поколебали ни царскій гнѣвъ, ни возстаніе на него собратій, ни лишеніе святительскаго сана, ни истома въ мрачной и душной тюрьмѣ, ни розыски Шишковскаго, ни угрожавшая ему смертная казнь. Обрекши себя на жертву за право собственности духовенства, Арсеній дѣйствовалъ не тайно, ни ухищренно, но прямо, открыто, писалъ и говорилъ смѣло съ самоотверженіемъ, потому что смотрѣлъ на дѣло свое какъ на дѣло Божіе, за которое стоять и жертвовать собою вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность... Народъ сострадая о немъ, какъ о несчастномъ пастырѣ, почиталъ его правдивымъ, благочестивымъ, ревностнымъ поборникомъ православія".

ГЛАВА VIII.

Изъ архіерейской жизни XVIII вѣка.—Нѣсколько типовъ архіереевъ.

Въ содержательнѣйшемъ и интереснѣйшемъ трудѣ П. В. Знаменскаго изъ эпохи Екатерины II содержится яркая картина архіерейскаго быта того времени, и мы воспользуемся его разсказомъ для ознакомленія съ этимъ бытомъ и съ типичными представителями архіерейства той эпохи.

Для домовыхъ услугъ архіереямъ дозволено было брать изъ прежнихъ ихъ вотчинъ по 40 и свыше служителей, т. к. при тогдашнемъ развитіи крѣпостного права рѣшительно невозможно было пріискать достаточнаго числа вольнонаемной прислуги ни для какого учрежденія болѣе или менѣе обширнаго. Но съ этими обязанными слугами на первыхъ порахъ было очень много хлопотъ по архіерейскимъ домамъ. Сдѣлавшись казенными, крестьяне не хотѣли идти въ холопскую службу къ своимъ прежнимъ вотчинникамъ, тѣмъ болѣе, что для нея надо было отрываться отъ своего собственнаго хозяйства и пашни. Извѣстно, что и въ послѣднее время до эмансипаціи крестьянъ служба при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ замѣняла для экономическихъ крестьянъ солдатчину и неслась съ большой неохотой. Послѣ изданія штатовъ 1767 года эти невольные служители бѣгали изъ архіерейскихъ домовъ и послѣдніе должны были прибѣгать для возвращенія

ихъ къ помощи полиціи и военныхъ командъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ Тамбовской епархіи, гдѣ почти всѣ служители взятые изъ вотчинъ, разбѣжались изъ архіерейскаго дома и возвращены были назадъ не ранѣе года при помощи совокупныхъ усилій тамбовской и штатской воеводскихъ канцелярій и военной команды, которая должна была силой принуждать ихъ къ повиновенію. Прибавимъ ко всему сказанному еще то, что вмѣстѣ съ изданіемъ штатовъ уничтожено было церковное тягло, вслѣдствіе чего архіерейскіе дома лишились важнаго источника своего дохода—именно сборовъ съ церквей и духовенства.

Архіереямъ приходилось отказывать себѣ во многихъ привычныхъ расходахъ для того, чтобы сводить концы съ концами въ своемъ хозяйствѣ, а между тѣмъ вѣкъ Екатерины былъ вѣкомъ необыкновенной пышности, требовалъ отъ нихъ вельможеской обстановки, громадныхъ расходовъ за кареты, бархатныя рясы, посохи, на гайдуковъ и вершниковъ, на хоры пѣвчихъ, наконецъ, на широкіе и разорительные пріемы всей губернской знати по праздникамъ. Все это было такъ принято въ то время, такъ обязательно, и можетъ-быть такъ нужно для поддержанія начальственнаго величія и сильно поколебленнаго авторитета святительскаго сана, что архіереи одинъ передъ другимъ соревновали въ пышной обстановкѣ болѣе, чѣмъ въ прежнее лучшее для нихъ время—вотчиннаго владѣнія церкви. Мы уже знаемъ касательно этого предмета нѣсколько выразительныхъ фактовъ изъ біографіи Амвросія Зертисъ-Каменскаго и м. Платона. Даже такіе архіереи, которые по своему характеру менѣе всего способны были къ роскоши, должны были невольно удовлетворять вкусу времени.

М. Гавріилъ суровый аскетъ въ домашней жизни, питавшійся одной капицей съ сухарями, въ публикѣ и при блестящемъ дворѣ являлся въ богатой одеждѣ

въ знакахъ своего сана, усыпанныхъ жемчугомъ и алмазами, задавалъ дорогіе обѣды частымъ гостямъ и даже отступалъ иногда отъ строго-хранимыхъ имъ правилъ церкви, вкушая ради другихъ въ посту рыбу. Нѣкоторые архіереи для большей пышности своего богослуженія въ особенно торжественные дни приглашали парикмахеровъ, которые передъ обѣдней завивали и пудрили по требованію современной моды пѣвчихъ и даже иподіаконовъ служившихъ при облаченіи архіерея. Въ разныхъ епархіяхъ доселѣ еще свѣжи преданія о блестящей обстановкѣ архіереевъ Екатерининскаго времени.

Вотъ, между прочимъ, одинъ отрывокъ изъ воспоминаній современника (купца Сухорукова) о Веніаминѣ Казанскомъ. „Въ соборъ ѣздилъ къ служенію отъ загороднаго своего дома очень церемоніально: большой экипажъ, по тогдашнему названію берлинъ, весь блисталъ золотомъ; упряжь въ 6 лошадей всегда была въ шорахъ, кучеръ на козлахъ одѣтъ въ нѣмецкій кафтанъ съ огромными обшлагами и въ треугольной шляпѣ, съ длиннымъ въ рукахъ бичемъ. Впереди кареты ѣхали 2 вершника въ зеленыхъ епанчахъ, одинъ въ рукѣ держалъ архіерейскую мантію, другой—посохъ. По пріѣздѣ къ собору, по выходѣ изъ берлина, преосвященный надѣвалъ на себя мантію, бралъ посохъ и такъ входилъ въ церковь“.

Подобные же разсказы сохранились и о преемникѣ его Антоніи Зыбелинѣ, о Дамаскинѣ Рудневѣ нижегородскомъ, который уже своею слишкомъ роскошною и свѣтской жизнью навлекъ на себя даже неудовольствіе духовнаго начальства и получилъ письменный выговоръ отъ м. Гавріила, и о многихъ другихъ архіереяхъ. Второй преемникъ Веніамина Казанскаго Амвросій Подобѣдовъ по роскошной и широкой жизни, по пышности въ богослуженіи и свѣтской ловкости, получилъ въ Казани названіе „прелата“. Въ загородномъ архіерей-

скомъ домѣ, называемомъ Іерусалимомъ, который онъ великолѣпно обстроилъ, часто устраивались лѣтніе вечера, на которые по словамъ О. Моньшикова съѣзжались „представители казанскаго общества помѣщики и люди чиновные съ женами и дочерьми... давались празднества съ пѣніемъ архіерейскихъ пѣвчихъ, иллюминаціей, фейерверками и великолѣпными ужинами. Казанское дворянство очень любило гостепріимнаго Амвросія, слава о немъ достигла до Петербурга. Екатеринѣ всегда нравилось, если архіереи живутъ въ ладахъ съ дворянами".

Были особаго рода торжества очень дорогія и вмѣстѣ обязательныя для архіереевъ, которыя они несли, какъ повинность на ряду съ другими губернскими начальствами,—это по случаю радостныхъ государственныхъ событій, семейныхъ радостей высочайшаго дома и нѣкоторыхъ табельныхъ праздниковъ. Торжества эти совершались обыкновенно сначала губернаторомъ, мѣстнымъ дворянствомъ и горожанами, потомъ продолжались на счетъ архіерейскаго дома, который долженъ былъ употреблять при этомъ всѣ свои финансовыя силы, чтобы не отстать отъ свѣтскихъ вѣрноподданныхъ Государыни-любительницы всякихъ овацій. Пѣвчіе пѣли концерты или особые канты, для чего разряживались обыкновенно въ бѣлыя одежды, пудрились, причесывались, снабжались вѣнками и ваіями; на архіерейскомъ дворѣ ставились столы для угощенія народа, а въ залахъ приготовлялось пиршество для всей губернской знати, продолжавшееся за полночь съ многочисленными тостами, музыкой, пушечными выстрѣлами и блестящимъ фейерверкомъ. До насъ дошли подробныя описанія двухъ такихъ праздниковъ, отпразднованныхъ Костромскимъ архіереемъ Симономъ Лаговымъ въ Игнатьевскомъ монастырѣ (гдѣ онъ имѣлъ пребываніе) по случаю заключенія мира съ Турціей 1777 года и по случаю рожденія в. к. Александра Павловича, въ

1778 г. Желающіе могутъ познакомиться съ этими описаніями изъ біографіи Симона Лагова, напечатанной въ Странникѣ за 1870 г.

Штатной суммы далеко не хватало для одной приличной по тогдашнему обстановки, а между тѣмъ, главнымъ образомъ, на архіереяхъ же лежало множество другихъ еще болѣе существенныхъ расходовъ на епархіальныя и учебныя нужды. Особенно настоятельны были нужды духовно-учебныхъ заведеній, для которыхъ штаты, вопреки всѣмъ блестящимъ обѣщаніямъ правительства въ началѣ дѣла о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ на дѣлѣ оказались крайне скупы и которыя почти по старому остались на содержаніи отъ епархіальныхъ средствъ. Изъ епархій стало посылаться въ Петербургъ множество просьбъ о прибавочныхъ ассигновкахъ преимущественно на постройки или поправки каѳедральныхъ соборовъ, архіерейскихъ домовъ и семинарій. Но на большую часть подобныхъ просьбъ изъ Петербурга присылали отказы. Можно сказать, вообще, что получить что-нибудь лишнее противъ штатныхъ ассигновокъ могли только тѣ изъ архіереевъ, которые пользовались почему-нибудь вниманіемъ Императрицы, или которыхъ она считала неловкимъ обидѣть, а также тѣ, которые успѣвали сообщить ей о своихъ нуждахъ лично во время проѣзда ея черезъ ихъ епархіи, когда она особенно любила сіять щедростью. Примѣры отказовъ были иногда довольно замѣчательны. Такъ, послѣ Пугачевскаго разгрома Казани Императрица по первому впечатлѣнію при извѣстіи объ этомъ бѣдствіи велѣла казанскому губернатору кн. Мещерскому составить подробную смѣту для необходимыхъ поправокъ въ казенныхъ зданіяхъ и, между прочимъ, для поправокъ архіерейскаго дома, каѳедральнаго собора, семинаріи и новокрещенскихъ школъ. Мещерскій составилъ смѣту на означенныя духовныя учрежденія въ 54,541 рубль. Епархіальное начальство съ нетерпѣніемъ ожидало утвержденія

этой смѣты, ждало долго и не дождалось. Въ 1788 году указомъ Св. Синода было предписано, чтобы ветхости въ означенныхъ зданіяхъ исправлены были на сумму, отпускаемую по штатамъ, отнюдь не требуя больше изъ казны, при этомъ Синодъ извѣщалъ, что о томъ въ Сенатѣ состоялось общее опредѣленіе относительно всѣхъ оказывающихся, по духовнымъ мѣстамъ, ветхостей.

Мало-по-малу, съ распространеніемъ образованія, изглаживалась та грубость, которая отличала раньше отношенія многихъ владыкъ къ ихъ подчиненнымъ и примѣръ которой мы видѣли въ обращеніи начальства съ Гедеономъ и Платономъ. Само собою понятно, что новыя требованія не могли вдругъ проникнуть въ практику епархіальной жизни. Отношенія къ подчиненному духовенству и высшихъ и низшихъ его властей долго еще удерживали черты прежней грубости и суровости, противъ которыхъ возставало новое время. Въ началѣ правленія Екатерины, уже послѣ уничтоженія церковнаго тягла, по епархіямъ оставалось довольно архіереевъ, представителей стараго іерархическаго духа.

Таковы, напримѣръ, были тамбовскіе архіереи Пахомій Симанскій и Ѳеодосій Голосницкій. Первый сдѣлался извѣстенъ своей суровостью еще при Императрицѣ Елизаветѣ, по случаю суроваго разбора духовенства, при чемъ попавшихъ въ подушный окладъ церковниковъ онъ властной рукою раздаривалъ въ крѣпость разнымъ своимъ знакомымъ помѣщикамъ, какъ своихъ крѣпостныхъ. Бѣда была, разсказывалъ о немъ авторъ описанія Тамбовской епархіи, священнослужителю подпасть ему подъ судъ. Виновныхъ внезапно схватывали и везли въ консисторію, при чемъ грубые консисторскіе пристава на счетъ ихъ же домоваго имущества при самомъ ихъ арестѣ брали себѣ большую плату за свой трудъ. Затѣмъ, арестанты попадали въ консисторскую тюрьму, гдѣ ихъ и держали неопредѣленное время; никакихъ объясненій и оправданій отъ нихъ не прини-

малось, да и трудно было оправдываться изъ крѣпкой тюрьмы. Нерѣдко священнослужительскія жены и дочери дѣвицы отправлялись пѣшія въ Синодъ и тамъ получали справедливую защиту своимъ мужьямъ и отцамъ; но оправданный все-таки непремѣнно долженъ былъ перейти въ другую епархію, потому что тутъ ему уже было не житье.

Отъ притязаній архіерея бѣжали изъ епархіи и многіе другіе. Замѣчательно, что вины преступниковъ подвергавшихся тяжкимъ наказаніямъ, состояли иногда лишь въ простомъ неосторожномъ словѣ передъ архіереемъ безъ всякаго умысла. Ставленники должны были платить передъ поставленіемъ по 10—50 р. на колокола, до которыхъ Пахомій былъ страстный охотникъ. Кто не давалъ, тотъ получалъ отказъ въ посвященіи, а то даже попадалъ подъ плети или въ консисторскую тюрьму.

Вмѣстѣ съ дьячками эти ставленники должны были нести на себѣ тяжкія работы въ пользу архіерейскаго дома въ теченіи иногда 5 лѣтъ; ихъ заставляли рыть рвы около архіерейскаго дома, выкладывать ихъ дерномъ, носить кирпичи на колоколитный заводъ, очищать мѣсто для конюшеннаго двора, бить на рѣкѣ сваи для постройки архіерейской бани, переправлять по рѣкѣ лѣсъ изъ архіерейскихъ дачъ, для построекъ при архіерейскомъ домѣ, возить на себѣ снѣгъ и проч. Во время этихъ работъ они доходили до крайней нищеты, въ лохмотьяхъ отправлялись въ Св. Синодъ жаловаться и просить посвященія на какія-нибудь мѣста въ другихъ епархіяхъ. Св. Синодъ неоднократно посылалъ Пахомію строгіе выговоры, наконецъ, въ 1766 году перевелъ его въ Устюгъ на мѣсто Ѳеодосія Голосницкаго, котораго перевелъ въ Тамбовъ на его мѣсто. Но и въ Устюгѣ въ первый же годъ онъ возбудилъ противъ себя такую ненависть и злобу, и столько жалобъ, что Св. Синодъ нашелся вынужденнымъ совсѣмъ уволить его на покой

сначала въ Московскій Новоспасскій монастырь, потомъ въ Андроніевъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1789 г. Любопытно, что и въ томъ, и въ другомъ монастырѣ памятникомъ его пребыванія осталось нѣсколько вылитыхъ имъ колоколовъ.

Архіереи этого типа кончали дурно при Екатеринѣ. Новое время требовало новыхъ архіереевъ съ новыми понятіями и нравами. Вѣкъ Екатерины, выставившій столько блестящихъ историческихъ личностей на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, оставилъ послѣ себя достаточное количество славныхъ именъ и на страницахъ нашей церковно-административной жизни. Замѣчательно, что всѣ почти лучшіе люди въ ряду тогдашнихъ нашихъ архіереевъ были изъ великорусскихъ уроженцевъ и воспитанниковъ великорусскихъ учебныхъ заведеній. Свѣжія силы, доселѣ сдавленныя подъ гнетомъ устарѣвшей уже по своему направленію, на все еще ревнивой къ своей власти и первенствующему положенію малороссійской партіи іерарховъ, на первыхъ порахъ выступили на свое историческое поприще съ необыкновенной энергіей.

Первое мѣсто между этими новыми іерархами мы, разумѣется, должны дать святителю Тихону Воронежскому. Жизнь его требуетъ внимательнаго, долговременнаго и притомъ практическаго изученія для всякаго церковнаго дѣятеля и христіанина. Мы можемъ коснуться ея теперь только въ нѣсколькихъ бѣглыхъ и слабыхъ чертахъ. Личность его представляетъ собою полное соединеніе съ высокимъ христіанскимъ духомъ всего, что только было лучшаго въ жизни его вѣка, но что въ жизни этой являлось и даже намѣренно выставлялось въ отрѣшенномъ отъ христіанства и потому постоянно слабомъ и искаженномъ видѣ. Это былъ человѣкъ преимущественно живого практическаго направленія, у котораго мысль и дѣло не расходились, который не могъ успокоиться на однихъ идеяхъ, какъ большая

часть передовыхъ людей его времени, вполнѣ удовлетворявшаяся не только идеями, а иногда просто одними ходячими тогда модными фразами, но неудержимо стремился воплотить эти идеи въ живой практикѣ.

Направленія этого не могла ослабить въ немъ ни тогдашняя семинарская наука, отличавшаяся схоластическими отвлеченностями и совершенно чуждая народности, ни усиленный аскетизмъ, которому онъ предавался и который менѣе живую натуру легко могъ замкнуть въ религіозномъ эгоизмѣ, отчужденіи отъ всего внѣшняго и въ исключительныхъ заботахъ объ одномъ собственномъ духовномъ благѣ и вѣчномъ спасеніи. Своимъ богословскимъ знаніямъ онъ съумѣлъ придать глубокую жизненность и народность, съумѣлъ соединить свой аскетизмъ съ замѣчательной практической дѣятельностью строжайшую мораль по монастырскимъ правиламъ съ живымъ пониманіемъ всѣхъ человѣческихъ слабостей и любовнымъ къ нимъ снисхожденіемъ, высокій нравственный идеалъ съ требованіями дѣйствительной жизни и ея разными случайностями.

Образъ его, какимъ его рисуетъ предъ нами его житіе, отъ этого въ высшей степени человѣченъ, а оставшіяся послѣ него творенія по своей жизненности и популярности предс'авляютъ образецъ христіанскаго нравоученія, равный которому мы едва-ли найдемъ въ нашей церковной литературѣ..

Сынъ бѣднаго и многосемейнаго дьячка новогородской епархіи, оставшійся сиротой съ самаго младенчества, онъ рано вытерпѣлъ всѣ невзгоды нищаго и голоднаго люда и практически познакомился съ жизнью бѣднаго простонародья. Мать едва не отдала его въ работники къ одному ямщику, и только старшій братъ его, бѣдный причетникъ, заступился за него, оставилъ его при семьѣ, далъ возможность выучиться грамотѣ, потомъ включилъ его на послѣднія свои крохи въ новгородскую семинарію. Но крохъ этихъ было немного

у брата-благодѣтеля. Дома 14-лѣтній Тимофей (мірское имя святит. Тихона) долженъ былъ зарабатывать хлѣбъ, нанимаясь въ поденщики къ богатому мужику; въ семинаріи нанимался у огородниковъ копать гряды, пока не попалъ на благодѣтельную бурсу. Но и въ бурсѣ житье было очень бѣдно, давали одинъ только хлѣбъ и пріютъ. Онъ долженъ былъ лишать себя половины казенной порціи этого хлѣба, чтобы продавъ накопленные, такимъ образомъ, куски его, купить себѣ на вырученныя деньги свѣчку для занятій. Товарищи смѣялись надъ его отоптанными лаптями, и, найдя ихъ подъ койкой, начнутъ бывало ими махать на него съ припѣвомъ: „величаемъ тя!“ Но и эти отоптанные лапти были слишкомъ роскошной для него обувью, такъ что онъ старался обходиться и безъ нихъ.

Такъ прошли всѣ годы семинарскаго курса до 1754 г. Затѣмъ, въ жизни его, какъ лучшаго воспитанника, слѣдовали учительство и монашество, къ которому онъ всегда чувствовалъ внутреннее призваніе, и обычныя передвижки по учительскимъ и монашескимъ степенямъ до архимандритства и семинарской ректуры (въ тверской семинаріи). Онъ сталъ имѣть достатокъ, могъ вызвать къ себѣ на житье бѣдную сестру, которая доселѣ кормилась въ Коропкѣ поденной работой, нанимаясь у обывателей мыть полы. Но поднявшись на такую служебную высоту, молодой архимандритъ не забылъ, какъ другіе его собратья, своей прежней жизни, остался такимъ же, какимъ былъ въ семинаріи, человѣкомъ простымъ, другомъ народа, горячо симпатизирующемъ жизни бѣдныхъ простолюдиновъ, прибѣжищемъ всѣхъ голодныхъ и холодныхъ. Его шесть книгъ „объ истинномъ христіанствѣ“, которыя остались памятникомъ его богословскаго преподаванія въ тверской семинаріи, показываютъ, что его прямой, здравый и практическій умъ не былъ порабощенъ и испорченъ господствовавшей тогда въ богословіи схоластикой, не пріучился къ

пустой игрѣ въ одну діалектику. Каждая страница этихъ книгъ свидѣтельствуетъ, что онъ менѣе всего наклоненъ былъ показывать разные фокусы богословской діалектики, и всегда имѣлъ въ виду лишь выяснить взятую для изученія богословскую мысль по разуму православной церкви, выяснить какъ можно короче, доступнѣе для всѣхъ, даже самыхъ простыхъ слушателей, и кромѣ того, сдѣлать эту мысль началомъ для ихъ жизни и дѣятельности. Слѣды такого направленія богословской науки мы замѣчаемъ у всѣхъ ученыхъ великоруссовъ того времени, старавшихся оживить богословіе послѣ вреднаго для него вліянія мертвящаго духа кіевской схоластики; но никто въ этомъ случаѣ не превзошелъ еще св. Тихона, можно безъ преувеличенія сказать, даже доселѣ. Замѣчательно, что имѣя въ виду религіозное образованіе народа, онъ едва-ли не первый изъ нашихъ церковныхъ дѣятелей пришелъ къ мысли о необходимости перевести все Св. Писаніе на общедоступный русскій языкъ и даже приступилъ уже къ этому труду, но скоро оставилъ его, убоявшись соблазна для тѣхъ, которые привыкли къ славянскому переводу.

Великоруссы только лишь начали тогда подниматься на высшія церковныя мѣста. Димитрій Сѣченовъ, общій ихъ покровитель, замѣтилъ св. Тихона, и въ 1761 году сдѣлалъ его своимъ викаріемъ. Смиренный архимандритъ не думалъ попасть на высокій постъ епископства; мечтой его было выстроить себѣ скромную келью въ монастырѣ и уединиться въ нее для аскетическихъ подвиговъ, отказавшись и отъ тѣхъ должностей, какія онъ несъ по управленію семинаріей въ монастырѣ. Онъ со слезами разстался со своею тверскою братіей и поѣхалъ въ Петербургъ, на посвященіе.

Въ Новгородѣ его съ не малымъ смущеніемъ ждали его товарищи, которыя нѣкогда смѣялись надъ его нищетой, а теперь, будучи на разныхъ церковныхъ мѣстахъ,

вдругъ попали къ нему подъ начальство, со смущеніемъ ждала даже облагодѣтельствованная имъ сестра. Но когда онъ прибылъ, всѣ увидѣли, что онъ ни мало не измѣнился отъ почестей, остался тѣмъ же простымъ и незлобивымъ Тимофеемъ, которому бывало кадили подъ носъ лаптями. На епископствѣ его замѣтила сама Екатерина, тогда озабоченная замѣщеніемъ важнѣйшихъ іерархическихъ должностей новыми людьми изъ великороссовъ въ виду готовившихся церковныхъ реформъ; и на другой же годъ по восшествіи своемъ на престолъ указала дать ему самостоятельную епископскую каѳедру въ Воронежѣ.

Первой его заботой здѣсь было завести училищные курсы для бѣдныхъ дѣтей духовенства, образовать само духовенство, поднять его изъ униженія, въ какомъ оно находилось въ этомъ дикомъ казацкомъ краѣ, и возвысить уровень его нравственнаго развитія. Это былъ въ высшей степени добрый и общедоступный архіерей, совершенно чуждый того вельможнаго духа, который проникалъ тогда въ отношенія къ духовенству большей части другихъ архіереевъ, успѣвшій связать себя съ духовенствомъ какими-то сердечными, почти семейными узами. Онъ первый изъ нашихъ іерарховъ требовалъ отъ своихъ консистористовъ и другихъ епархіальныхъ чиновъ, чтобы они уважали духовное лицо, какъ служителя храма Божьяго, и въ самыхъ судныхъ дѣлахъ обращались со священнослужителями съ подобающимъ почтеніемъ. Задолго раньше правительствованныхъ указовъ, старавшихся смягчить суровый характеръ епархіальной администраціи, въ Воронежской епархіи уже вовсе не слышно было о прежнихъ суровыхъ и унизительныхъ наказаніяхъ духовенства.

Св. Тихонъ относился къ нему не какъ владыка, а какъ старшій братъ, раздѣляющій съ нимъ интересы одного и того-же священнаго служенія; въ самыхъ наказаніяхъ виновнымъ священнослужителямъ сквозь на-

чальственныя распоряженія по требованію архипастырскаго долга видимъ глубоко-человѣчное любовное отношеніе къ павшему собрату. Есть преданія, какъ лишивъ недостойнаго священнослужителя мѣста, добрый святитель потомъ дѣлался постояннымъ отцомъ и благодѣтелемъ какъ его, такъ и всего его семейства.

Въ то же время онъ съ большой энергіей старался защищать свое духовенство отъ своеволія и насилій казацкихъ начальствъ и разныхъ свѣтскихъ сильныхъ лицъ. Такимъ же сердечнымъ характеромъ отличались его отношенія къ паствѣ. Для возвышенія нравственно-религіознаго образованія народа, онъ ввелъ въ своей епархіи сказываніе катехизическихъ поученій, и самъ часто говорилъ поученія и издавалъ сочиненія для народа. Не ограничиваясь этимъ, онъ являлся самъ въ дома горожанъ, когда требовалось его утѣшеніе, наставленіе, пастырское участіе въ обстоятельствахъ частной ихъ жизни. Въ притоны бѣдности, въ тюрьмы онъ ходилъ въ рясѣ простого монаха съ утѣшеніемъ и богатою милостыней, на которую тратилъ все свое личное достояніе.

Проводя высоко-подвижническую жизнь, необыкновенно строгій къ себѣ, онъ былъ столько же снисходителенъ къ другимъ, отличался моралью, принимавшей въ расчетъ всѣ человѣческія слабости, безъ духа ригористической обрядности, въ которую по самой природѣ своей склоненъ впадать аскетизмъ. Онъ говаривалъ иногда, что еслибы онъ управлялъ монастыремъ, то лучше бы благословилъ престарѣлымъ и немощнымъ монахамъ для несенія трудовъ употреблять скоромную пищу, а хмѣльного питія вовсе не вкушать.

Кротость и смиреніе его не знали предѣловъ. Горячій отъ природы и нервный отъ болѣзни онъ умѣлъ до того проникнуться этими христіанскими добродѣтелями, что до земли кланялся своимъ келейникамъ, если видѣлъ, что они оскорбились какъ-нибудь его замѣчаніемъ; оби-

дѣвшаго его онъ первый начиналъ умолять: „простите меня ради Бога, что я ввелъ васъ въ искушеніе“.

Разъ въ одномъ домѣ онъ сталъ опровергать одного дворянина, щеголявшаго при немъ идеями модной философіи XVIII вѣка, и при всей кротости своей рѣчи опровергалъ его такъ мѣтко, что тотъ вышелъ изъ себя и ударилъ его по щекѣ. Смиренный святитель тутъ же упалъ ему въ ноги, и просилъ у него прощенія; это такъ поразило обидчика, что онъ расплакался и съ этихъ поръ сдѣлался хорошимъ христіаниномъ.

Простой народъ видѣлъ въ немъ отца и заступника предъ сильными міра. Онъ любилъ бесѣдовать съ ними объ ихъ нуждахъ, съ опытнымъ знаніемъ ихъ быта вникалъ въ самыя мелкія обстоятельства ихъ жизни, и никто не уходилъ отъ него безъ утѣшенія, совѣта, и иногда значительнаго матеріальнаго пособія. Онъ не давалъ себѣ отдыха отъ дѣлъ, коихъ всегда много у подобныхъ людей; до обѣда имѣлъ дѣло съ епархіальными бумагами и толпой просителей, послѣ обѣда до полночи писалъ свои поученія и пастырскія увѣщанія къ духовенству и народу.

Несмотря на молодость, онъ 39-ти лѣтъ вступилъ на епархію, онъ выдержалъ только $4^1/_2$ года этой неутомимой жизни и до того разстроилъ свое здоровье, что долженъ былъ проситься на покой. Въ своихъ прошеніяхъ объ увольненіи онъ представлялъ, что не можетъ заниматься дѣлами какъ должно и сколько должно, и потому боится страшнаго отвѣта за удержаніе своего мѣста, но какъ неизбѣжно долженъ попускать упущенія по болѣзни. Св. Синодъ уволилъ его на жительство въ Задонскій монастырь съ пенсіей 400 р. въ годъ. Но удалившись, онъ сталъ думать, что мало сдѣлалъ для Церкви и общества. Предаваясь монашескимъ подвигамъ, св. Тихонъ, и въ уединеніи своей кельи продолжалъ свое общественное служеніе. Въ его жизни какъ бы воскресло древнее цвѣтущее монашество, такъ хорошо

умѣвши соединять аскетизмъ съ общественной дѣятельностью. Въ задонской кельѣ написана была большая часть сочиненій учительнаго и народнаго святителя и множество келейныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Она сдѣлалась источникомъ просвѣщенія христіанскаго для обширнаго круга. Къ ней стекался народъ изъ далекихъ окрестностей, чтобы получить благословеніе и наставленіе св. человѣка. Какъ нѣкогда древніе пустынники, онъ былъ миротворцемъ между окрестными помѣщиками, заступникомъ крестьянъ предъ ихъ жестокими господами ходатаемъ за безвинно-осужденныхъ на судѣ въ Задонскѣ и въ Ельцѣ. Все, что давали ему знакомые на его потребу, онъ раздавалъ неимущимъ, такъ что послѣ смерти его у него нашли только образа, книги, нѣсколько никуда негодныхъ вещей изъ домашняго скарба и 14 р. денегъ, какъ онъ не успѣлъ раздать. Жизнь его въ монастырѣ впрочемъ относится къ исторіи современнаго ему монашества, гдѣ оно занимаетъ собой самую свѣтлую страницу.

Преемникомъ его по воронежской епархіи былъ переведенный изъ Сѣвска преосв. Тихонъ Якубовскаго, о которымъ находимъ весьма сочувственный отзывъ даже въ запискахъ Добрынина.

Въ другихъ епархіяхъ съ самаго начала царствованія Екатерины тоже повѣяло новымъ духомъ.

Нѣсколько позднѣе св. Тихона въ 1769 посвященъ былъ въ епископы его бывшій школьный товарищъ и другъ Симонъ Лаговъ и до конца XVIII столѣтія святительствовалъ сначала въ костромской (до 1778 г.), потомъ въ рязанской епархіяхъ. Воспитанные въ одной и той же семинаріи подъ руководствомъ общаго покровителя Димитрія Сѣченова, вмѣстѣ въ одинъ день (въ Лазареву субботу 1758 г.), по его благословенію постриженные, долгое время вмѣстѣ служившіе при новгородской семинаріи, св. Тихонъ и Симонъ отличались многими, совершенно сходными чертами характера.

Біографія Симона описываетъ его святительскую, дѣятельность и духъ его управленія въ чертахъ иногда дословно одинаковыхъ съ житіемъ св. Тихона. И у того, и у другого видимъ ту-же заботливость о просвѣщеніи народа и духовенства, о возвышеніи нравственнаго уровня и общественнаго положенія послѣдняго, ту-же неутомимую дѣятельность ту-же почти благостность, выражавшуюся въ отеческихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, въ простотѣ обращенія съ ними, въ щедрой благотворительности всѣмъ нуждавшимся и т. п. Какъ и пр. Тихонъ, Симонъ избѣгалъ суровыхъ наказаній и нерѣдко старался строгость по необходимости смягчать благотворительностью къ наказанному. Также любилъ обращаться съ простыми и бѣдными людьми, являться къ нимъ въ рясѣ простого монаха, неузнанный для личной помощи въ бѣдѣ и скудости, ходатайствовать за нихъ передъ властями, мирить ссорющихся, и пр. Также отличался незлобіемъ и непрощеніемъ въ случаѣ обидъ, самъ первый прося прощенія у обидчика. Память объ этой благостности добраго святителя передана его современниками своимъ дѣтямъ и по свидѣтельству его біографа (преосв. Макарія орловскаго), доселѣ еще хранится на мѣстѣ его долгаго святительскаго служенія.

Въ Смоленскѣ съ 1761 г. до конца царствованія Екатерины занималъ святительскую каѳедру бывшій ректоръ св. Тихона и Симона, потомъ викарій Димитрія Сѣченова, Парѳеній Ропковскій. Въ историческомъ описаніи смоленской епархіи разсказываютъ о немъ, что онъ снисходительно сносилъ грубости духовныхъ лицъ, повторявшіяся неоднократно, и употреблялъ самыя мягкія наказанія провинившимся большей частью только для того, чтобы „попугать“, какъ онъ выражался, стараясь смягчить грубые нравы смоленскаго духовенства своими нравственными вразумленіями и возвышеніемъ его образованія. „Нѣкоторыя распоряженія преосвященнаго“, читаемъ здѣсь, „показываютъ, что онъ хотѣлъ поставить

духовенство въ почтительномъ отношеніи къ мірянамъ, или покрайней мѣрѣ, избавить его отъ униженія. Такъ онъ запрещалъ незваннымъ славить, водить сообщество съ крестьянами, при освященіи церквей мыла и утиральниковъ не расхватывать, не домогаться за требы сверхъ положеннаго". Сюда же относятся его запрещенія священникамъ при славленіи водить за собой по домамъ свои семейства и дѣятельныя мѣры противъ крайняго развитія въ причтахъ и монастыряхъ пьянства, которое особенно доставляло скорбь благочестивому владыкѣ.

„Свойства души этого архипастыря ясно выражаются въ самомъ наказаніи виновныхъ. Хотя тѣлесныя наказанія священниковъ, діаконовъ и монаховъ были запрещены въ царствованіе Екатерины, но много еще оставалось другихъ мѣръ исправленія не менѣе тяжкихъ, а церковниковъ по прежнему позволялось тѣлесно наказывать при консисторіи. Но такія наказанія при немъ были рѣдкостью, большей частью онъ предписывалъ заключеніе въ монастырь на черныя работы, пость по середамъ и пятницамъ и поклоны". Если консисторія назначала тѣлесное наказаніе, онъ его отмѣнялъ и замѣнялъ какой нибудь изъ упомянутыхъ, притомъ съ разными смягченіями, нельзя ли надѣяться на исправленіе и безъ нихъ. „Одинъ священникъ съ дьякономъ въ нетрезвомъ видѣ совершали бракосочетаніе, и даже неизвѣстно, окончено ли оно было и нѣтъ. Консисторія принудила сослать въ монастырь на годъ того и другого и жить имъ тамъ на своемъ содержаніи. Рѣшеніе было великимъ постомъ. Преосвященный согласился со мнѣніемъ консисторіи, но прибавилъ отъ себя: только объявить имъ указъ на Осмикой недѣлѣ, а до того времени приказать благочинному, чтобы онъ наблюдалъ ихъ, какъ они св. поста дни и св. Пасхи будутъ проводить и о томъ рапортовать. Можетъ быть, это было уже слишкомъ снисходительное рѣшеніе, но крайней мѣрѣ въ немъ видна вся мягкая, человѣколюбивая душа архипастыря"

*

Въ обращеніи съ подчиненными, продолжаетъ его біографъ, онъ былъ, необыкновенно кротокъ и общедоступенъ. Во время обозрѣнія епархіи случилось ему присутствовать при литургіи въ сельской церкви, діаконъ вѣрно отъ торопливости или смущенія читалъ не то евангеліе, какъ положено было въ тотъ день; священникъ желая его поправить, употреблялъ для того разные жесты. Владыка, обратившись къ священнику, замѣтилъ: „Оставь его; теперь не время и не мѣсто прерывать читающаго, хотя онъ и не то читаетъ, но все равно святое“.

По разсказамъ современниковъ, лично его знавшихъ, онъ вообще былъ человѣкъ смиренный, незлобивый, благожелательный всѣмъ, милостивый къ бѣднымъ, нищимъ, вдовамъ и сиротамъ. Стараясь о распространеніи образованія въ духовенствѣ, онъ съ особенной любовью заботился о мѣстной семинаріи, много на нее жертвовалъ, самъ наблюдалъ за ходомъ преподаванія и успѣхами учениковъ, съ которыми обращался очень ласково. Часто съ ранняго утра приходилъ онъ въ классы, закупивъ по дорогѣ кренделей и булокъ для подарковъ болѣе успѣшнымъ мальчикамъ, слушалъ вмѣстѣ съ ними утреннія молитвы, спрашивалъ уроки и присутствовалъ на лекціяхъ. Пользуясь уваженіемъ императрицы, которая сдѣлала его пожизненнымъ членомъ св. Синода, онъ успѣлъ испросить у нея значительную прибавку къ скудному 2,000 окладу семинаріи (прибавка въ 2,500 руб.), и кромѣ того въ разныя времена получилъ отъ монаршихъ щедротъ до 10,000 руб. на постройку собора, въ пользу соборянъ, и для вдовъ и сиротъ. Нестяжательность и щедрость его простиралась до того, что онъ никогда не имѣлъ у себя ни денегъ, ни лошадей съ экипажемъ, ни разныхъ иногда необходимыхъ вещей, былъ постоянно долженъ экономy архіерейскаго дома, забирая свое жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, и кромѣ того часто занималъ по мелочи, на-

примѣръ, по одному рублю у казначея, келейника или у кого-нибудь другого, кто около него случится, но никогда не отказывалъ обращавшемуся къ нему за помощью.

По смерти его (въ 1795 г.) смоленская консисторія рапортавала св. Синоду, что покойникъ завѣщалъ, по отдаленности смоленской епархіи отъ другихъ и по малому количеству оставшагося послѣ него имѣнія, для погребенія его не просить никого изъ епархіальныхъ архіереевъ.

Къ этому же разряду нашихъ тогдашнихъ святителей нужно присоединить митрополита Гавріила. Не увлекаясь духомъ современнаго вельможества, къ коему болѣе другихъ его собратій могли располагать его и высота почестей, и окружавшая его придворная среда, онъ до конца дней своихъ сохранялъ монашескую простоту въ обращеніи и съ высшими и съ низшими, былъ доступенъ для всѣхъ, кто имѣлъ до него надобность, и подъ суровой наружностью проявлялъ доброе и любящее сердце, которое откликалось на всякій призывъ нуждающагося. Благотворительность его была извѣстна всѣмъ и въ архивѣ конторы новогородскаго архіерейскаго дома сохранилось множество просительныхъ къ нему писемъ отъ разныхъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія съ его собственными рѣшеніями.

Интересны отношенія нѣкоторыхъ преосвященныхъ къ подвѣдомственнымъ имъ чиновникамъ.

Въ московской и другихъ великорусскихъ епархіяхъ провинившихся чиновниковъ оставляли иногда безъ обѣда какъ школьниковъ, или сажали въ канцелярiи подъ арестъ на хлѣбѣ и водѣ. Въ малороссійскихъ епархіяхъ такого рода школьная дисциплина въ кругу консистористовъ было еще сильнѣе; такъ въ кіевской консисторіи приказные, всѣ помѣщавшіеся въ каѳедральномъ монастырѣ, были подчинены въ 1768 г. архиваріусу іеромонаху, которому дана была для наблюденія между ними дисциплины особая инструкція. По ней онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы всѣ приказные ложились спать

въ 9 часовъ вечера, вставали въ 3 ч. утра, въ четвертомъ и пятомъ часу одѣвались и завтракали, потомъ до часу занимались дѣлами, въ часъ обѣдали, при чемъ чтобы хранили за столомъ благочиніе, не шумѣли, не кричали, посуды никакой не били и не ломали; послѣ обѣда они могли уходить въ городъ или къ знакомымъ монахамъ въ самомъ монастырѣ, но не иначе, какъ отпросившись у архиваріуса. Въ праздники архиваріусъ долженъ былъ вести ихъ въ Церковь и становить на клиросѣ для чтенія и пѣнія, и проч. Въ запискахъ Добрынина находимъ еще болѣе живыхъ матеріаловъ для характеристики положенія консисторскихъ приказныхъ. Каждый изъ нихъ во всякое время могъ быть потребованъ на какія-нибудь лакейскія услуги архіерею наравнѣ съ пѣвчими и келейниками.

Разъ Кириллъ Флоринскій вздумалъ попышнѣе отпраздновать свои именнины, назвалъ знатныхъ гостей и приготовилъ пиръ, но такъ какъ для этого у него не было достаточнаго количества прислуги, да и та, какая была, не годилась по грубости и пропойству, то онъ распорядился, чтобы изъ консисторіи явились къ нему для услугъ два канцеляриста, стряпчій, двое подканцеляристовъ и двое келіистовъ.

„Каждому, разсказываетъ Добрынинъ, опредѣлилъ я должность: одному поручилъ подсчитать серебро, другому бѣлье, третьему стекло. Стряпчему, какъ блюстителю интереса, приказалъ быть въ кухнѣ, чтобы кушанье было отпускаемо на столъ подъ собственнымъ его присмотромъ и наблюденіемъ, дабы паче чаянія иное блюдо не зашло къ какому нибудь старцу въ келью по прежнему обыкновенію. Остальнымъ приказнымъ приказалъ быть у перемѣны тарелокъ съ помощью гостинныхъ слугъ (т. е. прислуга гостей)“ и т. д. Самъ Добрынинъ, проходившій должность архіерейскаго секретаря, тоже постоянно долженъ былъ исполнять разныя лакейскія обязанности.

ГЛАВА IX.

Подвижничество въ XVIII вѣкѣ.

Касаясь характера нѣкоторыхъ представителей русской іерархіи XVIII вѣка, намъ пришлось познакомиться и съ прославленною святостью такихъ лицъ, какъ св. Митрофанъ воронежскій и Димитрій ростовскій, съ исповѣдничествомъ Ѳеофилакта Лопатинскаго и Стефана Яворскаго, съ высокою аскетическою настроенностью петербургскаго митрополита Гавріила, съ тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, какое производила на современниковъ духовная личность митрополита Платона.

Приведя нѣкоторые отрицательные типы русской іерархіи того времени, было бы въ высшей степени несправедливо не указать и на свѣтлыя, многочисленныя, въ ней явленія.

Глубокое сознаніе важности и высоты служенія духовнаго лица Христу наполняло митрополита Платона. Въ томъ убѣжденіи, что званіе священнослужителя такъ высоко, что одинъ лишь Богъ можетъ воздать за него, онъ очень несочувствовалъ мысли императора Павла, который первый сталъ награждать духовныхъ лицъ орденами, и при первомъ пожалованіи этими орденами нѣсколькихъ епископовъ, откровенно и прямо изложилъ въ письмѣ къ императору свое мнѣніе на этотъ счетъ.

Въ митрополитѣ Платонѣ вообще нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ чертъ глубокой духовности. И понынѣ

о немъ помнятъ, какъ о праведникѣ. Мѣсто послѣдняго упокоенія его въ Виѳанскомъ монастырѣ привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ, которые особенно вѣруютъ въ его загробную помощь дѣтямъ. И при жизни своей этотъ великій человѣкъ особенно любилъ дѣтей, покровительствовалъ имъ, воспитывалъ и выводилъ въ люди тѣхъ даровитѣйшихъ, съ какими сводила его судьба.

Высоко держалъ знамя православія и его сотоварищъ, митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій Гавріилъ. Человѣкъ сдержанный, молчаливый, онъ тѣмъ не менѣе смѣло возвышалъ свой голосъ тамъ, гдѣ требовало этого достоинство Церкви и вѣрность исконнымъ церковнымъ и праотеческимъ обычаямъ.

Типичнымъ примѣромъ того является его письмо къ министру народнаго просвѣщенія, графу Завадовскому. До слуха митрополита въ 1794 году дошло, что въ такъ называемыхъ „нормальныхъ школахъ“ вѣдомства народнаго просвѣщенія не соблюдаются посты, и вотъ, что написалъ тогда министру:

„По требованію вашего сіятельства, я препроводилъ пятерыхъ семинаристовъ для приготовленія ихъ къ учительской должности, въ нормальныя училища. Отъ эконома того училища первый классъ для нихъ открытъ—нарушеніе постовъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ отца, который проклинаетъ сына, плачетъ и бранитъ меня. Сей опытъ подаетъ случай просить ваше сіятельство, чтобъ установленія святой Церкви въ семъ училищѣ хранить. Мы видимъ плачевный и ужасный примѣръ Франціи. Папы разрушили установленія Церкви. Оттуда вышелъ Волтеръ и нынѣшняя Франція. Они почитали малостью эти уставы. Но эта малость хранила союзъ между государями и народомъ. Здѣсь, говоря истину, усиливается развратъ (т. е. порча) народный; а училище заведено, чтобъ поправить нравы. Первыя времена Россіи иные почитаютъ непросвѣщен-

ными; но тогда больше было вѣрности Церкви, приверженности къ правительству, и больше честности. Долгъ мой велитъ просить ваше сіятельство, дабы благословили экономy предписать, чтобы въ нормальномъ училищѣ были соблюдаемы посты. Нарушеніе ихъ будетъ всеобщею проповѣдью для Россіи, что едва-ли преступники закона могутъ быть учителями закона. Я довольно примѣтилъ, что отступленіе отъ Церкви начинается нарушеніемъ постовъ. Ваше сіятельство требуете въ сіе училище еще 45 человѣкъ; но они, слава Богу, не приготовлены къ тому въ семинаріи. Экономъ училища можетъ сказать, что сіе дороже будетъ. Но еще драгоцѣннѣе обязанность къ Богу, Государю, Церкви и союзъ Россіи. Покорнѣйше прошу запретить дѣлать такія своеволія, а приказать держать учениковъ въ правилахъ Христіанской Церкви. Какое ваше послѣдуетъ о семъ опредѣленіе, прошу меня увѣдомить. И я, получивъ это, поспѣшу препроводить ихъ (т. е. учениковъ) къ вамъ".

Замѣчательное письмо, выражающее и твердую архипастырскую ревность, и мудрый взглядъ на значеніе постовъ и на важность послушанія Церкви.

Интересны и послѣдствія этого письма. Графъ писалъ митрополиту, благодаря его за совѣтъ и оправдываясь, что на экономa взвели клевету.

„Съ душевнымъ признаніемъ благодарю ваше преосвященство за пастырскій отзывъ, который пріемлю, какъ сынъ Церкви, благоговѣющій ко всѣмъ установленіямъ оной, и глубоко почитающій ваши святительскія наставленія..." „Изслѣдовавши о томъ, я теперь вновь строго подтверждаю, чтобъ всѣ посты соблюдаемы были свято, и увѣряю ваше преосвященство должнымъ моимъ повиновеніемъ, что отселѣ не услышите о соблазнѣ".

Самъ истинный аскетъ, митрополитъ Гавріилъ любилъ и монашество, покровительствовалъ истинному иночеству и оказалъ ему незабвенныя услуги.

Онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми извѣстными иноками-подвижниками своего времени, и чрезъ нихъ, вызывая ихъ къ себѣ и ставя во главѣ монастырей, вдохнулъ новую жизнь во многія обители, клонившіяся къ внѣшнему разрушенію и къ духовному упадку. Онъ вызвалъ великаго подвижника Назарія изъ Сарова и чрезъ него возвелъ совершенно захирѣвшій Валаамъ на ту высокую степень, на которой Валаамъ стоитъ доселѣ. Чрезъ пустынника Адріана возобновленъ Коневецъ. Онъ старался подымать упраздненныя въ 1764 г. обители,—такъ онъ способствовалъ возстановленію древняго знаменитаго подмосковнаго Симонова монастыря, который предполагалось обратить въ казармы подъ кавалерію! У себя въ епархіи онъ заводилъ общежитія, и вотъ имена чрезъ общежитіе усовершенствованныхъ имъ монастырей: Валаамскій, Коневскій, Зеленецкій, Иверскій, Тихвинскій, Новоезерскій, Моденскій, Вяжецкій, Дымскій, Вишерскій, Отенскій и Клопскій.

Помимо Платона и Гавріила духовною жизнью особенно прославились іерархи сибирскіе, которымъ, быть можетъ, помогла въ духовномъ самососредоточеніи самая дальность ихъ отъ Петербурга, гдѣ такъ увлекательна игра честолюбія, столь пагубная для монаха.

Святой Иннокентій, первый епископъ иркутскій, канонизованный въ 1804 году (скончался 26 ноября 1731 года), изъ малороссійскаго дворянскаго рода Кульчицкихъ, митрополитъ тобольскій Филоѳей (Лещинскій), назначенный на каѳедру взамѣнъ святителя Димитрія Ростовскаго и проповѣдывавшій инородцамъ Сибири Христа, уже оставилъ по болѣзни каѳедру и принялъ схиму съ именемъ Ѳеодора, заслуживший прозваніе „просвѣтителя Сибири“, Іоаннъ (Максимовичъ), митрополитъ тобольскій (преемникъ по черниговской каѳедрѣ святителя Ѳеодосія углицкаго, первый испытавшій на себѣ чудотворную цѣлебную силу святителя), Павелъ Конюскевичъ, митрополитъ тобольскій, выразившій

императрицѣ Екатеринѣ протестъ за отобраніе церковныхъ имѣній и сведенный за то съ каѳедры (нетлѣнно почиваетъ въ великой Кіево-Печерской лаврѣ), архіепископъ тобольскій Варлаамъ (Петровъ), старшій братъ митрополита с.-петербургскаго и новгородскаго Гавріилъ; вотъ свѣтлый сонмъ сибирскихъ іерарховъ-подвижниковъ, которыхъ посейчасъ помнитъ Сибирь и почитаетъ за праведниковъ.

Изъ возстановителей монастырей, особенно замѣчателенъ старецъ Ѳеодоръ Ушаковъ, происходившій изъ родовитой дворянской семьи и тайно оставившій службу въ гвардіи, чтобы подвижничать. Въ возобновленной имъ Санаксарской (Нижегородской губерніи) пустынѣ собралось много истинныхъ рабовъ Божіихъ, привлеченныхъ чрезвычайно строгою, суровою жизнью; многіе изъ учениковъ отца Ѳеодора сами были потомъ настоятелями и обновителями монастырей.

Изъ лицъ, основавшихъ новыя обители, особенно памятенъ схимонахъ Іоаннъ, основавшій знаменитую Саровскую пустынь на уединенной горѣ, среди темниковскихъ лѣсовъ, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ сильный татарскій городъ Сараклычъ. Схимонахъ Іоаннъ былъ оговоренъ въ какихъ-то политическихъ умыслахъ однимъ изъ клеветниковъ, столь распространенныхъ во время Бироновщины, и умеръ въ Петербургѣ въ узахъ, измученный допросами Тайной Канцеляріи.

Изъ женщинъ, ведшихъ высоко духовную жизнь, особенно замѣчательны: первоначальница Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, Агафія Симеоновна Мельгунова и петербургская блаженная Ксенія.

Владимірская помѣщица Агафія Симеоновна Мельгунова, рано лишившись мужа, посвятила себя подвижничеству и приняла постригъ, повидимому тайный.

Въ странствованіяхъ своихъ, идя изъ Кіева въ Саровъ, она присѣла отдохнуть у церкви въ селѣ Дивѣевѣ, въ 12 верстахъ отъ Сарова, и имѣла тутъ ви-

дѣніе. Пречистая Дѣва, являвшаяся ей въ Кіевѣ съ повелѣніемъ идти на сѣверъ Россіи, теперь поручала ей воздвигнуть на этомъ мѣстѣ храмъ во имя чудотворной Ея иконы Казанской, и при этомъ, по преданію, произнесла слѣдующее обѣтованіе:

— „Вотъ то самое мѣсто, которое Я повелѣла тебѣ искать на сѣверѣ Россіи, когда еще въ первый разъ являлась Я тебѣ въ Кіевѣ: и вотъ здѣсь предѣлъ, который Божественнымъ Промысломъ положенъ тебѣ: живи и угождай Господу Богу до конца дней твоихъ; и Я всегда буду посѣщать мѣсто это, и въ предѣлѣ твоего жительства Я осную здѣсь такую обитель Мою, равной которой не было и не будетъ никогда во всемъ свѣтѣ: это четвертый жребій Мой во вселенной. И какъ звѣзды небесныя, и какъ песокъ морской умножу Я тутъ служащихъ Господу Богу, и Меня Приснодѣву, Матерь Свѣта, и Сына Моего величающихъ. И благодать Всесвятого Духа Божія и обиліе всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ съ явными трудами человѣческими не оскудѣютъ отъ этого мѣста, Мною возлюбленнаго“.

Въ продолженіе двадцати лѣтъ Агафія Симеоновна подвизалась въ Дивѣевѣ, жила въ отдѣльной кельѣ. Кромѣ занятій постоянною молитвою и чтеніемъ священныхъ книгъ она, забывъ свое происхожденіе и богатство,—во исполненіе словъ Апостола: „Аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе“—пребывала въ трудахъ: у мѣстнаго священника исправляла всякую домашнюю и черную работу; когда у бѣдныхъ крестьянъ хлѣбъ долго оставался на корню, она тихонько ходила на поле, ожинала и вязала въ снопы, пеклась о дѣтяхъ, оставленныхъ безъ присмотра, творила тайную милостыню, ходила за больными; бѣднымъ невѣстамъ, въ сохраненіи отъ грѣха, давала приданое, на вѣнчаніе вышивала головные уборы и дарила полотенца; по праздничнымъ днямъ дѣлала крестьянамъ разныя на-

ставленія. Когда свирѣпствовалъ Пугачевъ, старица умолила Господа объ избавленіи ихъ края; также по ея молитвамъ, миновалъ ихъ голодъ. Свое имѣніе, состоявшее изъ 700 душъ крестьянъ, она, по совѣту старцевъ, продала такимъ господамъ, которыхъ выбрали сами крестьяне—хотя за менѣе выгодную цѣну, чѣмъ предлагали другіе покупщики.

На вырученныя съ имѣнія деньги и на свой наличный капиталъ, Агафія Симоновна, вмѣсто бывшей деревянной церкви, воздвигла каменный храмъ съ двумя престолами; незадолго же до кончины, пригласивъ къ сожитію нѣсколько благочестивыхъ женщинъ простого званія, положила начало общинѣ. По кончинѣ основательницы, число сестеръ умножилось, и къ 1826 г. ихъ было до 40.

О. Серафиму пришлось видѣть старицу Агафію передъ ея смертью; онъ былъ еще тогда іеродіакономъ, и сопровождалъ старцевъ Саровскихъ, совершавшихъ надъ умиравшею таинство елеосвященія. Со слезами просила старцевъ больная не оставлять ея сиротъ. И о. Серафимъ исполнилъ ея волю, возративъ Дивѣево.

Блаженная Ксенія юродствовала въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Званіемъ она была полковница, но одѣвалась, какъ самая бѣдная, нищая женщина, постояннаго пристанища не имѣла; днемъ она, юродствуя, ходила по Петербургу; ночью молилась на церковной паперти или въ открытомъ полѣ. Одаренная даромъ прозорливости, она пользовалась большимъ почитаніемъ особенно среди простого народа.

Послѣ кончины ея народное усердіе къ памяти ея постепенно принимало все большіе размѣры. И теперь непрерывно смѣняются множество богомольцевъ въ часовнѣ надъ могилой „рабы Божіей Ксеніи“ на Смоленскомъ петербургскомъ кладбищѣ. Во всѣхъ классахъ петербургскаго общества распространена глубокая

вѣра въ благодатную силу блаженной Ксеніи, къ которой прибѣгаютъ во всѣхъ важныхъ событіяхъ или затруднительныхъ случаяхъ жизни.

Заканчивая это краткое и неполное обозрѣніе духовной жизни русскаго народа въ XVIII вѣкѣ не можемъ не остановиться на слѣдующемъ выводѣ.

Какъ глубоко ни взволновало русскую жизнь то братаніе съ западомъ и нѣкоторое духовное ему подчиненіе, которое повлекла за собою широкая преобразовательная дѣятельность Петра Великаго: Русь изъ этого столкновенія съ западомъ вышла побѣдительницей, осталась Русью. И въ обществѣ, переряженномъ въ иноземное платье, заговорившемъ на иноземныхъ языкахъ, таились подспудныя чисто русскія силы. Мы не говоримъ уже о простомъ народѣ, до котораго западныя вѣянія не дошли.

Но и высшіе классы въ XIX вѣкѣ, который, какъ все послѣдующее въ исторіи, нельзя не считать во многомъ отголоскомъ предшествующаго ему XVIII вѣка, дали высокіе образцы истиннаго русскаго подвижничества.

И потому можно сказать, что и изъ столь бурнаго для церкви XVIII вѣка Россія вынесла нерастраченнымъ главное свое народное сокровище, главную свою народную похвалу: православіе.

БИБЛІОТЕКА

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы.		Стр.
	Источники	3
	Предисловіе	5
I.	Религіозныя воззрѣнія Петра Великаго.—Недовольство приверженцевъ старины.—Послѣдній патріархъ Адріанъ.—Переходное время.—Монастырскій приказъ.—Мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій и его стояніе за православіе	7
II.	Учрежденіе Св. Синода.—Мѣры къ упорядоченію религіознаго строя.—Взгляды Петра на монашество.—Оцѣнка тѣхъ и другихъ	21
III.	Архипастыри стараго типа.—Іовъ новгородскій.—Св. Митрофанъ воронежскій.—Св. Димитрій ростовскій и его просвѣтительная дѣятельность	31
IV.	Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Его дѣятельность и личность	56
V.	Опальные архіереи	72
VI.	Отношеніе къ церкви императрицы Елисаветы Петровны.	88
VII.	Екатерина II.—Архіереи-великороссы.—Отобраніе въ казну монастырскихъ имѣній.—Монастырскіе штаты.—Протесты	109
VIII.	Изъ архіерейской жизни XVIII вѣка.—Нѣсколько типовъ архіереевъ	147
IX.	Подвижничество въ XVIII вѣкѣ	167